ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

ДЖУНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Встает над миром знак России Водолей, — писала Джуна М. С. Горбачеву. — Символ Водолея — урна с мертвой водой и амфора с живой...» Знаменитая вра- чевательница и пророчица за год предсказала распад СССР, катастрофу на Чернобыльской АЭС, увидела двух мертвыхв мавзолее Гур-Эмир, где находится надгробие Тамерлана.

Книга рассказывает о странной судьбе и необычайных деяниях нашей современницы, превратившейся из обычной сельской девушки в ассирийскую царицу.

- Муляров Евгений
  -
  - Ведьма или маг
    - Ведьма горит на медленном огне
    - Предостережение верховному жрецу
    - Отнюдь не ведьма
    - Кто такие маги?
  - Детство рождавшейся множество раз
    - Чудесное происхождение
    - Возвращения через века и пространства
    - Смертельная опасность
    - Подготовка к будущему
    - Первая беседа с мертвецами
    - Искусство повелевать тенями
    - Аэндорская волшебница вызывает тень Самуила
  - Город сердца и город судьбы
    - Дом, в котором спят на столе
    - Прорицательница готовит коктейли
    - Двойник ее отца
    - Опыт симпатической магии
    - Джон Ди, Пифагор, Жанна д'Арк, Джуна
    - Журналист лепит куличи в детской песочнице
    - Что было на засвеченной фотопленке?
  - В тени семи холмов
    - Таинственный телефонный звонок
    - Выстрелы, слежка и яд
    - Маг нуждается в защите
    - Кто учил врачевать Авиценну?
    - Глаз деревянного коня
  - Я, Царица Евгения Джуна
    - Лес, где солнце не видно сквозь ветви

- Разгадка детской головоломки о том, кто остался на трубе
- «Друзей моих прекрасные черты»
- Булла папы римского и Мальтийский крест
- Манифест ассирийской царицы

Муляров Евгений
Джуна

Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.

Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите.

И ты вступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои веселые онагры
Звенели золотом копыт.

Узорный лук в дугу был согнут,
И, вольность древнюю любя,
Я знал, что мускулы не дрогнут
И острие найдет тебя.

Но рот твой, вырезанный строго,
Таил такую смену мук,
Что я в тебе увидел бога
И робко выронил свой лук.

Толпа рабов ко мне метнулась,
Теснясь, волнуясь и крича,
И ты лениво улыбнулась
Стальной секире палача.
Н. Гумилев

Ведьма или маг

Ведьма горит на медленном огне

Пролог первый

Все было готово к казни. Приговор вынесен.

Среди прочего преступница обвинялась в том, что «путем какого-то черного колдовства, не без связи с дьяволом», она отыскивала потерянные или украденные предметы и вещи, предсказывала будущее, и «предсказания ее и пророчества не раз и не два сбывались», з также в том, что лечила больных и недужных путем наложения ладоней, «что является злобной насмешкой над деяниями Бога нашего Иисуса Христа, излечивавшего страждущих единым прикосновением руки».

Чтобы казнь длилась как можно дольше и была для преступницы мучительной, костер сложили из сырого дерева — подобный метод не только не осуждался, а, напротив, рекомендовался компетентными в том людьми. Так, французский адвокат Жан Боден в своем известном труде «De Magorum Daemonomania» утверждал: «Какое бы наказание мы ни назначили ведьмам — жарить ли, варить ли их на медленном огне, — это для них недостаточно и это ничто по сравнению с мучениями, которые для них в этом мире уготовил сатана, не говоря уже о вечной агонии, которая приготовлена для них в аду, поскольку земной огонь не может гореть больше часа или около того, пока ведьма не умрет».

Толпа, собравшаяся на площади и ожидавшая казни, не вдавалась в столь тонкие юридические подробности. Люди хотели, чтобы зрелище, которого они с таким нетерпением ожидали, продлилось как можно дольше и они могли бы насладиться им в полной мере.

Их по-своему можно понять. Люди живут скучно. Гнут спины в тяжких трудах и томительно препровождают день за днем, слившиеся для них в беспросветную серую вереницу лет. Для кого-то из них казнь ведьмы станет самым ярким событием в жизни, и воспоминания об увиденном будут старательно храниться в памяти. Еще бы, ведь они видели торжество справедливости, возобладавшей над дьявольскими кознями!

А вот и сама ведьма: красивое лицо, особенным светом наполненные глаза (уж не дьявол ли глядит на присутствующих ее глазами?), прекрасные руки с длинными и сильными пальцами (так этими руками она изводила из человеческих тел болезни?).

Нет, нельзя поддаваться колдовскому обаянию, чтобы самому не гореть после смерти в адском огне. Суд решил, что она

виновна, а суду видней, в нем заседают сведущие ученые люди. Они отличат виноватого от невиновного, ведьму от праведницы. Так пусть свершится казнь!

Палач накрепко привязал ведьму к столбу, поднес пылающий факел к самому низу сложенной аккуратно поленницы. Хворост вспыхнул сразу. Он трещал и, сгорая, светился алым светом, багровевшим по мере сгорания. Но дрова оставались целы. Огонь нехотя лизал их. Сырое дерево сопротивлялось огню, оно шипело, капельки влаги выступали на нем и тут же испарялись от жара.

Толпа была недовольна. Люди перешептывались. И вдруг раздался радостный вопль: «Горит! Горит!» Крикнул один, другой. Голоса слились в единый хор, в который вливался и гул набиравшего силу огня. Жар победил влагу. Костер горел, набирая силу. Придет момент, пламя изведет все дрова и поглотит само себя.

Верно заметил французский юрист: земной огонь не может гореть вечно.

В отличие от огня небесного...

Предостережение верховному жрецу

Пролог второй

Этого разумеется не было. Вернее, было, но не с героиней нашей книги.

А может быть, все-таки с ней? Ведь Джуна неоднократно говорила, что не в первый раз живет на Земле. И вполне вероятно, будет жить еще много раз, если...

Но об этом «если» поговорим потом. А покуда пусть читатель не сетует на то, что впечатляющая картина, описанная в первом прологе, только лишь плод фантазии сочинителя и речь здесь пойдет не о ведьмах и колдунах, не о таинствах инквизиции, глухих, сырых подвалах, где звенят цепи и кандалы, не о пытках водой и огнем, а о чем-то другом.

Никто никого не хотел вводить в заблуждение. Будь на дворе не самый конец XX века, а, скажем, средневековье, все бы именно так и происходило. Не стоит забывать, что процессы против ведьм кончились, по меркам истории, не столь уж давно. Еще в 1782 году в Швейцарии была сожжена девушка, обвиненная в ведьмовстве. И сожжена отнюдь не инквизицией, которой в Швейцарии никогда не существовало. Сделано это было по распоряжению светских властей.

А ведь что-что, а посчитать Джуну ведьмой вполне могли. Именно такое обвинение бросали ей прямо в лицо односельчане. Ведь она даже в воде не тонет — пробыла на дне колодца намного больше, чем может обыкновенный человек!

Но Джуна знаменита не тем, что ей не опасны стихии. И даже не только тем, что прикосновением рук, без каких бы то ни было лекарств, вылечивала сложнейшие болезни, перед которыми отступали профессиональные дипломированные врачи. Хотя и это чем не колдовство?

Она, как книгу, читала прошлое и предсказывала будущее: судьбы людей, смерти, болезни. Было, она предрекала грядущие бедствия и катастрофы. Даже падение империй.

В этом, последнем, случае тот, к кому было обращено предсказание, не поверил пророчеству, а поверь он, история могла бы пойти иначе. Могла бы, однако не пошла. Люди не столько не умеют разгадывать пророчества, облеченные в форму аллегории или притчи, сколько боятся, что предсказание сбудется. Однако если не прислушаться к предсказанному, от судьбы не уйти. Так произошло и на сей раз.

Был 1991 год. На календаре — июль. Но ни летняя отпускная пора, ни жаркая погода не сулили затишья политической жизни.

Бури ждали впереди, хотя внешне все выглядело вполне устойчивым. Разве кто-то мог знать, что дни правления всесильного М. С. Горбачева, занимавшего сразу два поста — пост Президента СССР и пост Генерального секретаря Компартии, — уже сочтены? Об этом знали только те, кто в самом ближайшем времени собирался отстранить его от власти.

И еще знала об этом Джуна. Откуда пришло к ней знание, как вообще снисходят на человека откровения и открывается будущее? Этот вопрос интересует, наверно, любого. И мы еще поговорим об этом.

Важнее сам факт. Джуна знала о будущем человека, от которого во многом зависело будущее всей страны. И она решила предупредить о надвигавшейся опасности.

Не будем судить, хорош или плох М. С. Горбачев как политический деятель. Мы имеем то, что имеем. И кто знает, вчитайся он внимательно в письмо, облеченное, по древнему обычаю жрецов, в форму иносказания, вдруг судьба повернулась бы иначе, а его звезда на политическом небосклоне продолжала бы сиять. Но не вслушался и не внял, как не вслушиваются в слова любого пророка, боясь им поверить.

А понять сказанное было совсем несложно, ибо, сколь ни странно выглядело в наши дни само пророчество, его насквозь пронизывал здравый смысл.

«Когда вера крепка и едина, правитель может и должен быть одновременно и верховным жрецом.

Когда вера меняется, начинается спор жрецов старой и новой веры.

В это время правитель должен оставить жрецов наедине с их спором, сложить с себя полномочия и остаться только правителем.

В смутное время у него должна быть одна забота. Забота о сохранении народа и державы.

Умный правитель в случае многих неясностей в вере запрещает жрецам занимать государственные должности любого уровня.

Если старые жрецы взбунтуются и захотят сами свергнуть верховного жреца, он их опережает своим решением о сложении с себя высшего жреческого сана.

Я человек осторожный, но решительный. Моя любимая поговорка *семь раз отмерь и один раз отрежь.*

Сейчас идет *Седьмой год* новой жизни нашей страны.

Пора решать!

Умный правитель в таком решении опирается на тех, кого любит народ. Такие люди в нашей с Вами России есть. И Вы

знаете, о ком я говорю. Если Вы станете *друг другу опорой,* то Россия и вся страна свершит свои надежды. Если нет, я ничего не буду говорить. Но напоминаю одно. Встает над миром знак России — Водолей. Символ Водолея — урна с мертвой водой и амфора с живой. Если следовать знаку России и его символу, то Вы уже спрыснули страну мертвой водой отрицания. Теперь Россия ждет живой воды, чтобы жить и возродиться.

21.07.91 г.

Джуна».

Прошел ровно месяц. Наступило 21 августа 1991 года. Дата, памятная многим, если не всем гражданам бывшего СССР. Нет, тогда великая держава еще существовала и ни о каком распаде не думали. И даже М. С. Горбачев утратил только пост Генерального секретаря, оставаясь пока Президентом государства. И все-таки...

Вероятно и такое предположение: по каким- то причинам текст пророчества остался адресату неизвестен. Если так, то это лишь частный факт, в определенной мере отразившийся на его собственной судьбе, не более. Дело в другом.

За подобное пророчество, сбудется оно либо нет, несколько веков назад Джуну наверняка бы отдали в руки великой инквизиции, да и светские власти совсем не одобрили бы предсказаний о падении верховного властителя. А уж коли пророчество сбылось, тем паче участь пророчицы была бы предрешена. И страшное слово «ведьма», будто клеймо, отметило бы ее.

Но вот незадача, ведьма ли Джуна (заключай это слово в кавычки, оставь ли незакавыченным)? Стала бы ведьма добровольно предостерегать человека, от нее лично далекого? Стала бы она беспокоиться о судьбе Отечества?

Да нет же! Конечно нет!

Так, может быть, Джуна при всех внешних совпадениях вовсе не ведьма? Тогда кто же?

Отнюдь не ведьма

Пролог третий

Тысячелетняя культура создала множество замечательных книг, посвященных самым разным областям знания. Есть книги по математике, физике, химии, биологии. Существуют книги, где говорится о такой странной науке, как астрология, и доказывается, что звезды влияют на исторические события и человеческие судьбы. А есть скромные письмовники, руководства к составлению писем (занятие в определенном смысле не менее важное, чем изучение звездных влияний).

Существуют книги и самые необычайные. Например, обширная литература о ведьмах. Но и среди этих книг выделяется одна, классическая, — знаменитый «Молот ведьм» Якова Шпренгера и Генриха Инститориса. В их старательном, вернее сказать, всеобъемлющем труде вопрос рассмотрен досконально и со всех сторон, а также даны исчерпывающие советы и рекомендации.

Рассказывая о личности Джуны и ее жизни, нелишне обратиться к этому сочинению двух монахов-инквизиторов. Оттуда можно почерпнуть много любопытных сведений (ложны они или справедливы, в данном случае не суть важно, они нужны как материал для сравнения).

Итак, почти наугад откроем страницу: «Высказанная истина относительно гнусности преступлений при колдовстве должна быть доказана сравнением их с другими деяниями колдунов и кудесников. Имеется 14 видов суеверий согласно троякого рода прорицаний. Первый из них происходит путем явного призывания демонов. Второй — путем молчаливого созерцания положения или движения предметов, как, например, звезд, дней, часов и т. д. Третий — путем созерцания поступков человека, для выявления чего-нибудь сокровенного. Это носит название «жребий».

Виды первого рода прорицаний, происходящие путем явного призывания демонов, суть следующие: волшебство, гадание по снам, некромантия, пифонические пророчества, геомантия, гидромантия, аэромантия, пиромантия и почитание пернатых. [...]

Ко второму роду прорицаний принадлежат: генетлиаки, гаруспицы, авгуры, хиромантия и спатуламантия.

Различны виды третьего рода прорицаний, все относящиеся к так называемым жребиям, имеющим целью гадание по точкам, палочкам и фигуркам, вылитым из олова. [...]

Позорные поступки ведьм превосходят все эти

преступления... »

Здесь мы на минуту прервемся и подумаем, что из сказанного можно отнести и к Джуне. Несомненно, она неоднократно пророчила и предсказывала. Она не занималась ни геомантией (гаданием по земле), ни гидромантией (гаданием на воде), но общение с миром мертвых занимает в ее жизни огромное место. Она не вызывала умерших, те сами приходили к ней, как постоянно приходит к ней отец, умерший еще тогда, когда Джуна была подростком.

Но продолжим цитату: «Видами первого рода предсказаний волшебники морочат человека разными обманами чувств. Так, тело представляется органам зрения и осязания иным, чем оно есть в действительности. Однако ведьмам не довольно устранять половые органы путем обмана чувств, и она наводит на него половое бессилие, так что женщина не может зачать, а мужчина не способен произвести полового соития, хотя бы половой орган и не был у него удален ведьмами. Не прибегая к обману чувств, они производят также выкидыши, если зачатия не удалось им предотвратить. Они же наводят бесчисленное множество других зол и часто появляются в различных обликах зверей, как это и было показано выше.

Второй род предсказаний называется также некромантией, имеющей целью вызывание умерших и беседу с ними».

Опять остановимся. Джуна никогда и ни на кого не наводила порчу, она врачевала болезни при помощи своих чудесных рук, наделенных особыми силами. С мертвыми же она беседовала: так ведет она непрерывные доверительные беседы с отцом. И даже, по ее собственным воспоминаниям, впервые в жизни увидев мертвеца, она не испугалась, а подошла к нему и обратилась со словами, смысл которых сводился к тому, что тело мертво, а душа бессмертна (словно тот мог ее услышать).

«В третьем роде предсказаний, называемом также предсказаниями по снам, надо различать двоякое: 1) использование снов для раскрытия тайн с помощью злых духов, с которыми гадальщики по снам заключают нарочитые договоры; 2) угадывание по снам будущего при толковании их как божьего наития или при объяснении их из внутренних или внешних естественных причин. Такой род гаданий не является недозволенным. [...]

Иначе пользуются сновидениями ведьмы. Когда они не хотят телесно участвовать в полетах, то они, желая узнать, что происходит с их улетевшими единомышленниками, ложатся спать на левый бок, призывая при этом своего черта и всех демонов. Тогда им в видении представляется все. Когда они хотят

через демонов узнать что-нибудь сокровенное о людях, то для этого они пользуются снами же. Этого они достигают с помощью заключения нарочитого договора с дьяволом, отдавая ему себя и телом и душой, принося полное отречение от веры своим богохульственным языком и жертвуя своих или чужих детей демонам».

Хотя авторы «Молота ведьм» и утверждают, что вещие сны вполне допустимы и описаны еще Аристотелем, пророчества Джуны не связаны со сновидениями, она, кажется, не видела *ни* одного вещего сна.

Сон для нее — убежище, куда она убегает от переживаний и напряженной работы. Порою, умаявшись, она спит несколько суток подряд.

Добавим к общей картине детали, заимствованные из других источников. Ведьмы способны летать, они по желанию делаются невидимыми, могут вызывать бури, убивать на расстоянии или исцелять прикосновением. Кое-что из перечисленного доступно и Джуне. А о прикосновениях ее чудесных рук и вовсе молва рассказывает волшебные сказки.

Если рассматривать отдельно каждый ее талант или способность, Джуну вполне могли бы причислить к ведьмам, причем не только инквизиторы. Да те же люди, которые рассказывают о ее поразительных деяниях. Ее поступки окружает не просто восхищение и благоговейный трепет, в некоторых они вселяют неподдельный ужас.

Однако Джуна ни в коем случае не ведьма, пусть по описаниям из инквизиторских книг легко составить ее внешний образ. И еще она не относится к категории ведьм потому, что не заключала никаких договоров ни со злыми духами, ни с дьяволом.

Оставим в стороне дебаты о существовании инфернальных существ. Главное доказательство в другом. Джуна одарена — природой, богами, кем угодно — особыми свойствами. И она использует свои дарования на пользу людям. Не насылает порчу, а лечит. Предсказывает будущее не для того, чтобы устрашить, а чтобы человек постарался изменить свою судьбу (если, конечно, это еще возможно).

Внешне кое-что в ней напоминает о ведьмовстве, по сути она другая. Джуна несет людям добро. Ее поведение активно. Она открыта для людей и часто непостижима.

Джуна не делает секрета из своей биографии. В написанных ею книгах, в охотно даваемых интервью (а журналисты выстраиваются в очередь, чтобы побеседовать с ней) она рассказывает о своих симпатиях и антипатиях, вкусах,

пристрастиях, повествует о своей жизни, однако повествование это построено не по линейным законам, хронологический принцип нарушен.

В этой книге предпринята попытка выстроить по порядку то, что известно о Джуне. Рассказать о ее жизни, начиная с детских лет, уделив особое внимание переломному для нее 1985 году, и закончить сегодняшним днем. Но автор ни в коем случае не хочет ограничиться изложением того, что было, то бишь внешних фактов судьбы Джуны. Он намеревается проанализировать эти факты и попробовать истолковать их. Ибо, по его мнению, родившаяся 22 июля 1949 года в Краснодарском крае на Кубани Евгения Ювашевна Давиташвили, которая известна всем под именем Джуны, относится к могущественному и редко упоминаемому в книгах племени магов. И он уверен, порассуждать на эту тему куда любопытнее, чем впустую болтать о ведьмах. Тем более о ведьмах пишут часто, а о магах почти никто, будто их не было. А ведь они были. Они есть и сейчас.

Кто такие маги?

Маги куда старше хрестоматийных ведьм, которые, можно смело утверждать, своим происхождением и славой обязаны инквизиции. До той поры ведьм будто бы и не было. Чем мощнее становилась инквизиция, тем страшнее и сильнее становились ведьмы. Инквизиция закончила свое существование, и ведьмовская слава начала меркнуть, сходя постепенно на нет, вырождаясь в борьбу за женское равноправие.

Что касается магов, они словно и не существовали вовсе. В досконально разработанную и выстроенную номенклатуру людей, общающихся с запредельным, магов не включают. «Заклинатели — это те, кто путем произнесения неких волшебных слов осмеливается испытывать вещи вопреки природе, вызывая при этом призраки умерших. Они неправомерно претендуют на подобного рода деяния, показывая якобы некие тайные и отдаленные вещи в самых разнообразных размерах и видах, — писал Уильям Вест в «Симбологрии», изданной в Лондоне в 1591 году, и продолжал перечисление: — Колдуны — это предсказатели, возвещающие о божественном и грядущем. Они вызывают души грешников путем различных заклинаний и особых словесных формул. На слова эти им (как они того и требуют) отвечает некий голос, а перед ними в тот момент стоит либо бокал, либо драгоценный камень, либо кольцо, либо изображение вещи, которую надо найти.

Пророки-прорицатели — это мастера искусства предсказания, полные пророческого духа. Они могут указать, кто украл ту или иную вещь, и рассказать, где лежит пропавший или украденный предмет.

Фокусники и мнимые лекари, для того чтобы излечить все болезни и язвы человеческие и животные, также используют определенные заклинания либо бумажки с надписями, которые они называют «амулетами» или «заклинаниями», подвешивая их вокруг шеи или какой-либо другой части тела.

Чародеи и ворожеи — это те, которые с помощью разных заклинаний, формул, обрядов, трав и других вещей считают, что они в силах сотворить все, что ни пожелают. В это заблуждение их вводит дьявол, делающий, возможно, собственноручно то, о чем эти ворожеи говорят. Этим они несколько отличаются от ведьм, колдуний, прорицательниц, гадающих по полету птиц и предсказывающих по внутренностям жертвенных животных».

По традициям времени не обошел почтенный автор и ведьм, уделив им достойное внимание: «...Ведьма или колдунья — это

женщина, которая — будучи обманутой в результате договора, заключенного ею с дьяволом по убеждению или вдохновлению, либо благодаря проделкам оного — думает, что она способна осуществить всевозможные грешные деяния, либо подумав об этом про себя, либо наслав проклятия, — например, сотрясать воздух громом и молниями, вызывать град и бурю, переносить в другие места урожай и деревья, передвигаться верхом на своих знакомых духах (принимающих в тот момент образ козла, свиньи, теленка и т. д.) в какие-либо отдаленные горные местности, затрачивая на это удивительно ничтожную толику времени; а иногда даже летать на помеле или вилах либо на каких-либо других приспособлениях, а затем проводить всю ночь со своим возлюбленным, играя, бегая, пируя, танцуя, развлекаясь, предаваясь дьявольской похоти и различным непристойным развлечениям, демонстрируя таким образом тысячи столь чудовищных и издевательских деяний».

Маги спрятались за чередой понятий, растворились среди букв и слов, хотя умели делать многое из вышеперечисленного и даже много, много больше. Они обладали несколькими талантами кряду, не специализировались на чем-то одном: предсказаниях, исцелении, некромантии. Способности магов универсальны, силы огромны. Недаром в разных языках — от древних до новых — корень, связанный со словом «маг», означает могущество, силу и мощь.

Но они были еще и умны, может быть, потому-то и выжили, просуществовали от времен Заратустры до наших дней, обжили пространства и древнего Ирана, и Греции, и России.

Людей подобного рода всюду и всегда подстерегала неприязнь окружающих, страх перед их невероятными возможностями и, как следствие, общественная изоляция, официальные гонения, физическая гибель. Еще «Второзаконие» призывало: «Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь, Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии.

Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых».

Если следовать этому указанию Библии, необходимо было бы непримиримо бороться с теми, кто в самой же Библии занимает место из наиболее почетных. К магам можно причислить и Соломона, и Моисея. Черты мага есть и в облике Христа.

Маги есть и за пределами священной истории. Что объединяет Пифагора и Мерлина, Фауста и Джона Ди?

Необычные способности? Не только. Скорее умение предсказывать и гадать, врачевать и вызывать тени — это определенные функции, связанные с их занятиями. Маг — особая форма существования, поведения, проявлений личности.

Английский исследователь Е. М. Батлер старательно и трудолюбиво накопил, систематизировал и проанализировал материалы о магах, собранные по самым разным источникам — от Священного Писания до современной газеты. Он воссоздал как бы универсальный миф о маге, миф, включающий десять основных компонентов: таинственное происхождение; знамение перед рождением героя; угроза его жизни во младенчестве; посвящение в тайну; длительное путешествие; магическое соперничество; преследование; решающая сцена; необычная смерть; воскресение.

Компоненты отнюдь не равны по значению, и необязательно, что все десять компонентов присутствуют в каждом конкретном мифе. Например, необычность смерти Джона Ди заключается, вероятно, только в том, что он умер восьмидесяти одного года от роду (а для 1608 года это огромный возраст, если учитывать среднюю продолжительность жизни), воскресения же не последовало. Пифагор не отличался таинственным происхождением, да и знамения перед его рождением как будто не наблюдалось. Тем не менее обоих надо отнести к разряду магов.

К магам автор относит и Джуну, в чьей биографии можно разглядеть составляющие общего мифа. При таком подходе некоторые ее черты и поступки выступают в ином свете, им находится другое истолкование, чем при прочтении сквозь призму обыкновенной биографии.

Читатель волен возразить, что выбранный подход неправомерен, и даже облечь свое недовольство в формы благородного негодования. Ведь речь идет не о давно умершем историческом герое, а о живом человеке, нашем современнике, в конце концов, обаятельной женщине!

Автор не принимает такого упрека. Вряд ли Джуну обидит сравнение с Пифагором или Фаустом. Отношение же ее к миру мертвых позволяет упоминать о смерти как о неизбежном этапе любой человеческой судьбы. Однако она человек неординарный, умение заглядывать в будущее, кажется, распространяется и на ее собственную жизнь. Ей словно известно пока не известное никому. Как-то рассуждая о себе и о своем характере, она произнесла: «Я всегда знала, что мне надо достойно воспитать сына и не нанести рану его сердцу. Надеюсь я и понянчить внуков. Но не хочу, чтобы меня, как в детстве, называли

«ведьмой», только теперь «старой ведьмой». И я уйду однажды от вас так, что этого никто не увидит. И это мой секрет».

А воскресение... Считает же она, будто живет не в первый раз. Соглашаться или не соглашаться с ее утверждением — личное дело каждого. Но автор считает, что в этой, нынешней жизни Джуны можно обнаружить некоторые компоненты мифа о маге.

Однако начнем по порядку...

Детство рождавшейся множество раз

Чудесное происхождение

Каждый человек сам выбирает себе родину, тщательно и любовно воссоздает ее образ в своем сердце. Джуна выбрала древнюю Ассирию. Она считает, что родом оттуда. С гордостью рассказывает о славной и причудливой истории этой страны, О ее культуре и людях.

Она говорит, что ассирийцы были превосходными воинами и что ее характер — характер Джуны-воительницы — тоже родом оттуда, из тех далеких и безвозвратно ушедших лет. Джуна с восторгом рассказывает о ремеслах, которыми славились древние ассирийцы, — о чеканке, литье, производстве серебряной и золотой проволоки, об искусстве филиграни. Рассказывает, будто вспоминает увиденное собственными глазами, о чудесных городах и оросительных каналах.

Так же говорит она о медицине, достигшей в Ассирии высочайшего расцвета. Врачи производили необыкновенно сложные операции: ампутировали больные члены, выводили из желчных протоков камни, снимали бельма с глаз пациентов, лечили с помощью массажа. А какое изобразительное искусство было у ассирийцев! Какие фрески они создавали! Какой красоты возводили здания и акведуки!

Ни в коем случае не сомневаясь в искренности сказанного Джуной, все-таки необходимо внести некоторую ясность. Пусть даже в паспорте, в графе, где обозначается национальность, у нее вписано «ассирийка», это ничего не решает. Или почти ничего. И пусть признается Джуна, что порою ей самой кажется, будто она была когда-то Семирамидой и, вглядываясь в портрет легендарной царицы, узнает собственные черты — скулы, разрез глаз, прическа, — словно разглядывает не фотографию, на которой запечатлено скульптурное изображение, работа старого безвестного мастера, а вглядывается в самое что ни на есть настоящее зеркало. Дело не в том.

Познания об ушедшем в прошлое государстве у Джуны хоть и пропущенные через собственное сердце, но книжные — это очевидно. Вот начинает она рассказ о древней Ассирии, и что первым приходит ей на ум? Да, разумеется, картинка из школьного учебника: древние воины преодолевают реку, крепко обхватив кожаные мешки, надутые воздухом. Но точно такую же картинку вспоминает при слове «Ассирия» современный поэт, столь дорожащий своей принадлежностью к нашему времени, что ни за какие блага не захотел бы переменить его на другое.

Ни царств, ушедших в сумрак,
Ни одного царя, —
Ассирия! — рисунок
Один запомнил я.
Там злые ассирийцы
При копьях и щитах
Плывут вдоль всей страницы
На бычьих пузырях.
Так чудно плыть без лодки!
И брызги не видны,
И плоские бородки
Касаются волны.

Для поэта это всего лишь забавная подробность, ностальгическая нотка при воспоминании о школьных годах. А для Джуны — это особый мир. И значит, не прав тот же поэт, сочинивший хрестоматийные строки: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Выбирают, отдают предпочтение тому или иному. Выбирают родину — не географическую (хоть случается и такое), а чаще родину духовную, столь же реальную, пусть и не обозначенную на современных картах.

В чем причина подобных поисков? Отнюдь не всегда люди хотят убежать из настоящего, потому что оно страшит или отвращает. Иногда стремятся в прошлое или в будущее, потому что краски там кажутся ярче красок окружающего мира, звуки мелодичнее, и человек обогащается, проникая туда мыслями и душой.

Случай Джуны сложнее. Ореол легенды окружил ее имя. Ее деяния будоражат умы. Ее способности вызывают благоговейный трепет или безотчетный ужас. И притом сама Джуна, при всей своей целеустремленности, работоспособности и непреклонности в определенные моменты, человек, несомненно, романтичный. Она остро чувствует собственную неординарность. Разнообразные таланты и способности (а она не только целительница, провидица, но и поэт, художник) рисуют перед ее внутренним взором живописные картины других миров, других времен.

Джуна инстинктивно перебирает возможности, примеривает судьбы, страны, тысячелетия. Ведь она — маг. А мы помним: происхождение мага должно быть чудесным. Только есть ли нужда проникать в древнюю Ассирию? Происхождение ее и вправду необыкновенно, хотя искать следует не там.

Здесь можно различить как бы два уровня необычного: один — более приземленный, прочитываемый через нашу

повседневность; второй — более возвышенный, напрямую связанный со священной историей человечества.

Отец Джуны прибыл в Советский Союз из Ирана. Тут он женился, тут работал экономистом, тут родились его дети. Однако следует вспомнить, что в те годы иностранцы (за исключением деятелей коммунистического и рабочего движения) были у нас редкими гостями.

Но куда более была удивлена сама Джуна, много позже узнав, что полная фамилия отца Бит-Сардис (по-русски «Дом Сардиса»), фамилия, удостоверяющая, что он один из отпрысков знаменитого рода царей и жрецов.

В Библии есть эпизод, повествующий о том, как, находясь на острове Патмос, Иоанн услышал позади себя громкий голос, который говорил: «То, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Асии: в Ефес и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию».

О чем же следовало оповестить церковь в Сардисе?

«И Ангелу Сардийской церкви напиши: так говорит имевший семь духов Божиих и семь звезд: я знаю твои дела: ты носишь имя, будто жив, но ты мертв.

Бодрствуй и утверждай прочее близкое смерти: ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред Богом Моим.

Вспомни, что ты принял и слышал, и храни, и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя.

Впрочем, у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходит со мною в белых *одеждах,* ибо они достойны.

Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его».

Видимо, одним из тех, кто ничем не осквернил одежд своих, был отец Джуны. Много позже, уже после того, как он умер, он являлся дочери, облеченный в странные сияющие одеяния, помогал ей, если она испытывала трудности, беседовал подолгу. Но о том — в свое время...

Возвращения через века и пространства

Определенная странность, связанная с происхождением Джуны, проглядывает и в судьбе всей ее семьи. Предки отца жили в прошлом веке в Иране на берегу озера Урмия. Когда ассирийцы искали новые места для жизни, они появились в России. Одно из сел на Кубани, которое они основали и где жила в детстве Джуна, тоже называется Урмия. Выходит, что спустя долгое время, преодолев огромные пространства, отец Джуны оказался как бы снова на родине, чудесно перенесенной через границы и годы.

Вспоминая о детстве, Джуна вспоминает и это село, и сохранившиеся там, неподвластные годам, верования и обычаи. Там, наливая кипяток, обязательно предупреждали духов, чтобы те остереглись жара, произносили обязательную фразу: «Шимыт-аля!» Когда сейчас кипит у нее

на кухне самовар, а вокруг стола расположились многочисленные гости — и всем известные, и незнаменитые, — они принимают из рук хозяйки чашки с обжигающим чаем. Наливая его, Джуна не забывает произнести знакомую с детства фразу.

Вспоминает Джуна и прабабушку с материнской стороны, возраст которой перевалил за сто лет. И выступает из полумрака времени фигура очень старой женщины. То она собирает какие-то растения, то, взяв в руку веточку, склоняется над больным (хочется сказать — колдует), нашептывает слова или заклинания, совершает особые движения, должные принести облегчение, избавить от недуга.

Джуна по-детски подражала прабабке. Играла, стараясь следовать ее действиям по возможности точно. И тоже что-то шептала, подыскивая на ходу слова. Может быть, из таких нашептываний, заговоров и приговорок берут начало стихи Джуны, стихи, пришедшие к ней через десятки лет.

Однако самое большое влияние на Джуну оказал ее отец. Яркий и для людей рассудочных странный (собственная жена, мать его детей, в том числе и Джуны, почти боялась его, испытывала к нему суеверную опаску). Он был наделен способностями, которые впоследствии так мощно и своеобразно проявились в его дочери. Да и немудрено, Джуна очень похожа на отца, и сходство это подтверждают родственники. Отец же говорил, что Джуна похожа даже и не на него самого, а на его сестру, которая погибла, когда он был еще маленьким. Она упала с крыши, а рядом горел очаг. А он все это видел и запомнил навсегда. Может быть, свою любовь к сестре он перенес на дочь,

удесятерив ее, ведь теперь любовь, предназначавшуюся нескольким близким душам, досталась одной-единственной.

Не врачеватель, не ясновидящий, человек прозаической профессии — экономист, Юваш Сардис (утративший в советских условиях часть своей царственной фамилии) тем не менее был одарен способностью предсказывать будущее. Правда, говорил он не о судьбах людей посторонних, а о будущем тех, кто был ему духовно близок и дорог. Может быть, именно душевная близость и сопричастность давали ему возможность проникнуть в хитросплетения причин и следствий, вторгнуться в череду событий, из которых состоит история и которые влияют на судьбу. Предсказал он и собственную смерть.

Было это так. Несколько близких людей находились рядом с ним. И Юваш Сардис сказал одному из своих друзей, что тот умрет через две недели. И прибавил, что еще через две недели умрет он сам. Было это неожиданно, неправдоподобно и потому страшно — ведь отцу Джуны шел тогда пятьдесят второй год.

Но на этом предсказание не закончилось. Когда один из друзей поинтересовался, как он будет чувствовать себя в одиночестве, если друзья умрут, Юваш Сардис посулил ему встречу через полгода, то есть предрек своему товарищу полгода жизни. А восьмидесятилетнему старику, заметившему, что лучше умереть ему, поскольку он уже отжил свое, отец Джуны пообещал еще десять лет пребывания на этой земле.

Немудрено, что о дочери такого человека стали поговаривать, будто она ведьма. Перешептывались, боялись и тем не менее, когда наступала нужда, приходили за предсказанием к девчушке четырех лет. Будили ночью и вслушивались в детский сонный лепет, выискивая в сказанном тайный смысл. Ночные пробуждения запомнились Джуне навсегда.

Примерно к тому же периоду относятся и первые, не понятые ею самой сеансы врачевания. Отца мучил радикулит, он лежал, пересиливая тяжкую боль. Мать взяла Джуну и поставила на спину к отцу. Голые ноги ребенка почувствовали страшный жар, кожу пекло. И вдруг все неожиданно прекратилось. Но Джуна испугалась этого жара и долго не могла успокоиться.

Она еще не знала о своем предназначении, не догадывалась о том, как сложится судьба. И действия ее, увенчивающиеся успехом, были неосознанными, спонтанными, а результат не наводил на мысли об особых талантах или уникальных способностях. Так, однажды девятилетней девочкой Джуна заметила бородавки на руках подруги и, полная чисто детского любопытства, потрогала их. Прошло несколько дней, бородавки поменяли цвет, затем высохли и отвалились.

Но если это не удивило героиню книги, даже не привлекло ее внимания, то мы должны вглядеться в эти многозначительные мелочи пристальней. За ними обнаружится очередная закономерность.

Как вы помните, что рождению мага должно предшествовать особого рода знамение, которое свидетельствовало бы о сверхъестественной сути родившегося. Джуна хорошо помнит свое детство, рассказывает о нем подробно и охотно, тем не менее ни о каком знамении не упоминает. Думаю, если бы подобное случилось, родители и родственники рассказали бы о нем нашей героине.

Однако никто ничего не помнит. Девочка родилась, и все. Так было знамение или нет? Или его просмотрели по невнимательности?

Хочется высказать одну догадку, вполне естественно вписывающуюся в схему, предложенную Е. М. Батлером, и приведенную выше.

Какое событие следует считать рождением героя? Задача, сходная с задачей, где поставить запятую в хрестоматийном предложении «Казнить нельзя помиловать». От места, куда приткнется знак препинания, от логического ударения и зависит ответ на вопрос.

Рождение любого существа (и тут нет нужды заглядывать в энциклопедические словари) — появление этого существа на свет. Существо должно родиться для того, чтобы быть.

Рождение героя, воина, художника — из иной области. Чтобы родиться, им надо не просто быть, а стать. Стать воином — значит участвовать в сражении, поразить врага. Стать художником — значит создать произведение искусства. Стать магом — значит демонстрировать сверхъестественные или недоступные прочим смертным способности.

Следовательно, слова «рождение героя», «рождение мага» надо понимать в более широком смысле. Рождение мага означает, что тот почувствовал в себе особое призвание и подкрепил его необычными деяниями. Знамение, предшествующее «рождению мага», — первые робкие проявления его способностей, которым он сам, может быть, и не придает никакого значения.

Как ни слабы еще силы ребенка, врачующего отца от радикулита (со временем они окрепнут, станут внушать суеверный страх), они свидетельствуют о будущем призвании. Пусть случай с бородавками вызывает скорее улыбку, чем благоговение, но он предупреждает — среди магов грядет прибавление, новый маг пока не родился, но родится, и вот история расставляет на его жизненной дороге опознавательные

знаки. Знаки, прочесть которые способны не все.

А пока Джуна растет. Не слишком радивая ученица, она часто вместо того, чтобы идти в школу, пряталась в стог пахучего, теплого сена и, пригревшись, засыпала. Зато по ночам, фантазерка и выдумщица, она пробиралась на улицу, бродила в темноте, любовалась звездами, усыпавшими небо.

Джуна любила, вызвав из дому подруг и друзей, рассказывать им придуманные ею истории. Острота и сила фантазии у нее были такими, что порой она и сама верила в свою выдумку. Однажды она сообщила доверчивым слушателям, что вот-вот грянет землетрясение, подробно описала, как задрожит земля, сметенные безудержной силой, рухнут деревья и превратятся в бесформенные груды здания. Слушатели верили, плакали, прощались. А Джуна будто наяву видела картины распада и ужаса.

Отец понимал девочку больше всех. Он был умным человеком, видел, какими способностями наградила ее природа и какой характер формируется в этом хрупком теле. Он мог всматриваться в будущее и потому предугадывал судьбу дочери. Понимал он и других своих детей — Владимира, Алексея, Эмму, Георгия, был к ним привязан, но любил он больше всех, вероятно, именно Джуну.

Тяжко жилось людям. Сказывались последствия войны. Трудно приходилось горожанам, но совсем худо было именно сельским жителям. От действительности убегают в мечты. Иногда, фантазируя, Джуна видела себя на сцене театра, иногда на эстрадных подмостках. Как-то поведала она о своих мечтах отцу. Он выслушал ее и затем произнес слова, запомнившиеся на всю жизнь: «Твое призвание — прикосновением рук залечить рану». И девочка поверила ему.

Вскоре отца не стало. А через год умерла мать. Конечно, были братья и сестра, но Джуна понимала — семьи больше нет, какие бы чувства ни испытывала она к своим близким. Прежняя жизнь кончилась, а новая покуда не начиналась. Оставалось ждать.

Смертельная опасность

Отступим во времени чуть-чуть назад, потому что один эпизод ни в коем случае нельзя позабыть — слишком многое он объясняет в характере Джуны, слишком ярко высвечивает ее будущее призвание. Ведь следуя за событиями биографии реальной, мы не можем не думать о биографии духовной.

Джуне исполнилось десять лет, когда ее снова назвали ведьмой односельчане.

Ведьмы, как известно, в воде не тонут. Это теоретическое положение не только обосновала, но и проверила на практике святейшая инквизиция. При пытке водой подозреваемую крепко связывали и бросали в реку. Если женщина тонула, она считалась чистой и невиновной, однако, если ей каким-то чудом удавалось выплыть, ее виновность считалась доказанной. И тогда в ход шли орудия пыток, чтобы выдернуть чистосердечное признание. Если грехи признавались, вставало до небес очистительное пламя костра.

Время инквизиции миновало, а ее постулаты, превратившиеся в обыкновенные суеверия, продолжали существовать. Происшедшее с Джуной — очередное тому подтверждение.

Дело было так. Мать хозяйничала по дому, а Джуне поручила следить за трехлетним братом. Пока тот играл во дворе, девочка не должна была выпускать его из виду. Мало ли что выдумает ребенок — во дворе находился глубокий, будто бездонный, колодец.

Джуна предупредила брата: «Ни в коем случае не подходи к колодцу, свалишься». И словно в воду глядела! Стоило ей на минуту отвернуться, мальчик подобрался к колодцу, только крикнуть успел. Джуна, услышавшая из колодца крик о помощи, недолго думая, прыгнула в воду.

Мысль о том, как спасти ребенка, родилась сразу. Девочка нырнула. Теперь она была глубже, чем братишка. Зависнув вниз головой, она руками уперлась в колодезные стенки. Резко согнула в коленях ноги и резко же их распрямила. Попытка удалась — ребенок вылетел из воды. Но сама Джуна начала погружаться на дно. Немного сил у десятилетней девочки, да и те уже отданы для спасения другого.

Выплыть она не могла. А глубокий колодец будто сдавливал ее стенками, между которыми она билась. Вода обжигала.

Неожиданно страстное желание жизни сменилось полным спокойствием. Джуне казалось, что вокруг нее вовсе не вода.

Колодезные стенки исчезли. Она медленно плыла в звездном небе.

Сколько времени продолжалось это путешествие среди звезд, точно неизвестно. По крайней мере, не меньше пятнадцати или двадцати минут. Мать, которая после внезапной тишины услышала громкий плач маленького сына, выбежала из дому. Ребенка отнесли домой, переодели и успокоили. А Джуна все еще находилась в воде.

Из колодца девочку вытащил старший брат.

Именно его увидела она, когда оказалась неожиданно на земле в окружении односельчан. Брат был вне себя от радости, что она жива. И тут раздался чей-то крик: «Ведьма!» Разве способен человек столько времени находиться под водой и остаться в живых?

Можно понять ужаснувшегося человека. Можно понять и Джуну, которая, услышав несправедливую, злобную кличку, вскочила на ноги и бросилась прочь. До поздней ночи она пряталась у соседей. Домой пришла под покровом темноты, будто пряталась, будто совершила нечто предосудительное.

Память об этом случае не покидает ее и по сей день. А видение — она парит среди звездного неба, которому нет ни конца, ни края, — было настолько ярким и впечатляющим, что Джуна даже запечатлела в стихах свой таинственный, необъяснимый с позиций здравого смысла полет.

Но в чем значение этого эпизода? Какое место он занимает в узоре человеческой судьбы?

Может быть, это очередной, закономерный этап пути, по которому должен пройти маг, — от начала до самого конца?

В младенчестве жизни мага угрожает опасность со стороны врагов или со стороны злых сил. Разумеется, десятилетняя девочка отнюдь не младенец. Но мы уже говорили: схемы неизбежно условны. Этапы жизни мага могут меняться местами, временные рамки способны сдвигаться. Коли духовное рождение героя наступает значительно позже его физического рождения, то и жизни мага опасность может угрожать еще до появления его на свет.

Угроза подлинная, а не мнимая. Прервись физическая жизнь человека, и он просто не успеет сделаться магом или героем. Впрочем, впереди ждут новые испытания, и к ним следует серьезно подготовиться, чтобы, все преодолев, стать тем, кем тебе предназначено стать.

Подготовка к будущему

Да, к будущему следовало тщательно готовиться, тем более что оно казалось совершенно неопределенным. Джуна будто предчувствовала, что жизнь вряд ли станет баловать ее, скорее наоборот. Силы, на которые она покуда не обращала внимания, зрели в ней и требовали если не приложения, так выхода.

Они просто переполняли ее. Джуна испытывала себя. Зимой, в страшный мороз глубокой ночью, в коротком, ветром подбитом пальто и парусиновых туфлях, она убегала из дома. И, повинуясь наитию, не зная точного пути, шла в поселок «Новая заря», где жил ее дядя. Ни страха, ни холода она не чувствовала. Только степь и лес сменяли друг друга, а погруженная в собственные мысли девочка шагала вперед.

Джуна едва не оцепенела, когда до сознания дошел страшный звук — будто собаки грызут кость. Она пыталась убедить себя, что видит

собак, хотя было ясно, что перед нею волки. Совсем недавно волки загрызли ребенка из их деревни.

Волки смотрели на нее, когда она медленно шла мимо. Волки смотрели вслед. Но Джуна не остановилась. И звери не набросились на нее. Теперь она поняла, как выглядит страх, как он ощущается всем телом.

Только наутро девочка постучалась в дом своего дяди, и слова, которые она придумала в качестве оправдания, звучали неубедительно. Вряд ли кто-либо понял бы ее поступок, попытался найти в содеянном логику.

Но ее понял отец. Связь их была так глубока, так крепка и так неизбывна, что прервать ее не могли никакие обстоятельства. Даже смерть не властна была над родством душ.

Как-то летом, под утро, девочка проснулась. Кто-то негромко стучал в дверь пристройки, где летом ночевали дети. Джуна спросила: «Кто там?» И отцовский голос ответил: «Я». Джуна отперла дверь. Пустота. Никого.

Только позже пришло понимание. Джуна узнала: именно в это время, во сне, умер ее отец.

Умер, но не покинул свою дочь. Являлся к ней и о чем-то долго говорил, хотя Джуна не помнила содержания бесед. До определенного момента она даже не знала, что ведет с отцом почти нескончаемый разговор.

Поведала ей об этом мать. Но сначала потребовала, чтобы Джуна спала рядом, причем обязательно у стенки. И когда последовали возражения, мать наконец призналась: по ночам

Джуна куда-то уходит. «Да нет же, я сплю», — удивленно ответила девочка. «Значит, ты и сама не знаешь о своих исчезновениях», — сказала мать.

Проследить за девочкой оказалось делом простым. Она вставала с постели, выходила на улицу и там садилась у калитки. Сидя на лавочке, говорила на загадочном языке с кем-то невидимым. На вопрос матери ответила: «Это же отец сидит со мной рядом. Белобородый старик — это он».

Сама Джуна не помнила ни собеседника, ни содержания бесед, ни материнского вопроса. Отец являлся к ней по первому ее зову, помогал найти ответ на мучивший вопрос, выйти из сложной ситуации.

Бывало, она слышала отцовский голос. Иногда появлялась его фигура. Они беседуют, не произнося вслух ни слова.

Руки Джуны удивительно похожи на руки отца. Связаны их души, в загадочной и странной зависимости находятся их руки. Иногда во время лечебных сеансов отец показывает Джуне движения, если случай трудный или дочь сомневается.

На нем серебристое одеяние, но это ее отец — Юваш Бит-Сардис. Человек из царского рода. Скромный советский экономист, обладавший даром предвидения. Отец, так любивший свою дочь, что не покидает ее и после смерти.

Первая беседа с мертвецами

У мага складываются собственные, совершенно особенные отношения с миром мертвых. Он столь часто и целенаправленно общается с ними, вызывает тени, беседует и спрашивает ответа на свои вопросы, что мертвые для него как бы и не мертвы. Просто они составляют отдельный мир, именно мир, и этим все сказано.

Такие отношения ни в коем случае нельзя путать с отношениями других людей, в силу призвания или особых обстоятельств поставленных в ту же зависимость. И для медика, и для профессионального убийцы, и для могильщика мертвец — только объект, только тело, лишенное всех свойств, присущих жизни.

И потому столь различается первая встреча с мертвецом у мага и у медика, студента мединститута. Медику тяжело перешагнуть порог отвращения, ибо он видит перед собой труп, наблюдает следы разложения, распада. Маг видит лишь существо из иного мира, не более того.

Джуна вспоминает, что она никогда не боялась мертвых. И небоязнь ее — небоязнь органическая, присущая той общности, к которой она принадлежит. «Увидев впервые мертвого, — вспоминала она, — просто подошла и сказала что-то вроде: «Мы — едины, человеческая оболочка тленна, но бессмертна человеческая душа. И у каждого впереди — новые жизни».

А потому одно важное обстоятельство переходного возраста является как бы знаком, отметившим, что Джуна уже нашла собственную дорогу, хотя пока и не знала, куда она ее приведет.

Итак, детство кончилось со смертью родителей. Джуна сразу многое поняла, будто за короткое время выросла и повзрослела.

Четырнадцатилетняя девочка без семьи и заботы взрослых ютилась по чужим углам, мыкалась по родственникам. Кто-то относился к ней лучше, кто-то хуже, однако ничто не напоминало родной дом.

Когда произошел этот случай, она жила в Армавире. Училась в вечерней школе, для того чтобы днем заработать немного денег, Джуна разносила телеграммы.

Вернувшись однажды вечером из школы чуть позже обычного, она застала запертую дверь и темные окна. Хозяева давно спали, так и не дождавшись возвращения девочки, а может, и не дожидались ее вовсе. Она стучала в дверь, стучала долго, но ей так и не открыли. Что делать? На дворе холод, зима.

Не зная, что придумать, она обвела глазами двор и внезапно увидела постель с матрацем и одеялом. Недавно умер сосед, и его

родственники, боясь подхватить заразу (а умер он от какой-то инфекционной болезни), выбросили вещи на улицу.

И что же? Зная о том, кому принадлежали эти вещи, и о том, что человек умер лишь вчера, усталая и замерзшая девочка легла в постель мертвеца, закуталась покрепче и так спала до самого утра. Ее не тревожили ни тяжелые мысли, ни страшные сны, ни чувство отвращения.

Наутро она решила уйти из этого дома, оставить этих людей и больше не возвращаться сюда, где к ней отнеслись так безразлично, словно ее и не было никогда.

И она ушла. Ходила по улицам города Армавира, думала, как жить дальше. Возможно, именно тогда в ней и родилась потребность заботиться о каждом встреченном человеке, если человек того заслуживает хоть в самой малой степени. По крайней мере, только подобное чувство способно объяснить терпение и заинтересованность, которые проявляет Джуна и к больным, и к тем, чью судьбу она предвидит, и к тем, кто сейчас нуждается в слове утешения, в жесте доброты.

Возможно, подобные мысли или чувства привели ее на порог обыкновенного детского сада. Заботиться о тех, кому ты нужна? А кому забота нужна больше всех, как не детям? Ведь она и сама только недавно была ребенком, едва ли не вчера, когда забиралась, уставшая, продрогшая, одинокая, в чужую постель, выброшенную из дома.

Ночлег на постели мертвеца стал, кажется, той инициацией, которую обязательно проходит любой человек, чтобы стать посвященным. Инициацию обязательно проходит будущий маг. Джуна словно породнилась с миром мертвых.

А думала она о живых. И о себе в том числе. Надо жить дальше. Надо иметь хоть кусок хлеба и крышу над головой, а для этого необходимы деньги. Разнося телеграммы, заработаешь или на хлеб, или на угол. На то и другое денег при всем желании никак не хватит. Зато возле детей всегда можно прокормиться, еда обязательно остается.

Так и вышло. Когда она поступила на работу ночной няней, появилась возможность доедать остатки детской пищи, а также крыша над головой. Хотя спать приходилось урывками, а иногда и вовсе не получалось сомкнуть глаза ночь напролет.

Заведующая, словно о чем-то догадываясь, перед тем как принять на работу, задала один- единственный вопрос: сколько ей лет? Пришлось прибавить чуть ли не два года и сказать, что исполнилось шестнадцать, а метрическое свидетельство находится в милиции, где ей сейчас оформляют паспорт.

Но ложь во имя выживания, когда никому от нее не

становится хуже, вполне простительна. Удавалось не только доедать остатки детской пищи — по утрам Джуна снимала пробу с приготовленного завтрака. А спустя некоторое время стало совсем хорошо. Старательную нянечку перевели работать на кухню, в качестве повышения по службе.

На деньги можно было снять даже комнату. Приработок Джуна не бросала, разносила телеграммы, теперь только срочные. Работа ночная. После вечерней школы надо спешить на почту, а потом с телеграммой порой идти через весь Армавир, пешком, в темноте, километр за километром.

Случалось разное. Несмотря на свое бесстрашие по отношению к мертвым, живых Джуна опасалась, с ними наладить отношения куда труднее, у них иные законы. Как-то ночью шла она по высокому речному обрыву, и вдруг навстречу из ночной тьмы вынырнули несколько взрослых парней. Могло произойти что угодно. И, почувствовав внезапный прилив страха, Джуна прыгнула с обрыва. Не разбилась, даже не поранилась. Спряталась в песчаную яму и там затихла. А перепуганные парни всматривались в глубь обрыва, пытаясь разглядеть, куда девалась девчушка.

Встретились они через некоторое время совершенно случайно на танцплощадке. Обрадовались парни — жива осталась, не разбилась, не покалечилась. Оказывается, они искали ее, даже в милицию заявили о случившемся. И девушку разыскивали уже представители закона. Думали — утонула, водой унесло, ведь на берегу ни следа. А парням так понравилась молоденькая «утопленница», что двое в нее влюбились. Конечно, не слишком крепка юношеская любовь, зато порывиста и вспыльчива: кто станет провожать девушку домой, иногда решалось кулачным поединком.

Начиналась юность. Призвание ощущалось смутно, однако главное было ясно — оно существует. И все же путь в медицину заказан. Джуна чувствовала, что ее способности вряд ли оценят в каком-либо учебном заведении. А как же слова отца о ее предназначении? Она должна лечить людей. Необыкновенный дар природы надо использовать. В мире столько страждущих, которые ждут прикосновения ее целительных рук.

Джуна решила отправиться в Ростов и там поступить в кинотехникум. Не о карьере актрисы она мечтала, не о профессии режиссера или оператора. Она станет киномехаником. Странно?

Странно. На первый взгляд.

Искусство повелевать тенями

Если посмотреть внимательнее, то в поступках любого, даже самого обыкновенного, человека можно разглядеть не только первый — самый очевидный, но и второй, и третий, и какой угодно еще смысл.

В поступках же такого необычного человека, как Джуна, самые прозаические намерения и желания вдруг освещаются особым светом, в них проглядывает будущее предназначение, а если и не оно само, то догадка о своем будущем необычном призвании.

Отзвенел последний и такой тоскливый школьный звонок. Бывшие ученики распрощались со школой. Перед каждым из них встал выбор: что же делать дальше, какую дорогу выбрать? Джуна поступила самым неожиданным образом.

Куда пойти учиться сельской девушке? Вероятно, в техникум, чтобы получить среднее специальное образование. Но какое? О медицине и о призвании врачевателя и речи быть не могло, несмотря на то что она всегда помнила слова отца о том, что ее предназначение — прикосновением руки залечить рану, унять боль. Ни о медицинском училище, ни об институте, где обучают будущих врачей, она и не помышляла.

Почему? Да потому, что ее дар был слишком необычен. Это не манипулирование множеством блестящих инструментов и приспособлений, которыми пользуется хирург, это даже не простенький чемоданчик медсестры или фельдшера, в котором хранится все необходимое на самый первый случай — шприц, нашатырный спирт, вата. У нее были только ее руки и отсутствовала необходимость в дополнительных приспособлениях. Но кто поверит ей? Кто поддержит, если она сама не могла поверить в свое собственное будущее? Нет, слишком рационален XX век! И слишком серое, приземленное время — самая середина шестидесятых годов.

Итак, Джуна сделала свой выбор. Она решила поехать в Ростов, поступить в кинотехникум и выучиться на киномеханика. Как? Почему? Загадка, да и только. Привлекательная девушка... Если уж невозможно воплотить в жизнь то, к чему она чувствовала истинное призвание, то могла бы попытаться поступить в любой другой техникум, например в педагогический, библиотечный... Да в какой угодно. Хоть в пищевой. Учительница начальных классов, воспитательница детского сада, библиотекарь, клубный работник, повариха — профессии скромные, отнюдь не денежные, но по крайней мере привычные,

обыденные. И вдруг киномеханик...

Совсем не те времена, будь это лет на двадцать раньше — сразу после войны, — совсем иное дело! Какой ореол романтики имела работа киномеханика! Человек из темной будки в конце зала показывал людям волшебные картины. Показывал то, чего вовсе и не было на земле, но как хотелось, чтобы это было!

Целлулоидная лента шуршала, а иногда рвалась, чуть дрожал, вспыхивая и погасая, луч света, на экране появлялись кадры мирной, сытой, обеспеченной и веселой жизни. А если фильмы были о войне, то герои ни в коем случае не погибали. Они обязательно побеждали. Героический разведчик добывал секретные документы, заодно прихватив и вражеского генерала, веселые герои обороняли свое беспокойное аэродромное хозяйство. Влюбленные обязательно встречались в назначенное время — в шесть часов вечера после войны. А уж трофейные ленты!! Их и вовсе не с чем сравнить, чего стоят одни названия — «Большой вальс», «Девушка моей мечты», «Судьба солдата в Америке»...

Киномеханик был царем и богом, повелевал этими людьми, завладевал их сердцами на полтора часа сеансного времени и делал все, что хотел!

И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной.
Ах, механик, ради бога, что ты делаешь
со мной!
Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
заставляет меня плакать и смеяться два часа,
быть участником событий, пить, любить,
идти на дно...
Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!

Теперь совсем не то. Жизнь, конечно, все еще похожа на кинематограф, где черное мешается с белым, но профессия киномеханика утеряла всю свою притягательность. Из человека, повелевающего помыслами и душами, он превратился в обыкновенного служащего, культработника, как называли его сокращенно. Производственный план, количество зрителей, тарифная сетка, где-то наверху — в недосягаемой вышине — Министерство культуры, которое повелевало сотнями и тысячами киномехаников, билетерш и даже директоров кинотеатров. А коли ты еще и механик кинопередвижки!..

Бездорожье, утомительные часы, проведенные в дребезжащей машине-развалюхе, усталый, полуголодный, добирается он до места и крутит все одну и ту же, все одну и ту же ленту, зная ее

наизусть. Кажется, и в страшном сне или на Страшном суде вместо действительных событий он будет пересказывать все тот же сюжет старой кинокартины...

Девушка-киномеханик, да еще необычная, привлекательная, — это и вовсе загадка. Объяснение, которое Джуна давала впоследствии своему внезапному и ошеломляющему именно тривиальностью, заурядностью выбору, тоже мало что объясняло.

Думалось, что профессия киномеханика лишь очередная, самая начальная ступенька в мир кино. А затем, может быть, институт кинематографии, затем...

Объяснение наивное и, как кажется, совершенно неправдоподобное. Вряд ли и молоденькая выпускница школы всерьез в него верила — волшебный мир киностудии и мир дощатой кинобудки, обклеенной пожелтевшими рекламными плакатами, — это разные миры, они не имеют ничего общего, даже не соприкасаются.

Так в чем же кроется разгадка этого странного на первый взгляд выбора, ведь чем-то он продиктован? Попытаюсь предложить свое собственное объяснение. Оно может показаться кому-то еще более странным, чем выбор, сделанный героиней книги, даже вызвать возмущение. Еще бы: за спонтанным, ни к чему не обязывающим поступком вдруг пытаются обнаружить глубокий смысл, таинственную подоплеку! Но напомню, что задача автора не только рассказать о своем герое, его задача истолковать поступки, складывающиеся в единство судьбы, увидеть в каждом отдельном движении тот смысл, который, вполне возможно, не заметен даже тому, кто эти поступки совершает.

И более того, как раз неосознанность, ничем будто не вызванная тяга, желание поступить так, а не иначе указывают на скрытую предопределенность таких поступков, на направленность душевных движений. Так складывается тайный узор судьбы, чтобы выступить сразу, во всем своем великолепии, — когда человека уже не будет...

Но пока речь идет о выборе, сделанном вчерашней школьницей. Отправиться в чужой город, где ей придется приобретать чисто мужскую профессию, изучать объективы, лентопротяжные механизмы и работу мотора, а затем, после окончания техникума, возиться с киноаппаратом, поднимать тяжеленные железные коробки с катушками пленки... Зачем? Почему? Следует ответить вопросом на вопрос: а что, собственно, делает киномеханик, в чем смысл его ремесла? Однако не стоит торопиться с ответом.

Лопнувшая и подклеенная во многих местах пленка, треск

слабенького движка, характерный запах горячего машинного масла и пыли — да, все это неотъемлемые атрибуты работы киномеханика, так же как неизменный и обидный крик «Сапожник!», сопровождаемый пронзительным свистом, если пленка рвется в очередной раз или смена катушек слишком затягивается (ведь речь идет о времени, когда киномеханик часто работал с одним проекционным аппаратом).

Все так, но почему бы не взглянуть на вещи шире? Киномеханик обладает способностью, которой обделены обычные смертные, разве что за исключением профессиональных волшебников и колдунов. Он вызывает тени людей, причем совершенно неважно, тени ли это живых или умерших, и по желанию публики без конца разыгрывает события, которые отделены от присутствующих и дальним расстоянием, и временем, когда они происходили. А точно ли происходили?

Кинематографический луч, направленный опытной рукой киномеханика, может проникнуть и в еще не бывшее, то бишь в гипотетическое будущее, и в не бывшее вовсе никогда, он может мучить бедные тени, беспрестанно вызывая их и неохотно отпуская на покой, чтобы в самом скором времени, когда в зале соберется очередная порция публики и начнется новый сеанс, на потребу ей снова вывести на белое полотно только что отпущенных на свободу рабов проекционного луча.

Не стану возражать тому, кто вдруг посчитает, будто сказанное здесь перебор. Если люди лихорадочно перелистывают книги и брошюры о колдунах и ведьмах, читают публикации в современных газетах о свадьбах вампиров и о местах обитания зомби, если, в конце концов, сейчас этот человек держит в руках книгу из серии о великих пророках, у него, должно быть, есть собственное мнение, которое можно только уважать.

Впрочем, собственное мнение есть и у автора. Более того, рассказанное им никакая не новость, давным-давно о таинственной природе кинематографа догадались самые прозорливые наблюдатели, и слова их, расцвеченные залихватской иронией, порождены именно ужасом перед открывшимися перспективами нового тогда искусства.

«Великий жезл власти дал людям кинематограф. «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» — этот возглас перестал уже быть риторическим. Пусть Фальер только раз приезжал к королю Эдуарду, пусть он приезжал к нему только на мгновение, и жизнь тотчас же подхватила и унесла его дальше, пусть даже после этого мгновения он исчезнет с лица земли, но самое это мгновение, когда он сидел в коляске и приподнимал цилиндр, и чесал переносицу, и любезно улыбался, — оно выхвачено из цепи

других, остановлено и может повторяться до скончания века; оно задержано на тысячи лет и попало в руки к прыщеватому парню, который, как Фауст, как Иисус Навин солнцу, крикнул всему этому: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» - так писал еще в 1908 году популярный критик Корней Чуковский.

Фельетон — особый жанр. Фельетонист ставит перед собой задачу во что бы то ни стало развеселить читателя, а для того всячески принизить то явление, о котором пишет, даже тогда, когда явление это скорее способно ужаснуть — столь оно огромно: «Само время побеждено — и пространство! Сюда, на Разъезжую улицу, на угол Разъезжей и Коломенской, в маленькую грязную залу, где прежде был низкопробный трактир, сходят во всей красе и величии Альпы! В афише написано: «Путешествие по Северным Альпам». И сверкают снега, и зияют пропасти, а мы проходим черные туннели, и — под аккомпанемент тапера — проносятся и пляшут перед нами, как перед окнами поезда, неподвижные, далекие, отстоящие за тысячу верст гордые, великолепные горы. Исполнилось слово Писания. Мы сказали горе: сойди с места! — и сошла гора, и пришла сюда, на угол Разъезжей и Коломенской, и заплясала под музыку тапера. Магомету уже не нужно подходить к горе: пусть отдаст семнадцать копеек за вход, и гора подойдет к Магомету. Великий жезл власти дал людям кинематограф».

Аэндорская волшебница вызывает тень Самуила

Разумеется, делая свой выбор, Джуна ничего не знала об открытиях дореволюционного фельетониста. Не знала о них хотя бы потому, что статья «Нат Пинкертон и современная литература» не перепечатывалась более шестидесяти лет, а старая книжка Чуковского, где она была опубликована, чрезвычайная редкость даже для столицы, а где уж ее достать в маленьком провинциальном городке?

Другая книга, которая могла бы родить дальние ассоциации между современным ремеслом и старинным колдовством, в те времена тоже была не слишком доступна. Правда, в небольшом городке, где жизнь протекает размеренно и жители ревностно хранят раз заведенный уклад и привычки, более доступна, чем в большом городе, — там она была почти под запретом. Речь идет о Библии.

Сама Джуна многократно подчеркивала, что она христианка, православная, но не делает различий между верующими разных религий — буддистами, иудаистами, мусульманами, католиками или протестантами, ведь Бог един для всех. И может быть, потому люди разных вероисповеданий часто принимали ее за свою. С Библией она знакома, тем более что в Библии упоминается и Сардисская церковь, от которой ведет свой род Джуна.

Но это — в Новом Завете, а в Ветхом Завете есть эпизод, который может кое-что прояснить в характере Джуны и в ее отношении к миру.

В одной из глав I Книги Царств рассказывается о первом израильском царе Сауле и о знаменитой Аэндорской волшебнице, к которой обратился он с неожиданной просьбой. Положение Саула оказалось безвыходным: в силу особых причин он изгнал гадателей и волшебников из страны, а его собственные пророки не могли дать дельного совета. Между тем враги собрали войска для нападения на Израиль. И, как сказано в Библии, увидев вражеский стан, Саул «испугался, и крепко дрогнуло сердце его».

Кто даст нужный совет, кто предскажет скорое будущее? Саул приказал отыскать женщину- волшебницу, чтобы та вызвала тень пророка Самуила (почему обязательно женщину, в священной книге не уточняется).

Но предоставим слово первоисточнику: «И отвечали ему слуги его: «Здесь, в Аэндоре, есть женщина волшебница».

И снял с себя Саул одежды свои и надел другие, и пошел сам

и два человека с ним, и пришли они к женщине ночью. И сказал ей Саул: «Прошу тебя, поворожи мне и выведи мне, о ком я скажу тебе».

Но женщина отвечала ему: «Ты знаешь, что сделал Саул, как выгнал он из страны волшебников и гадателей; для чего же ты расставляешь сеть душе моей, на погибель мне?»

И поклялся ей Саул Господом, говоря: «Жив Господь! Не будет тебе беды за это дело».

Тогда женщина спросила: «Кого же вывесть тебе?» И отвечал он: «Самуила выведи мне».

И увидела женщина Самуила, и громко вскрикнула, и обратилась женщина к Саулу, говоря: «Зачем ты обманул меня? Ты — Саул».

И сказал ей царь: «Не бойся, что ты видишь?» И отвечала женщина: «Вижу как бы бога, выходящего из земли».

«Какой он видом?» — спросил у нее Саул. Она сказала: «Выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду». Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю и поклонился.

И сказал Самуил Саулу: «Для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышел?» И отвечал Саул: «Тяжело мне очень. Филистимляне воюют против меня, а Бог отступил от меня и более не отвечает мне ни чрез пророков, ни во сне; потому я вызвал тебя, чтобы ты научил меня, что мне делать».

И сказал Самуил: «Для чего же ты спрашиваешь меня, когда Господь отступил от тебя и сделался врагом твоим?»

«Господь сделает то, что говорил чрез меня; отнимет Господь царство из рук твоих и отдаст его ближнему твоему, Давиду.

Так как ты не послушал гласа Господня и не выполнил ярости гнева Его на Амалика, то Господь и делает это над тобою ныне.

И предаст Господь Израиля, вместе с тобою, в руки Филистимлян: завтра ты и сыны твои *будете* со мною; и стан Израильский предаст Господь в руки Филистимлян».

И опять Саул сильно испугался, и при том он давно не ел. Волшебница уговорила его поесть, поели и слуги Саула. Потом они ушли, но участь вопрошающего была уже решена».

Действительно ли Саул слышал голос Самуила или его обманули и это была лишь имитация голоса пророка? Неведомо.

Несколько иначе эта проблема трактовалась в переводе Библии, сделанном для короля Якова I, где этот эпизод был озаглавлен «Саул получает совет у ведьмы» (значит, в очередной раз прорицателя и предсказателя спутали с ведьмой). Между тем, каковы бы ни были версии и толкования данного эпизода, выдвинутые в угоду историческим обстоятельствам, важнее

другое.

Порою люди остро нуждаются в предсказаниях, но не всякий способен такое предсказание дать, как не смогли помочь Саулу его собственные пророки. И на помощь пришла Аэндорская волшебница. Она не только превозмогла страх перед наказанием (и наказанием нешуточным, смертельным). Она вызвала тень Самуила, и, когда тень предрекла Саулу поражение и гибель, волшебница утешила своего посетителя — царя! — и отнеслась к нему просто и человечно — уговорила поесть, накормила и остальных гостей перед тем, как они покинули ее и отправились восвояси. Ведь так могла бы поступить и наша героиня, Джуна. Глубина знаний о человеке, прозрение будущей судьбы не мешают ей относиться к людям по-доброму и бережно.

Вообще поведанная в двадцать восьмой главе I Книги Царств история чрезвычайно поучительна. Волшебница выполнила свой долг, сделала то, в чем и заключалось ее земное предназначение.

Волшебница она или маг? О том в священном тексте не сказано ни слова. Возможно, потому, что само понятие «маг» там не употребляется (хотя библейский Соломон считается именно магом), или потому, что среди магов не упоминаются женщины.

Объясняется это разными причинами: отсутствием женской формы слова «маг», положением женщины в истории.

Но какая-то загадка в этой истории, несмотря на внешнюю и полную досказанность, существует. Почему Саул приказал слугам отыскать именно волшебницу-женщину? Если ее прорицания столь известны, тогда отчего она не подверглась изгнанию подобно другим? Может, ее дар был принципиально иным? Может, она была из генерации магов и вызывала тени, как вызывает опытный киномеханик бесплотные тени на полотно экрана?

Маг-женщина... Женщина-киномеханик... Два очень далеких понятия, даже составляющие которых не сочетаются между собой, а уж тем более сами понятия!.. А все-таки вчерашняя школьница решила стать не педагогом, не библиотекарем, не продавцом, даже не артисткой, а киномехаником! О чем-то свидетельствует этот выбор.

Итак, Джуна отправилась в Ростов поступать учиться на киномеханика. Как жила она в эти годы? Тот, кто был студентом, может легко догадаться. Студенческая стипендия и до сих пор такая — не разгуляешься. А в прошлом она была и вовсе скудной. И если некому помочь, некому подкинуть хоть немножко денег — сиди впроголодь.

Студентам памятен первый день получения стипендии. Если ты человек не экономный или не наделен железной волей,

тратится почти вся полученная сумма. Наешься от всей души, так что на еду глаза уже не смотрят. А с завтрашнего дня и до следующей стипендии сиди без денег. Основная пища — чай и хлеб.

Но если студенту можно обойтись самой скудной пищей, в основном налегая на хлеб духовный, то без одежды никак нельзя. А уж привлекательной девушке красивая одежда просто необходима. Где ее взять? К счастью, Джуна всегда была неприхотлива в быту, а потому и не слишком обращала внимания на такие мелочи. За модой не гналась. Одевалась в то, что мастерила себе сама.

В те времена в моду вошли короткие платьица. Такие платьица шила и Джуна. Шила из того, что попадется под руку. Когда хозяйка, у которой она жила в Ростове, подарила ей свою старую одежду, то-то была радость! Джуна разрезала ее на куски, они и пошли на платье. Порой доставались и другие старые рубашки и платья. Денег было в обрез, приходилось подрабатывать, в том числе и стиркой. Отсюда и старая одежда, подаренная жалостливыми клиентками.

Но если платье можно смастерить самой, были бы фантазия и вкус (несмотря на всю буйную художественную фантазию, Джуна предпочитала одежду строгую и по сей день не изменила своим пристрастиям, хотя носит теперь вещи от самых прославленных мастеров), обувь самой не смастерить.

Единственные босоножки приходилось беречь. Джуна шагала, легко касаясь ростовской земли, не только потому, что у нее была летящая походка. Кто мог догадаться, что причина тому и обыкновенная экономия? Ступай полегче, и обувь прослужит долго, будет меньше стаптываться.

Но босоножки босоножками, а чаще всего ходила Джуна босиком. Ну и что же, что Ростов большой город? Приличия и запреты каждый создает для себя сам. Как ни странно, горячий, почти раскаленный ростовский асфальт щадил ее ноги, не обжигал, мягко согревал, будто делился теплом. А вдруг и впрямь делился? Вдруг этот материал ощущал, что ступает по нему не совсем обыкновенный человек? Кто знает.

Босоногая, стройная, радостная, бродила она по улицам Ростова. И только перед зданием техникума останавливалась. Из целлофанового пакета извлекалась влажная тряпка, которой протирались ступни, а из сумочки — с величайшей бережностью — босоножки, которым не было цены, ибо они являлись единственными. Остальной гардероб составляли несколько сшитых собственноручно платьев, а также юбки и блузки и единственный плащ. Такой она была в Ростове, такой приехала и

в Тбилиси, когда получила новенький скрипучий и сильно пахнущий краской диплом.

Город сердца и город судьбы

Дом, в котором спят на столе

Тбилиси воспет неоднократно разными поэтами на разных языках. Кавказ всегда привлекал своей загадочностью. Стоит подумать о нем, и голова кружится от переполняющих ее мыслей. Волшебные места, где действительность переплетается с легендой, где история не скучная наука, а реальность, как реальны обступившие со всех сторон горы.

Здесь, возможно, и до сих пор томится прикованный к скале по приказанию Зевса мятежник Прометей и орел неукоснительно прилетает, чтобы выклевать его печень. И так каждый день из века в век. А что для героя страшнее обыденности и рутины? Зломысленный Зевс отлично знал, как страшнее всего наказать героя, и до сих пор не отменил своего наказания. Подними лицо, взгляни в небеса. Видишь кружащего в голубизне орла, может быть, это тот, который исполняет суровый Зевсов приказ. Давно нет Зевса, но кружит в небесах орел, и томится скованный, оставленный всеми, кроме орла, Прометей.

Смотришь на Кавказские горы и вспоминаешь, что именно здесь к Арарату, едва возвышавшемуся тогда над водой, пристал библейский ковчег. Так спасся от гибели мир, так выжили люди и животные. Им была оказана высшая милость.

Стоял типичный тбилисский сентябрь, и солнце жгло, правда уже чуть-чуть умерив свой пыл.

Джуна шагала по городу, полюбившемуся ей с первых минут. Разглядывала улицы и переулки, сутулые, словно люди, присевшие сыграть партию в нарды, да так и застывшие, увлеченные интересной игрой. Видела дома с балконами, обвитыми виноградными лозами. Осенний Тбилиси, будто нарушая все законы природы, делается ярче, красочнее. Летняя зелень и солнечное белое марево сменяется светло-коричневым, оранжевым, лимонным.

Здесь ей предстояло жить и работать. Диплом выдан, направление выписано. И она — свободная, повзрослевшая, одинокая посреди огромного и шумного города. Ей еще придется привыкнуть и к утренним выкрикам торговцев, и к эмоциональной грузинской манере говорить, когда кажется, что люди яростно спорят и даже ссорятся, а между тем это мирно беседуют знакомые, причем не видевшие друг друга лишь со вчерашнего вечера, но сколько нужно друг другу рассказать, жизнь полна новостями.

Джуна знает по-грузински всего несколько слов и потому пока не может сама вести такую беседу. Да и не с кем. В

необъятном Тбилиси у нее нет ни единого знакомого.

Значит, для начала следует отправиться туда, где ей могут помочь найти работу, — в Министерство культуры, ведь теперь и она культработник, умеет обращаться с кинопроекционным аппаратом, заряжать новую катушку с лентой, прислушиваться к работе движка. Джуна отправилась на проспект Руставели.

В министерстве встретили ее любезно, мило поговорили и пообещали работу — кинотеатру «Комсомолец» как раз требовался киномеханик. Но работа будет не раньше, чем через три дня.

Что же делать? Сказать напрямую этому ухоженному, явно следящему за своей внешностью мужчине, что у нее очень мало денег? А ведь кроме еды ей требовался и ночлег. Джуна решила промолчать. Посчитала, что посвящать постороннего ей человека в собственные заботы нехорошо. Она попрощалась и ушла.

А проспект Руставели, который скоро сделается таким родным и близким, не обращал внимания на чужачку. Главная улица города жила своей жизнью. Туда-сюда сновали машины, двери домов и гостиниц распахивались, чтобы пропустить внутрь людей. Из многочисленных кафе выпархивали легкие облачка изумительных ароматов и плыли по воздуху.

Джуна так хотела есть, что вошла в первое подвернувшееся кафе. Оказалось, что оно принадлежит знаменитой гостинице «Интурист». В другое время тратить тут последние деньги она бы не стала, но сейчас не могла пересилить себя. Заказала что подешевле, забилась в дальний угол. По студенческой привычке она съедала все, что на тарелке, однако не хотела, чтобы кто-нибудь, пусть случайно, увидел это. Стыдилась.

Только начала есть, как назло, за столик сели двое молодых ребят. По-русски говорят едва-едва, с трудом подыскали слова, когда спрашивали разрешение сесть рядом с ней. Зато между собой они говорили бойко, причем по-ассирийски. Ребята, не догадываясь, что она их понимает, стали оценивать девушку в скромном платье, сидящую напротив и с аппетитом поедающую лапшу, будто ничего вкуснее в жизни не пробовала.

Джуна какое-то время старалась не слушать, как они обсуждают ее фигуру и лицо, а потом не выдержала и пристыдила их на их же родном языке.

Ребята страшно удивились и тут же пустились в догадки, кто она такая и откуда родом. Догадки их Джуна отвергла. «Хотя я и ассирийка, — сказала она, — но не из Сирии, а из России». О том, что она наполовину казачка, Джуна промолчала.

Спокойно поесть ей не удалось. Едва ассирийцы ушли, появился администратор кафе. Поинтересовался, иностранка она

или нет, ведь говорила она на незнакомом языке. А узнав, кто она такая, предложил работать у него в кафе. Зачем дожидаться свободного места в каком то кинотеатре? Тут и место хорошее, и о еде беспокоиться нечего. Для провинциалки без друзей и знакомых, одной в огромном городе и придумать лучше нельзя. Джуна поблагодарила и отказалась.

Доела уже остывшую и сразу потерявшую вкус еду, вышла из кафе. И задумалась: куда идти? Впереди три дня ожидания, деньги почти все потрачены, ночевать негде. Не зная, как поступить, она села на первую попавшуюся скамейку. И провидение простерло над ней крыло. Рядом села незнакомая молодая девушка.

Разговорились. Джуна рассказала новой знакомой и о том, что она сирота, и о том, что в Тбилиси оказалась по направлению из техникума, и о том, что осталась без денег и без крыши над головой.

Тереза, так звали новую знакомую, тут же вспомнила — у них во дворе снимают комнату три студентки, а четвертая койка свободна. И платить придется всего пятнадцать рублей в месяц.

Дом стоял прямо за «Интуристом». Джуна договорилась с хозяйкой комнаты, а когда узнала, что заплатить можно не сразу, а через месяц, совсем обрадовалась. Жизнь в этом прекрасном городе начиналась замечательно.

Тереза торопила, пора ужинать, ее семья уже собралась, они ждут только Джуну.

В маленькой квартирке проживали пожилые родители и девять взрослых детей. Джуну ветре- тили радушно, пригласили к столу. Отказов не слушали, понимали, что девушка стесняется и старается свое стеснение скрыть. Пообедала? Хорошо. Но как можно отказываться от горячих хинкали? И вправду хинкали пахли необыкновенно.

Джуна ела такое блюдо впервые, и потому ей было невдомек, что ножку у хинкали, состоящую из теста, не едят, за нее берут эти огромные грузинские пельмени. Но ведь еда такая вкусная! Три хинкали исчезли мгновенно, два других Джуна оставила, хотя с удовольствием расправилась бы и с ними. Но ведь она говорила, что сыта.

А потом, по предложению Терезы, они отправились на танцы. Зная, что красен долг платежом, Джуна покупала и входные билеты в парк, и билеты на танцплощадку. Короче, в конце концов, из припасенных денег у нее осталось только два рубля. Но Джуна не унывала. С едой можно что-нибудь придумать, а крыша над головой есть.

В этом она ошибалась. Из парка вернулись поздно, и Тереза

предложила: чем беспокоить хозяйку, лучше сегодня поспать в сарайчике во дворе, там и свободная раскладушка найдется.

Кто ведал, какой скандал ждет впереди? Хозяйка не знала, что новая жиличка будет ночевать в гостях. Может быть, она ничего бы и не сказала, но ее дома не оказалось, а ее мать, едва завидев Джуну, стала зло говорить, что они сдают койки приличным девушкам, «девки» им не нужны. Джуна обиделась на несправедливые и пошлые попреки, забрала чемоданчик с вещами и выбежала вон, горько плача.

Но как повезло Джуне, что она познакомилась с Терезой и ее семьей! Отец Терезы, услышав о случившемся, не раздумывая, предложил: «Живи тут, девять ли, десять, поместимся». Первый год тбилисской жизни связан у Джуны с гостеприимным домом Терезы.

А хинкали, но не те, съеденные за гостеприимным столом в доме Терезы, а другие, косвенно повлияли на дальнейшую судьбу Джуны. Буквально на следующий день Тереза сказала: «Хорошо бы поесть хинкали». Джуна не могла отказать, ведь она стольким была обязана этой девушке. Последние два рубля пошли на угощение подруги, сама Джуна сказала, что вовсе не голодна.

Но денег нет, перспектив пока никаких. И жить на чужих хлебах для Джуны — вещь неприемлемая. За хлеб и кров, особенно предложенные от всей души, надо отплатить, чем только можешь. И когда поутру Тереза собралась подметать улицу, Джуна отправилась ей помогать.

На обратном пути она встретила администратора, который подходил к ней в кафе «Интурист». Первые его слова прозвучали чуть-чуть насмешливо: «В кафе работать не хочешь, а улицы подметаешь». Но, увидев ответную реакцию, сказал уже по-доброму: «Зайдешь?» И вот что странно, Джуна согласилась!

Почему? Будто предчувствовала дальнейшее. Явившись в тот же день в Министерство культуры, она услышала слова, которые не то чтобы огорчили, но и не обрадовали: «Место киномеханика в кинотеатре пока занято, следует подождать еще. Пока можно поработать в том же кинотеатре «Комсомолец» помощником администратора». Сказано без злобы, но и без особой приязни.

Зато директор кинотеатра, куда пришла Джуна, разговаривал с неприязнью и глядел с презрением. А потом начал с другом, который сидел у него в кабинете, разговаривать по-грузински. Джуна поняла, что над ней смеялись. Смешил ее откровенно провинциальный вид, короткое платье, явно купленное не в магазине, а перешитое.

Новая и несправедливая обида. Джуна выкрикнула в ответ что-то на своем родном языке и с грохотом захлопнула дверь.

Когда она вошла в «Интурист», глаза ее были затуманены слезами.

Администратор задал единственный вопрос: «Когда выйдешь на работу? Ах, сейчас?» Он позвал старшую официантку, новой работнице надо подобрать фартук по фигуре.

Работа Джуне понравилась. Опытная официантка ввела ее в курс дела, а в затруднительных случаях подсказывала, как следует поступить.

Поначалу Джуна собирала со столов грязную посуду и относила ее на мойку, а потом стала официанткой. Работа доставляла такое удовольствие, что порой обслуживала и клиентов, сидящих за чужими столами. Кто, например, хочет возиться с пенсионерами? На чай не получишь.

А Джуна работала, успевала и сказать приятное слово, и обслуживала так быстро, словно на крыльях пересекала зал. Только мелькал белый накрахмаленный фартучек.

Да это же счастье! Почти рай! О таком ей и не мечталось. Перепробовала блюда, о которых и не слышала прежде. А вкусно как! Наголодавшись за время учебы, радовалась обилию еды, ее доброкачественности. Необязательно есть, просто приятно, что еда есть. И первые заработки кружили голову. Джуна тратила деньги легко, с удовольствием, делала подарки знакомым. Можно с гордостью было написать братьям — у нее все отлично.

Работа в «Интуристе» закончилась скоро. Джуне пообещали комнату, но для этого она должна перейти в ведомственную столовую. Кончилось время, когда Джуна устраивалась спать на столе, — в доме, тесно, поневоле станешь изобретателем. Грустно прощаться с добрыми и милыми людьми, к которым привыкла, будто они и впрямь родные. И все же... Какое счастье иметь над головой собственную крышу.

Прорицательница готовит коктейли

О Тбилиси тех давних лет! Благословенный город, которого еще не коснулись ни бури новейшей истории, ни гражданские неурядицы, ни бытовая скудость, которая выпала ему в дальнейшем. Цветущий и солнечный город, где каждый дом имеет собственное лицо, где один двор не похож на другой, но вместе они составляют единое целое.

Тбилиси! Сколько в нем было разных уютных шашлычных или кафе на несколько столиков, где можно посидеть с друзьями, поболтать, или помолчать, или просто сразиться в нарды, выкидывая с азартом игральные кости, и шумно, с торжеством, если выигрываешь, либо с раздражением, если проигрываешь, передвигать шашки с ячейки на ячейку.

Тбилиси тех лет... В нем каждый мог найти свое место. Город принял Джуну и не отпускал ее, заботился о ней.

Подруга, работавшая в знаменитом кафе «Метро», расположенном на проспекте Руставели, когда появилась возможность, устроила Джуну туда работать. Хотя она не любила пьяных и ненавидела само пьянство, работа в баре ей нравилась. А завсегдатаи, которые сходились не для того, чтобы напиться, а чтобы пообщаться, провести с удовольствием свободное время, полюбили симпатичную и сноровистую хозяйку бара. Полюбился им и фирменный коктейль, который назвали «Коктейль Джуна».

Джуна звенела высокими стеклянными стаканами, откупоривала бутылки, отмеривала нужные для коктейля составляющие — шампанское, коньяк, ликер, кидала в стакан непременную темно-красную вишенку и кусочек золотого лимона, а сама наблюдала за теми, кто уютно расположился в зале. Ей нравилось смотреть на людей. И мир, и присутствующие представлялись ей окрашенными в разные цвета. Разные настроения, разные мысли, просто разное самочувствие, и человек делается иным. Она еще не знала, что подобное восприятие действительности отразится на ее дальнейшей работе, поможет при постановке диагнозов, по-особому запечатлится в живописных работах.

Но живописью она увлечется много лет спустя. Пока она стоит за стойкой бара, весело пикируется с посетителями, шутит или утихомиривает не в меру проявляющих свой солнечный, взрывчатый темперамент посетителей.

Работа была пусть однообразной, но интересной, тяжелой и все-таки доставляла радость. Появилось немало друзей, которые обязательно выкраивали в день десять — пятнадцать минут,

чтобы увидеться с Джуной. А она угощала их коктейлем. И не брала денег. С друзей денег не берут. Душевные приязни не меряются никакими деньгами, а вторжение в мир дружбы меркантильных, да что там, просто прагматических расчетов неизменно разрушает дружеские связи.

Несмотря на предупреждения добрых людей, Джуна не боялась «прогореть». Не может такого быть! Благому делу сопутствует высшее покровительство. Ей не верили, укоризненно качали головами, печалясь за ее будущее. Но оказалась права она, а не дальновидные советчики.

Вот как оно было. Кроме обязательного бесплатного дружеского коктейля практиковалась и другая дружеская услуга. Друзьям, талантливым и хорошим, однако вечно безденежным людям, среди которых были и писатели, и художники, она отпускала вино и подходящую к вину закуску в кредит. Наступал момент, откуда-то вдруг сваливались нежданные деньги: случайный гонорар за опубликованные строчки или просто удалось найти халтуру и подработать, и люди обязательно приходили в кафе, чтобы отдать Джуне долг.

Святое правило не нарушалось: ведь нельзя подвести человека, который тебе поверил! И естественная гордость подталкивала: можно воспользоваться сделанным тебе дружеским одолжением, но я — самостоятельный человек и сам могу расплатиться за съеденное и выпитое. У всех выпадают в жизни не лучшие моменты, тем более нельзя забывать о доброте, проявленной к тебе, когда дела идут на поправку.

Все шло заведенным порядком. И вдруг нежданная-негаданная ревизия. Что делать? По особой книжке, где записывала, кто сколько должен, подсчитала, что недостаток приближается к пятистам рублям. По тем временам сумма почти астрономическая, средняя ежемесячная зарплата была рублей сто двадцать. Что делать? Обращаться к тем же друзьям? Неловко. Да и откуда у них деньги? Были бы, давно пришли бы и расплатились со всеми долгами. Значит, надо самой искать выход из сложного положения.

Взяла наиболее ценную вещь, которая у нее была — ковровую дорожку, и продала, даже не торгуясь. Завернула вырученные деньги в газету и уже готова была отправиться на работу, радуясь, что отлично все разрешилось. Проверила еще раз деньги. А их нет! Дверь в квартире никогда не запиралась. Кто-то вошел и украл деньги.

Отправилась на работу, а на душе печаль. Мало того что не хватает солидной суммы (а ведь растрата — должностное преступление, она «материально ответственное лицо»), так еще у

мужа, занимавшего довольно высокую должность, могут быть крупные неприятности. Он ведь всегда возражал против ее работы в баре (правда, замену придумал еще интереснее, сказал: «Если хочешь обязательно работать в торговле, давай устроим тебя заведующей кафе, все не простая барменша!»).

С тяжелым сердцем пришла Джуна в кафе. А там уже трудятся ревизоры, тщательно проверяют каждую цифру. Ревизия закончилась, проверяющие заявляют: «Все сходится».

Джуна не поверила собственным ушам. Не может быть! Как так? А ревизоры, весело улыбаясь, объясняют: «Вышла накладка, Джуне со склада выдали марочный коньяк вместо трехзвездочного».

И тут уже ревизоры не поверили собственным ушам, а заодно и глазам. Джуна рассказала им, как обстояли дела, и в доказательство предъявила книжку со своими записями. «Если ты доверяешь людям, — заявила она, — Бог тебя не оставит». И устроила праздничный ужин.

Жизнь подвергала Джуну разным испытаниям, из которых она выходила с честью. И не только таким, как ревизия в баре, но куда более страшным.

Услышав о ее необыкновенном даре заглядывать в прошлое и будущее, однажды Джуну пригласил к себе один чрезвычайно влиятельный человек, имя которого она не называет (почему, станет ясно из дальнейшего).

Человек этот жил не в Тбилиси, а в Сочи, пришлось специально ехать к нему. И всю дорогу, отнюдь не близкую, Джуну одолевали тяжелые мысли. Она знала, что человек этот коварен и очень жесток, недобр. Но Джуна не отказалась от приглашения, надеясь на свои способности.

Она верила в свой дар, в который не верил пригласивший ее. Ему уши прожужжали о прорицательнице, и, мысля привычными категориями, он думал, что в его доме появится древняя старуха. Он и предположить не мог, что увидит молодую женщину.

Хозяин долго с удивлением разглядывал ее и наконец нарушил молчание. Его интересовал единственный вопрос: способен ли кто-нибудь прочитать его мысли и из них узнать, сколь темного лежит на его совести. Видимо, он был измучен необходимостью скрывать совершенное им, а забыть о прошлом был не в силах.

И хотя Джуна, едва взглянув на этого человека, увидела во всех подробностях те ужасы, которые он совершил, она успокоила его. Его мысли останутся закрытыми для других. Все может выйти на свет лишь в двух *случаях* — расскажет кто-нибудь из его сподручных или этот человек сам не выдержит и признается **в**

содеянном.

Ни первого, ни второго он не боялся. Свидетели мертвы, а он не испытывает угрызений совести. Он мечтает только о том, чтобы сотворенное им не выплыло наружу. Этот страшный человек любил своих детей и внуков, желал им счастья, а внезапно открывшаяся правда вечным позором ляжет на весь его род.

Он вопросительно взглянул на Джуну, и та поняла смысл этого затаенного вопроса. «Я никому ничего не скажу», — пообещала она.

Страшный человек поблагодарил ее. Но то, что он сделал в следующий момент, омрачило слова искренней благодарности — он протянул прорицательнице пачку денег. И услышал в ответ... Да, он тоже услышал слова благодарности. Какой благодарности! «Спасибо, — сказала Джуна, — что, поверив в мой дар читать чужие мысли, ты оставил меня в живых. А ведь мог бы поступить так, как поступил со своими сообщниками».

Она не взяла деньги. И на прощание сказала этому страшному человеку: «Не вглядываюсь в твои мысли. Думай, о чем хочешь. Я сейчас смотрю в будущее. Как бы тебе ни пришлось прожить остаток жизни — а тебе остается большой срок, целых десять лет, — твои грехи лягут на твоих детей и внуков. Лягут, хотя именно этого ты боишься. Нет, повторяю, я никому ничего не скажу. Но даже если ты из осторожности убьешь меня, моя смерть ничего не изменит». Что сказано, то сказано.

Джуна покинула страшный дом, а его хозяин остался сидеть скованный оцепенением. Может быть, в свое время, когда он творил свои преступления, он думал, что для своих жертв является воплощением судьбы. Сейчас он понял, как заблуждался. Он не воплощение судьбы, он ее данник, не более. Такое понимание, поздно пришедшее, для некоторых страшнее смерти и страшнее позора.

Но порядочных людей на свете куда больше, чем злодеев и преступников. Беда в том, что и у этих порядочных людей есть свои затаенные мысли, которые они всячески гонят от себя, есть вещи, о которых тщетно пытаются они забыть. И эти затаенные мысли причиняют людям тяжкие страдания. Забытье для таких людей — лучшее лекарство.

Был и такой случай. Джуна, прочитав тайные мысли человека, причинила ему боль. А ведь ее призвание врачевательницы запрещает причинять боль кому бы то ни было. Она должна облегчать страдания. И, случайно потревожив кого-то, она испытывает глубокие духовные мучения.

Как-то в баре вспыхнула драка, Джуна бросилась разнимать

дерущихся. Прибывший на вызов наряд милиции забрал в отделение всех: и виновников, и миролюбицу. К слову сказать, Джуна умеет постоять за себя, в силах защитить других. Когда несколько громадных парней, увидев перед собой пожилую, усталую официантку, не расплатились, а преспокойно покинули кафе, Джуна бросилась за ними и так их потрепала, что подоспевшие милиционеры долго не верили, что эта хрупкая женщина-девочка способна на подобное. Считали шуткой и долго хохотали, узнав, как все произошло на самом деле.

Но вернемся к прерванному рассказу. В отделении милиции начальник следственного отдела, увидев Джуну, пригласил в свой кабинет и спросил: «Девочка, ты-то здесь откуда?» Джуна возразила, что она взрослая женщина и даже замужем. «Но ты напоминаешь мне какую-то девочку», — задумчиво произнес собеседник.

И вдруг на Джуну сошло знание, всегда появляющееся неизвестно откуда, знание о том, что таят другие. «Вы мечтали о дочери, — тихо произнесла она, — я напоминаю вам вашу неродившуюся дочь». И взрослый сильный мужчина, услышав эти слова, заплакал.

В Джуне много детского. В молодые годы она и внешне походила на девочку, а сейчас, когда наступила зрелость, детское осталось в ее способе мышления образами, в ее отношении к миру. Близость детскому сознанию, несомненно, способствует ее дару пророчицы.

Взрослые, умудренные опытом старцы, исходят из своего жизненного опыта, они опасаются обращаться к интуиции. Мудрость — следствие интенсивной духовной жизни, помноженной на память, а это приходит с возрастом. В предсказателе детскость обязательна. Он смотрит на мир открытыми глазами, его внутренний взор незамутнен. И по той же причине столь страшна старость, впавшая в детство. Опыт накоплен, но память ослаблена, мысли замутнены, глаза слезятся, и не только глаза, которыми смотрит на мир, но и внутренний взор. Впавший в детство старец — ужасный мутант, рожденный тягостной жизнью.

Но внешнее сходство с маленькой девочкой тоже нерадостно. Как сильно уставала Джуна от работы в баре! Ведь столько требуется физических сил, чтобы целый день находиться на людях, стоять за стойкой, смешивать коктейли, всегда оказываться рядом с клиентом.

Вымотанная, опустошенная физически, добиралась она до дому. И тогда детское становилось уже не в тягость, оно помогало видеть невидимое другим. Джуне открывались видения.

Например, как-то после работы, уже под утро, она выключила свет и легла в постель. Она не знает, уснула она или видела все наяву. Вдруг комната наполнилась светом, который не походил на искусственный и вообще ни на что не походил.

Комната была полна голубоватого сияния. Стен больше не существовало. Шторы на окнах были одновременно и шторами и облаками. И Джуна почувствовала — она летит. Вот оно, небо. Вот облака.

Она летела долго, пока не показался внизу холм. Высокая трава покрывала его. И сухонькая старушка в очень скромной одежде и черном платке сказала Джуне: «Я давно тебя жду».

Сквозь заросли высокой, сладко и горько пахнущей травы они пошли куда-то. Джуна следовала за старушкой, не отставая.

Затем она заметила юношу, который лежал и смотрел в небо. И было ясно по его взгляду, что он умирает. Старушка сказала Джуне: «Вот он умирает, спасти его можешь лишь ты. Он любил тебя. Он еще жив, видишь, сердце пока бьется».

Юноша показался Джуне знакомым, и потому на вопрос старушки, узнала ли она его, она ответила: «Да, узнала».

«Так спаси его, — сказала старушка. — Положи свою правую руку на его ребро с левой стороны и думай о своей любви к нему».

Джуна сделала так, как ей сказали.

Она чувствовала — человеку, который уходит из жизни, необходима любовь. Любовь и свет. И Джуна почувствовала, как она превратилась в луч света.

А по руке, которая касалась тела юноши, в нее вливались чудесные силы. И любовь ко всему живому сжигала ее.

Вдруг Джуна вновь оказалась в своей комнате. За шторами просыпался город. Шуршали колесами ранние автомобили. Мацонщик пронзительно выкрикивал название своего товара и громыхал тележкой, уставленной бутылками, полными прекрасной, свежо пахнущей, источающей сияние влагой.

Кажется, все было, как прежде. Как всегда. Но Джуна остро почувствовала, в ней самой, а не в мире вокруг нечто изменилось. Ей открылся ее путь, о котором она дотоле догадывалась, но которого пока не видела перед собой.

Сон прочитывался легко и просто. Ее назначение — врачевать людей, спасать страждущих от боли и смерти. Чудесные силы, полученные ею, получены впрок, это задаток, и его следует отработать. Отработать всей жизнью.

В первый раз она попробовала свои силы, когда у маленькой дочери соседки был приступ эпилепсии. Джуна поставила единственное условие — она поможет, но хранить это надо в

секрете. После ряда сеансов приступы болезни у девочки прекратились.

Но молва о врачебном таланте Джуны пошла после того, как девушка, лицо которой искажало страшное и некрасивое пятно, стала стремительно выздоравливать. Джуна только погладила по лицу бедную девушку, жалея ее и сострадая ей. И уже на следующее утро девушка отыскала Джуну, нашла, не зная даже адреса. Она кричала, что сотворено чудо.

Пятно и вправду заметно уменьшилось. Джуна сначала и не верила, будто это ее заслуга. Но девушка схватила Джуну за руки и сама приложила их к своему лицу.

Теперь о Джуне говорили везде: на улице, в кафе — всюду. После серии лечебных сеансов пятно исчезло совсем. Люди усматривали тут влияние таинственных сил, они вспоминали о древних врачевателях, которые исцеляли наложением рук.

Джуне следовало бы заняться врачеванием. Ведь путь ее открылся перед ней. Однако... Скептическое отношение мужа к ее талантам, семейные заботы. Надо ото всего отрешиться, полностью отдать себя одному делу. Делу своей жизни.

Между тем Джуна продолжала работать в баре. Стояла за стойкой, смешивала коктейли.

Временная, как ей казалось, работа затянулась на годы.

Двойник ее отца

Явь, подобная сновидению, или необыкновенный сон — этот странный полет и прикосновение к телу умирающего юноши, которому необходимо было человеческое сострадание и помощь ее рук, — открыли Джуне ее дорогу в жизни.

Верно когда-то предсказывал отец — ей надо лечить людей, тратить волшебную энергию, полученную от природы или от божества, для того чтобы страдание людское в этом мире не прибывало. Его нельзя совсем уничтожить, ведь страдания — обязательная часть судьбы человека, но ни в коем *случае* нельзя позволять ему вырастать. Есть такая отметка, превысив которую страдание станет неуправляемым, как вышедшая из берегов вода затопит мир.

Однажды вот так, подобно воде, мир затопили людские грехи, и реальной водой высшие силы смыли накопившуюся в мире скверну. Из потопа спаслись единицы, и ковчег, причаливший к одной из Кавказских гор, до сих пор хранится там в виде назидания. И в виде спасатель - ной шлюпки. Будет новый потоп, и ковчег всплывет, и на нем смогут спастись опять единицы.

Джуне было видение. Ее покойный отец или его двойник явился Джуне, чтобы еще раз напомнить о ее предназначении, ибо в суете повседневности она могла позабыть самое важное, ежедневно откладывая, могла не истратить данных ей чудесных сил. Тогда силы перекипят, уничтожат сами себя.

Напоминание было сделано, когда Джуна еще работала в баре «Метро», стояла за стойкой, весело переговаривалась со знакомыми, привечала друзей, короче, жила той жизнью, которая кажется минутной, а затягивается на десятилетия.

Как-то в бар заглянула группа туристов. Обыкновенная туристическая группа, что едва ли не по десять раз на дню заглядывает в популярное кафе, расположенное в центре Тбилиси, на прекрасном проспекте Руставели.

Джуна привычно обслуживала гостей, выполняла заказы, как вдруг увидела в негустой толпе пожилого человека. И ей показалось, что человек этот старательно отворачивался, будто прятал свои глаза.

Довольные гости пробыли недолго, им пора было уходить осматривать достопримечательности древнего города. Требуются не часы, а дни и месяцы, чтобы осмотреть Тбилиси, заглянуть во все уголки.

И вот перед самым уходом загадочный человек повернулся к Джуне лицом. Он был так похож на ее умершего отца, что

казалось, будто он призрак или двойник. Человек пристально смотрел на Джуну. А потом до нее донеслись слова, хотя губы двойника шевелились беззвучно: «Не делом ты здесь занимаешься, дочь моя! Вспомни о своем предназначении!»

Мгновение — и загадочный человек исчез.

И все же Джуна продолжала работать в баре. Но она видела, знала свой путь. И чтобы пройти по нему, ей следовало учиться. Она должна знать хотя бы азы медицины. А еще необходимо специалистам, профессиональным медикам исследовать ее дар. Она должна понять, можно ли передать людям свои способы и приемы целительства, или это особый дар, который дается одному-единственному человеку? Если так, тогда нужно использовать его с максимальной отдачей, не жалея себя. С этими мыслями она пришла в народный университет медицины.

Наивная Джуна! Она рассчитывала на помощь, а не всегда встречала даже обычное понимание. Существовала и некоторая опаска: вдруг способности этой девушки, мягко скажем, выдумка? Нет, не шарлатанство! Она сама заблуждается насчет своего дара. Да, она хорошо учится, и, вполне вероятно, ей можно будет выдать диплом с отличием. Но при одном условии, условии обязательном, непременном. Джуна должна продемонстрировать свои способности во время операции. Условия поставили руководители железнодорожной больницы, где тогда уже работала Джуна, и декан университета, где она училась.

Люди, может быть по-своему неплохие, обладающие опытом и знаниями, они в какой-то степени были ограничены именно этими знаниями и этим опытом. Лечение, тем паче операция, не может проводиться без инструментов. Это немыслимо! Они не ведали, да никто их этому и не учил, что инструменты — не замена человеческих рук, а их продолжение. Они полагались на инструменты, а ведь те мертвы, если их не направляет мудрая рука человека.

Как бы то ни было, задача четко поставлена. Главный врач железнодорожной больницы предупредил: «Надо сшить верхние ткани кожного разреза после операции. О дипломе разговор может идти только после успешного выполнения этой задачи».

Время до операции словно выпало из памяти. Сразу операционная, стол и на столе больная. Джуна не боялась мертвецов, но вид этой живой женщины испугал ее. Словно при свете мгновенной вспышки возникали перед Джуной лицо больной, лица присутствующих при операции, их глаза. Десятки глаз. В полной тишине, не нарушаемой никакими звуками.

И Джуна испугалась. Словно остолбенела, тело не повиновалось ей, а между тем ее торопили. Она услышала приказ,

подчеркивающий сложность ситуации: «У вас есть двадцать минут!»

Джуна очнулась. Теперь она стояла возле операционного стола, и минуты убегали впустую. Она не ведала, что делать, как начать.

И вдруг, слышимый только ей одной, раздался голос отца. Он снова не оставил Джуну в сложной ситуации, помог ей, ободрил, подсказал нужный путь, хотя произнес всего три слова: «Дочь моя, клей!»

Трех слов, сказанных таким знакомым и родным голосом, хватило. Не надо нитки, не надо иглы. Шов возникал под пальцами Джуны, в которые она вкладывала всю энергию, отпущенную ей. Это видели все, потому что напряженно вглядывались в работу ее рук.

И хотя ее остановили чуть раньше, чем следовало, ибо отпущенное время вышло, главное было сделано. С помощью инструментов, которые так любили и которым так привыкли доверять эти люди, с помощью надежных стальных пинцетов шов испытали. Он был прочным.

Шок, пережитый Джуной во время испытания, был столь силен, что она долго не могла прийти в себя. Свидетелей этому не было. Все, обсудив увиденное, занялись своими делами, а Джуна, сотворившая практически чудо, сидела и переживала заново, пыталась осмыслить и свою победу, и путь к победе.

Только какое-то время спустя Джуна смогла освободиться от последствий этого шока, и она сразу отправилась в палату, где лежала больная. И снова радость, близкая к потрясению: больная выглядела лучше многих только что перенесших операцию. Лишь позднее Джуна поняла: во время операции она не только зашила рану, она откорректировала энергетику больной. А шов... Шов был таким, какими бывают швы не в первый день операции, а в третий.

Чем кончилось для Джуны это очередное испытание? Преклонением больных, которые хотели лечиться только у нее. И предложением главного врача больницы подать заявление о переходе на другую работу.

Но слава в пределах одной больницы, даже одного города, еще не все. Джуна была лишена тщеславия. Она хотела работать, а для успешной работы требуются особые условия. Цепочку можно продолжить, и она замкнется в круг: для предоставления человеку особых условий требуется, чтобы его знали, он должен быть осенен славой.

И статья Реваза Джапаридзе, опубликованная в журнале «Литературная Грузия», такую славу принесла. О Джуне узнали с

печатных страниц. Для начальства такого рода признание важнее слухов, расходящихся широкими кругами. Начальство доверяет печатному слову.

И потому предложение, высказанное автором статьи, вполне могло превратиться в реальность. Он предлагал создать в Тбилиси лабораторию, аналогичную московской научно-исследовательской лаборатории.

Какие радужные открывались перспективы! Но в будущем. В будущем. Следовало терпеливо ждать. А Джуна хотела действовать. И действовала. Некоторые ее опыты не нашли точного истолкования и до сих пор.

Опыт симпатической магии

Уже говорилось, что ведьмы и маги — фигуры из разных областей человеческой культуры. Тем не менее некоторые магические приемы у них порой совпадают. Например, и те и другие могут пользоваться в своих опытах симпатической магией.

Даже тот, кто никогда не слышал подобного названия, наверняка знает, что это такое, по книгам или легендам. Мистический ужас, испытываемый перед фотографией, куклой или картиной, рожден не самими объектами.

Ну что страшного, скажем, в кукле? Все мы играли в детстве, у каждого из нас был любимый зайчонок или щенок, сшитые из тряпочек, или настоящая кукла, у которой, если ее медленно наклонить, закрываются глаза, а еще она может пропищать что-то похожее на слово «мама».

Так почему же мы так боялись в детстве уронить эту любимую куклу или ненароком задеть зайчонка? «Им будет больно», — говорили мы. Но разве они живые? Как бы живые, по крайней мере, для нас они были живы особой жизнью. А то, что кукла не ела манную кашу, так и мы сами не любили эту горячую, липкую и тягучую манную кашу.

И вот мы выросли. Любимцы нашего детства пропали, затерялись навсегда. А мистический страх в нас остался. Мы боимся рвать фотографии — вдруг тому, кто на них изображен, это навредит. И с трепетом в душе выслушиваем рассказ о том, что какая-то старая бабка-ворожея взяла фотографию человека, поколдовала над ней, и человеку сделалось плохо. А то и сожгла, уничтожила. И человек умер.

Собственно, это и есть симпатическая магия. И мы верим, что по фотографии можно предсказать человеческую судьбу. Верим, что, если изготовить куколку, человеческую копию, и совершать с ней разные манипуляции, на человека легко наслать болезнь, хворобу. Пережившие любовную драму стараются достать фотографию того, в кого влюблены, чтобы та же бабка-ворожея наколдовала, наворожила по этой фотографии, «присушила» изображенного на ней человека или отомстила ему, покалечила, сгубила.

Существует ли в действительности симпатическая магия и насколько она сильна, каждый волен решать сам. Но один эпизод из жизни Джуны, относящийся к тбилисскому периоду, дает обильный материал для размышлений.

Дело происходило незадолго до полуночи. Вдруг в дверь позвонили. По самому характеру звонка, слабому, дребезжащему,

сразу было понятно, что это не какой-нибудь припозднившийся друг или знакомый, а человек совершенно посторонний, долго собиравшийся с духом перед тем, как нажать кнопку. В звуке чувствовалась явная нерешительность.

Джуна встала с постели, в которой спала она и ее маленький сын, и направилась к двери. Щелкнул замок. На пороге стояла молодая женщина. Джуна видела ее впервые. Но достаточно было бросить на нее один-единственный взгляд, чтобы все понять. Измученный вид, робость в движениях и слезы на глазах говорили — у нее какая-то беда.

Женщина обратилась к Джуне по имени, и это неудивительно, ибо рассказы, граничащие с легендами, а иногда и попросту легенды о фантастических способностях Джуны, о совершенных ею чудесах, давно ходили по всему Тбилиси. Она была местной достопримечательностью, которой гордились и которую одновременно побаивались. Ведь Джуна творила чудеса.

Тихим голосом женщина попросила о помощи. Больше надеяться ей было не на кого. Ее маленький сын умирал, и врачи не могли ничего сделать. Она с трудом отыскала адрес и вот теперь умоляет хоть что-нибудь предпринять.

Джуна оделась и отправилась в ночную темноту. Женщина показывала дорогу и одновременно рассказывала о своей жизни, нелегкой, несложившейся. Она замужем, но замужество оказалось неудачным. На этом браке настаивали родители, а в Грузии слово родителей — закон. Теперь этой женщине приходилось тянуть семейную лямку. Единственная ее радость — маленький сын. С ним в ее дом пришел покой. Только ради него она и существует. Она даже представить не может, что ее сын умрет, рухнет последняя опора ее хрупкого мира. Без сына ей тоже нет смысла жить.

Джуна молча слушала скорбный рассказ и понимала: сразу две жизни находятся теперь в ее руках. Жизнь маленького, тяжелобольного мальчика и жизнь его матери, не знающей иного счастья, кроме своего ребенка.

От нее ждали чуда, но едва Джуна взглянула на мальчика, который лежал в постели, она поняла, какая трудная, почти невыполнимая задача стоит перед ней. Мальчик был необыкновенно бледен, кровь отлила от лица. Ребенок еще дышал, но дыхания почти не было слышно. Врач, находившийся тут же, у постели больного, сообщил Джуне: «Медицина бессильна». Врачи боролись за жизнь ребенка до конца, но, кажется, уже начался отек легкого.

В глазах ребенка застыла мольба. Глаза не кричали о помощи, они тихо угасали. Мальчик умирал. Джуну глубоко

потряс этот взгляд, уже почти не видевший мира, меркнущий и затухающий.

Джуна поняла — она должна помочь. Вернее, должна попробовать помочь. Беззвучно она повторяла молитву, обращенную к природе, к Вселенной. Джуна сама нуждалась в поддержке, ее силы требовали подкрепления чего-то большего, не осознанного людьми, того, чему дают разные имена, а порой не дают никаких имен. Она взялась за работу.

Ее руки, о которых молва рассказывала чудеса, проделывали всевозможные пассы. Джуна пробовала разные приемы врачевания, вдруг какой-нибудь из них поможет.

Казалось, в комнате сейчас не существовало ничего, кроме умирающего ребенка и рук целительницы, сообщавшей маленькому, опустошенному смертью телу энергию жизни. Но нет, в комнате были люди, и они внимательно следили за каждым движением рук Джуны. Они понимали, при них разыгрывается вечная драма, драма борьбы за жизнь, драма сопротивления смерти. И присутствующие были на стороне жизни, они мечтали о том, чтобы борьба увенчалась успехом и смерть отступила.

Сколько времени продолжался сеанс, Джуна не помнила. Кажется, очень долго. Будто столетия прошли с того момента, как она переступила порог дома и приблизилась к постели страдающего ребенка, и до того момента, как ее руки опустились бессильно.

Не говоря ни слова, Джуна вышла из квартиры, где обитала уже не просто беда. Здесь воцарилась смерть.

Мать ребенка, изнемогшая от ожидания, бросилась к врачевательнице с единственным вопросом, ответ на который решит и ее судьбу. Но Джуна не ответила. Она шла под темным, непроглядным небом. Огромные звезды сияли на нем. И среди этих огромных и сильных звезд тускло светились маленькие звездочки, их свет был слабым, лишенным силы. И одна из звездочек готовилась упасть. Джуна видела звезды, но они расплывались, ибо глаза ее застилали слезы.

Быстрей, быстрей домой. Обнять маленького сына, которому было столько же лет, сколько умирающему ребенку, и забыть, забыть о происходившем несколько минут назад. Лучше всего забыть навсегда. Ведь память о подобном станет рвать сердце и через годы, и через десятилетия.

Джуна легла в постель и крепко обняла спящего Вахо. Какое счастье, что он жив, здоров, что ему ничего не грозит. А там, откуда она пришла, царила скорбь и справляла свой тихий, торжественный праздник смерть.

Сын на мгновение пробудился, увидел мать и обрадовался ей,

тоже обнял и безмятежно заснул. Ведь если ребенок здоров и спокоен, сны его безмятежны, какие бы страшные, причудливые, даже чудовищные картины ни открывались ему в сновидении. Ребенок переживает их, но не прочитывает, не толкует, картины снов для него сродни картинам реальности, тут дети схожи с пророками.

Именно такое детское бесстрастие, что бы ты ни увидел, какую бы картину ни открыла духовному взору таинственная область сверхъестественного, сохраняет пророк. Однако в отличие от детей, наутро забывающих свои сны, пророк помнит об увиденном и старается рассказать людям об открывшемся ему. И может быть, люди по той самой причине и не верят пророкам. Они считают открывшееся тайное знание только снами, плодами фантазии или — если пророчество страшное — полночным кошмаром.

Сын спал, а Джуна, которой из-за горьких мыслей было совсем не до сна, крепче и крепче прижимала его к себе. И ей казалось уже, будто в ее объятиях находится не ее сын, ее плоть и кровь, а мальчик, которому она не смогла помочь. И, не отдавая отчета в том, что делает, она старалась отогреть его, исцелить. Она шептала мольбы, обращенные то к небесам, то к ребенку, заключенному в ее объятия.

Ночь длилась и длилась, а Джуна продолжала шептать молитвы и согревать ребенка. Руки ее источали свет. Однажды она уже превратилась в луч света. Тогда, когда летела то ли в яви, то ли во сне и загадочная сгорбленная старушка отвела ее к умирающему юноше, чтобы Джуна вылечила его силой свой любви, своим прикосновением.

А сейчас чувствовала, что каждый удар ее сердца сообщает силы сердцу ребенка, спящего в ее объятиях, и сердце бьется, и тело мальчика принимает силы из ее тела.

Когда она засыпала, слезы заливали ее лицо.

А наутро новый звонок. Но звонили не у двери квартиры. Надрывался, трезвонил телефон. Выводил длинные звонкие трели, и в трелях этих слышалась уже не робкая печаль, а затаенная радость, освещенная надеждой.

Джуна взяла трубку и услышала голос ее новой знакомой. Голос был совершенно иным. Благодарность, и восхищение, и боязнь спугнуть счастье — все смешалось в этом голосе. Ее сын почувствовал себя чуть лучше. И к делу приступили врачи, теперь они могли помочь. Неспособные побороть смерть, они способны бороться с болезнями.

Джуна приходила к выздоравливающему ребенку еще несколько раз. Она относилась к нему не просто как к больному

маленькому человеку, он как бы слился в ее сознании с ее собственным сыном.

Возможно ли такое исцеление на расстоянии? Или роль сыграла счастливая, единственная в своем роде случайность, включились защитные силы, и организм выстоял, уберег себя от уничтожения? Каждый волен иметь свое мнение.

Но кое-какие детали рассказанной истории наводят на мысль о том, что симпатическая магия существует. Вернее, существует она давно, однако в действенность магических приемов серьезные ученые этнографы никогда не верили, считали их лишь частью особого ритуала.

Навести порчу по фотографии? Истыкать иголками куколку, символизирующую человека, и таким способом наслать на него болезни? Кто знает. Приворожить на расстоянии? На расстоянии вылечить?

Симпатическая магия оперирует понятиями о единстве мира и о подобии одного другому. Кукла здесь не кукла, а копия живого человека, только уменьшенная, изображение — фотографическое или живописное — переняло на себя часть человеческих свойств и вступило с изображенным объектом в особого рода связи. Воздействуя на подобие, воздействуешь на оригинал.

А теперь вглядимся пристальней в описанный случай.

Джуна неоднократно подчеркивала, что в основе ее философской системы лежит мысль о единстве всего живого, о единстве мира. А если мир един, то возможно возникновение цепочки причин и следствий, которые не поддаются наблюдению, но которые существуют. Энергию по таинственным каналам можно передавать на дальние расстояния. Прикосновение к одному предмету отзовется на другом. И необязательно прикосновение должно быть физическим. Метод бесконтактного массажа Джуны использует энергию биополя. Врачеватель воздействует на пациента, не дотрагиваясь до него.

А в положении Джуны и ее посетительницы есть определенная симметрия, соответствие. Джуна так же была несчастлива в браке, и единственной ее отрадой, ее семьей был сын Вахо. Она прониклась горем несчастной матери не из одного сострадания, она как бы со стороны увидела себя. Леча ребенка и в непосредственной близости от него, и в удалении, она защищала и свою семью, своего сына. Наступит момент, и она окажется в положении безутешной матери, ее сын серьезно заболеет, и врачи беспомощно разведут руками. Тогда Джуна станет исцелять собственного сына.

Итак, симпатическая магия — реальность?

Джон Ди, Пифагор, Жанна д'Арк, Джуна

Эта глава посвящена чрезвычайно важной и чрезвычайно сложной теме, которую, однако, никак нельзя обойти молчанием, ибо она может очень много дать для понимания личности мага, его судьбы и его поступков. Тема эта «Маг и женщины».

Так в чем же заключаются сложности?

Во-первых, тема эта крайне мало изучена, в обширной книге Е. М. Батлера ей посвящено лишь несколько строк.

Во-вторых, чтобы разобраться в ней, нам придется обратиться к сфере личной жизни, вторгаться куда обычно не принято. Думаю, читатели заметили, что, повествуя о жизни Джуны, автор намеренно старается не касаться интимных ее сторон, а если это и происходит, то он удерживается от комментариев, не выносит каких-либо оценок.

Третья сложность — сложность интерпретации этой темы. Ведь ситуация в данном случае парадоксальна: Джуна не только маг, Джуна — интересная и обаятельная женщина. А женщин привычно относили к разряду ведьм и тем как бы снимали возможные вопросы.

Между тем женщины-маги существовали, но единицы. Е. М. Батлер упоминает одну лишь Жанну д'Арк. Именно женское оттеснено в личности Орлеанской девы на задний план. Напрасно пытались современники представить ее в виде милой деревенской пастушки. Жанна, и это на основании документов доказали современные историки, не соответствует навязываемому ей образу. В протоколе публичного допроса, проводимого руанскими судьями, отмечено: «Спрошенная, была ли она обучена в юности какому-либо ремеслу, отвечала, что да — прясть и ткать холсты и что она не побоялась бы состязаться в этом с любой руанской мастерицей. Опрошенные свидетели добавляли, что подсудимая также ходила за плугом и лишь иногда, когда подходил черед ее отца, она помогала общинному пастуху- профессионалу» .

Жанна — воительница, которой бывали видения и которая слышала голоса. Все старания навязать ей образ скромной пастушки направлены на то, чтобы затушевать ее магические способности, дискредитировать образ мага в глазах публики.

Дело в том, что миф о маге имеет глубокие корни. В нем можно разглядеть черты ритуалов, которыми обставлялась царская власть в Египте, Месопотамии и Палестине. Ритуалы, разыгрываемые жрецами и членами царской семьи, включали смерть и воскресения царя, который одновременно был и богом. В ритуал входили и триумфальное шествие, и восшествие на

престол, и сакральный брак. Сакральный брак являлся частью церемонии коронации.

«...Однако этот элемент, — утверждает Е. М. Батлер, — лишь эпизодически появляется в мифах о магах, которые представляют собой особую версию мифа о герое, а миф о герое, в свою очередь, берет начало от ритуала, связанного с царской властью. Нельзя сказать, что женщины совершенно отсутствуют в легендах о волшебниках, но в целом они играют там весьма незначительную роль. Восточные маги должны были соблюдать безбрачие, и это, возможно, в значительной степени повлияло на формирование традиции; с другой стороны, сам Заратустра был женат трижды, у Соломона было семьсот жен, Симон Маг сожительствовал с Еленой, так же как Иоганн Фауст. Однако в большинстве случаев любовные интересы не столь важны в жизни магов, ум которых занят более значимыми вещами. Вместе с тем изначальная модель мифа о магах была в значительной степени приукрашена эпическими и эстетическими элементами. Но куда бы ни заводила героев фантазия и к каким бы свободам ни приводил их дух романтики, любовь, за исключением одного или двух случаев, не изменяла кардинально жизни волшебников».

Девственность Жанны д'Арк — это, по сути, вариант сакрального брака, брака, заключенного девой-воительницей с небесами.

Но как все сказанное связано с героиней нашего повествования? Она не скрывает — и она увлекалась, и ею увлекались многие мужчины. Но подлинная и, вероятно, главная любовь в ее жизни пришла лишь однажды и была трагической.

Прекрасный Тбилиси — место для влюбленных. Сердца здесь словно сами собой раскрываются навстречу друг другу, а великолепная грузинская природа осеняет союз людей. К сожалению, никакого союза не получилось. Человек, которого встретила Джуна, полюбил ее, полюбил искренне и самоотверженно. Он словно протягивал ей на ладони своей сердце — бери и владей. Только счастье было недолгим. Обыкновенная поездка на мотоцикле закончилась трагически. Кровь, переломы, смерть.

Того, кто так сильно любил ее, больше не было. Едва вспыхнувшая и чуть-чуть окрепшая любовь прервалась. Годы не победили боль, лишь притушили ее. Горько Джуне вспоминать об этой трагедии.

Были увлечения, привязанности. Любовь не посещала больше ни разу.

Замужество — это совершенно иное. Муж был человеком привлекательным, интересным. Молодой офицер из очень

достойной семьи, а Джуна... Она продолжала работать барменшей все в том же кафе «Метро», делала фирменный коктейль, названный ею в честь самой себя. Почему бы и нет? Коктейль всем нравился, его заказывали наперебой. Десять граммов ликера, десять граммов коньяка, сто граммов шампанского, одна вишня и кусочек лимона. И если в каждом создании пусть отчасти отразился его создатель, то и здесь мы можем кое-что узнать о характере Джуны тех дней. Крепость и терпкая сладость сочетаются с легкостью, кислота оттеняет нежный глубокий вкус вишни.

Уверенные и легкие движения рук, привлекательное лицо, стройная фигура, и тем не менее чувствуется внутренняя твердость, способность постоять за себя и своего добиться. Кажется, именно такой увидел ее Виктор Давиташвили, когда заглянул в бар с шумной компанией друзей. Может быть, увлекся. Наверняка восхитился. Но и в помыслах не было, что он сделает ей предложение.

Первая фраза Джуны его поразила: «Вы на мне женитесь!» Он был страшно удивлен. А Джуна, иногда серьезно, иногда шутя, повторяла одно и то же. Он ведь не знал, что она умеет заглядывать в будущее. Не знал он, что и

Джуна, впервые увидев его, была очарована. Не этого ли человека она ждала, иногда видела во сне?

Но многое их разделяло, например, положение в обществе. Офицер с прекрасными служебными перспективами, с задатками недюжинного шахматиста — и барменша из тбилисского кафе. Красивая, обаятельная, умная, но все-таки барменша, не более того. Мешало и отношение родителей Виктора. Они ни в коем случае не могли одобрить подобный брак.

Покуда — и долго — они оставались друзьями. Виктор даже познакомил ее со своими родителями...

И вот наступил день, точнее, вечер, когда для Джуны стало ясно: сегодня это случится. Он пошел проводить ее после работы. Но и выяснение отношений изменило не многое. Слишком разными были их взгляды на жизнь, на семью, на будущее. Джуна тогда считала, что брак и рождение ребенка обязательны для женщины. Но ведь существовало еще и то, к чему она чувствовала неодолимую тягу, — призвание, предсказанное отцом, и долгая борьба за обретение независимости в мире.

Преодолев сопротивление родителей (что совсем не просто, ибо, помимо всего прочего, Джуна не была грузинкой), Виктор устроил шумную свадьбу. И вскоре стал предъявлять первые требования, которые делались все неприемлемее. Его жена не должна стоять за стойкой бара. Если уж ей так хочется, он

приложит все силы, использует все свои знакомства и связи, и

Джуна станет заведующей кафе. А работать в баре, составлять любимые коктейли завсегдатаям!.. Нет, ни в коем случае! Сначала Джуна отшутилась, потом отказалась со всей возможной серьезностью. Требования возрастали. Хорошая жена должна сидеть дома, заниматься хозяйством, радовать мужа, растить детей. В одном из последних по времени интервью Джуна рассказывала о тех днях с полной откровенностью, говорила о своем вольнолюбивом характере и непреклонности мужа: «Давиташвили мне этого не прощал, иногда закрывал в квартире на ключ, чтобы никуда не уходила. Даже с подругами не разрешал встречаться. После свадьбы полгода не выпускал на улицу. Сам продукты покупал на базаре, а меня заставлял готовить. Я сбежала и сказала: «Пойду работать или разведусь!» Но в барменши он все равно меня не пустил».

Да и она сама понимала: работа барменши — занятие до поры до времени. По городу уже ходили рассказы о необычайных способностях Джуны. Жена-врачевательница? Врач, медсестра — такое положение дел понятно, привычно. А лечить, как лечит она? Не выдумка ли это? Вдруг никаких способностей нет?

Доходило до курьезов. Что-то получилось? Говорят, у Джуны сильное биополе? «У меня биополе еще сильнее», — утверждал муж. Сколь долго продолжались бы подобные препирательства, никто не знает. Но однажды перед приемом у министра на носу мужа вздулся громадный фурункул. Что делать, времени на лечение нет. Джуна увидела во взгляде мужа затаенную просьбу, которую он никогда бы ни высказал вслух. Одной ей ведомыми приемами обработала больное место. К утру и признаков болезни не осталось. Обрадованный, умиротворенный муж отправился по делам. Зато вечером — неожиданная и столь обидная для Джуны вспышка гнева. Его жена — ведьма, видано ли это!

Оставалась еще одна возможность. Сблизить супругов могло рождение ребенка. Но брак их, видимо, был обречен. Первые роды оказались неудачными.

Ее опять посещали видения. Во время беременности Джуне однажды открылась картина: незнакомая деревня, по которой едет странная, причудливая колесница. На колеснице она, облеченная во все черное, и в руках умирающая девочка, накрытая черным покрывалом. А дорога длится, длится. Вот и деревня осталась позади. Вокруг только степь... И вдруг странный женский голос, но той, кому голос принадлежал, Джуна так и не увидела. Голос приказывал: «Встань, возьми мешок со свежеиспеченным хлебом, иди и раздавай хлеб людям».

Джуна очнулась. Ни степи вокруг, ни тряской колесницы, ни

женщины рядом. Знакомая квартира, ее собственный дом.

Нет, видение не столько страшное, сколько тягостное. И горькая мысль, пронесенная Джуной сквозь годы: «А если бы она послушалась, встала и пошла раздавать людям хлеб, может, дочь ее была бы жива?»

В образах, представших перед ней, легко прочитать зашифрованный, почти аллегорический смысл. Она не шагает собственными ногами по своему пути, выбирая сама дорогу. Ее влекут обстоятельства, она блуждает, и потому местность, открывшаяся ей, не имеет ни одной знакомой черты. Прояви она решительность, послушайся голоса, встань с влачащей ее в неизвестность повозки и, взяв мешок, отправься к людям, чтобы раздавать им хлеб, чтобы оделять, насыщать голодных, — этим бы она откупила и собственное существование, и жизнь девочки.

Призвание, которому нет выхода, томит человека. Существование его лишается смысла, а высшие силы не мстят за пренебрежение дарованными силами, но отказывают в своем покровительстве. Отказывают до той поры, пока человек не сделает усилие, не пересилит в первую очередь себя. А высшее покровительство поможет справиться с обстоятельствами.

Роды были затяжными и очень тяжелыми. Джуна лежала в больничном изоляторе. Ей показали родившуюся девочку, но она ее не узнала, вернее, не признала за своего ребенка — в таком она была состоянии. Обе — и мать, и крохотная дочка, названная в честь сестры Эммой, — провели в изоляторе одиннадцать дней. Смерть находилась где-то рядом, будто все выбирала и никак не могла выбрать, кого ей увести с собой.

И выбрала, наконец. Девочка неожиданно взглянула на мать, и взгляд ее совсем не казался взглядом грудного ребенка. Так смотрят взрослые люди, которым ведомо что-то такое, что пока скрыто от других. Эмма вздохнула. Так не вздыхают дети. И Джуне показалось, будто она ее позвала: «Мама!»

И вот еще одно загадочное превращение. Несколько часов Джуна не отдавала тело мертвой дочери, держала, крепко прижав к себе. Когда же ребенка уже должны были унести, она взглянула на дочь, чтобы наглядеться в последний раз и запомнить навсегда, и вдруг... Перед ней было не лицо ребенка. Это было лицо взрослой девушки. Таким оно и запомнилось, таким приходит в воспоминаниях. Может, ей тогда только показалось, а может, сила перенесенных страданий заставляет человека взрослеть, вне зависимости от прожитых лет или дней.

Позднее судьба смилостивилась над Джуной. У нее родился сын Вахтанг, или, как она его нежно называет, Вахо. Джуна вкладывает в него всю скопившуюся в сердце материнскую

любовь, трогательно заботится о нем. Когда он был маленьким, она отдавала ему много сил, выхаживала, учила и, вот что любопытно, сама кое-чему научалась у грудного ребенка.

Занимаясь с сыном, как занимается с младенцем любая добрая мать, Джуна сформулировала своеобразную философскую теорию, представляющую пеленание как процесс, с которого начинается оформление в человеке человеческого. Кусок материи, окружающий младенца, — это как бы самая крайняя оболочка внешнего мира, касающегося ребенка. Ощущая эту оболочку и борясь с ней, ребенок как будто борется с внешней средой за самостоятельность и в борьбе начинает чувствовать, осознавать собственное существование. Тело его и его дух укрепляются. И в то же время ласковые руки матери, накладывающие на ребенка мягкие полосы пелен, словно подавляют в нем слишком самостоятельное, еще не человеческое, а животное, что дремлет в любом человеческом существе и, если не укротить его вовремя, вырвется наружу.

Сын для Джуны — самое дорогое существо на свете. Хотя брак с Виктором Давиташвили распался, и тогда, и до сих пор она уверена, у нее есть семья — ее сын, и этой семьи Джуне достаточно. Кстати, именно Вахо воспротивился тому, чтобы Джуна снова вышла замуж.

За Джуной ухаживал композитор Игорь Матвиенко, с которым они создали много песен. И не только ухаживал. Впрочем, ситуация столь неординарная, что пусть о ней расскажет сама Джуна: «...Я даже подумывала создать с ним семью, а потом спросила у Вахтанга: «Хочешь еще братика или сестричку?» Сын ответил отрицательно. Тогда и я Игорю отказала: Вахо не желает ни с кем меня делить».

Между тем и свадьбу уже сыграли. Но сын не согласился — и вот результат: «...Мы с Игорем так и не узнали друг друга. Наверное, между нами была не любовь, а глубокое уважение. Помню, я рисовала в мастерской, а он приходил и по пять часов стоял и смотрел... »

Сын и призвание. Две серьезнейшие причины, определившие семейное и жизненное положение Джуны. Одна причина связана с самыми теплыми человеческими чувствами, другая — с чувствами, которые выше человека.

Вспомним цитату, с которой начиналась эта глава: «В большинстве случаев любовные интересы не столь важны в жизни магов, ум которых занят более значимыми вещами». И тогда фраза из интервью, данного Джуной Национальной службе новостей 25 января 1996 года, прозвучит иначе: «Забыла, что значит быть замужем, семнадцать лет назад».

У мага множество иных забот. Единственный возможный брак для мага — сакральный. Кто бы это ни был, Соломон, Жанна д'Арк или Джуна.

Журналист лепит куличи в детской песочнице

Четыре очень толстых, большого формата тома в разноцветных, потрепанных от времени и частого прикосновения человеческих рук суперобложках стоят на книжной полке. Странная надпись на книге, одна и та же. Крупными черными буквами выведено: «Бессознательное», и латинскими цифрами проставлены номера томов. Это материалы международного конгресса, проходившего в Тбилиси в октябре 1979 года.

Сейчас только участники того давнего форума помнят, каким это было событием! Другие события из сферы науки и политики выступили на первый план. Множество разного рода конференций, съездов, семинаров прошло за два десятилетия, минувших с той поры. Но и тот, кто никогда не слышал о тбилисском конгрессе, открыв эти тяжелые, залистанные тома, будет, несомненно, удивлен.

Под обложкой соединены статьи разных участников, опубликованные без перевода, на том языке, на котором они написаны. И потому русский язык соседствует с английским, немецким, французским. Становится ясно, что книгу способен прочитать не только специалист по психологии, но человек, в обязательном порядке владеющий несколькими языками — по нынешним временам почти полиглот. И человек случайный с уважением закроет книгу, поставит ее снова на полку, в ряд с тремя другими, а человек не случайный, может быть, улыбнется, вспоминая свое прошлое. И в улыбке его радость смешается с легкой печалью: было, было и прошло, как все проходит. Но осталось в сердце и памяти.

И наверняка вспомнят этот конгресс гостеприимные тбилисцы, ведь такой праздник, какой был устроен в том давнем октябре, не забывается. Уже сама подготовка затянулась на несколько лет, потому что конгресс по разным причинам несколько раз откладывался. Но ходили разговоры, строились предположения, рождались слухи и фантазии.

Тбилисцам было чем гордиться. Последний научный форум, посвященный вопросам психической деятельности человека, в частности бессознательному, проходил в начале века в Бостоне.

Неужто американцы могут соревноваться с тбилисцами в гостеприимстве, в широте души, в умении принять гостей?

Погода была прекрасная. Тепло, нежно пригревает осеннее солнце. Чистое небо просвечивали солнечные лучи. Со временем

проведения конгресса совпал праздник сбора винограда — один из любимейших грузинских праздников. Налиты сладким соком гроздья самых разных цветов и оттенков. Гроздья велики и тяжелы, впору держать обеими руками.

Можно встречать гостей, пусть приезжают. Лучшие тбилисские гостиницы — «Тбилиси», «Сакартвело», «Иверия» — готовы. Постарались и власти, любящие, если это сулит им выгоду, выказать свою рачительность, хозяйственность, организационную сметку и, разумеется, щедрость. Большое участие в подготовке конгресса принял Институт психологии имени Д. Н. Узнадзе. Сотрудники этого научного заведения, носящего имя основоположника грузинской школы психологии, давно и достаточно успешно занимались проблемами бессознательного, но им хотелось и обнародовать свои достижения, и сравнить уровень собственной работы с уровнем работы иностранных ученых, разрабатывающих аналогичную тематику.

Спросите гостей, спросите хозяев: что было главной приметой тех дней, отличительной чертой? И они, не сговариваясь, ответят: «По всему городу ходили люди, на груди которых были приколоты огромные круглые значки с надписью: «Бессознательное». Ну и конечно, вспомнят царившие везде оживление, радость, веселье. Весело и оживленно было на улицах, весело и оживленно в залах, где проходили заседания. И во время перерывов ученые улыбались, шутили, за шутками и улыбками продолжая начатый в зале разговор. Тема для конгресса выбрана столь интересная, что о ней можно рассуждать сутки напролет.

Джуна тоже приняла участие в работе конгресса, но своеобразно, по-своему, как присуще только ей, Джуне. Она не выступала с докладами, а демонстрировала практические возможности человека, заключенные в его мозге, возможности, позволяющие проводить диагностику, лечение, попадать самому в прошлое и будущее или способствовать путешествиям во времени, которые совершают другие.

Свои способности диагноста Джуна продемонстрировала блестяще, хотя диагнозу, поставленному ею, поначалу не поверили. Вице-президент Международной ассоциации по исследованию проблем психотехники американский психолог Стэнли Криппнер, с которым Джуну кто-то познакомил еще в самом начале работы конгресса, обратился к ней с просьбой обследовать его.

Просьба не заключала никакого подвоха. Известный американский ученый не собирался таким образом проверить способности Джуны, окруженные ореолом легенд и фантазий.

Американец неважно себя чувствовал, но что является причиной недомогания, понять не мог.

Отыскав во Дворце шахмат, где проходил конгресс, тихий закуток возле лестницы, Джуна быстро провела диагностику. Не слишком обширных в ту пору познаний ее в английском языке хватило на то, чтобы объяснить профессору — у него проблемы с печенью. Американец быстро ее понял и согласился: «Да, вполне возможно».

Однако, совершая диагностические пассы, Джуна обнаружила не один, а два очага тревожных сигналов. У Криппнера что-то с левой ногой. Профессор вежливо ответил: «В данном случае диагност ошибается. С ногой все в порядке». И, поблагодарив за консультацию, профессор отправился на очередное заседание.

Джуна была уверена, что оба ее диагноза верны, тем не менее никаких аргументов, кроме ее твердой уверенности, она не имела.

За импровизированным врачебным приемом следил находившийся неподалеку молодой журналист, корреспондент журнала «Огонек» Сергей Власов. Едва Криппнер раскланялся с Джуной и запел, он тут же приблизился к ней и обратился с просьбой продиагностировать его. Ох уж эти журналисты! Неизвестно, чего больше в его просьбе — чисто человеческого любопытства, желания проверить собственное здоровье или журналистской напористости? Может, и того, и другого, и третьего. По крайней мере, сеанс диагностики, в котором участвовал сам журналист, давал материал для выигрышной, броской статьи, которые так нравятся читателям.

Джуна поняла, что настойчивый журналист все равно не отстанет, а потому отказывать нет смысла. И хотя у нее были иные планы, она согласилась. Хватило единственного движения руки в сторону диагностируемого, и Джуна почувствовала: ее собеседник простужен, у него сильнейший насморк.

Смех, раздавшийся в ответ, прозвучал обидно, пусть смеявшийся и в мыслях не имел чем- либо задеть Джуну. Просто журналист решил, что для. постановки такого диагноза не надо иметь никаких особых способностей. Видно невооруженным глазом, слышно по первому слову — глаза слезились, заложенный нос покраснел, и голос приобрел характерную гнусавость.

Что же, если журналист не верит в возможности Джуны как диагноста, пусть поверит в ее возможности врачевателя. Несколько особых пассов, и самочувствие журналиста улучшилось. Он мог свободно дышать носом, сопутствующие сильной простуде ощущения исчезли.

Журналист был поражен и тем не менее не отставал. Он настаивал на продолжении сеанса диагностики. «Что-то у меня еще не в порядке», — настойчиво спрашивал он.

И тут произошло неожиданное, поразившее всех, кто был свидетелем этой сцены. У журналиста оказался больной желудок. Джуна протянула руку и на один-единственный миг отвлеклась, а журналист рухнул словно подкошенный.

Через несколько лет в большой статье, написанной для журнала «Огни Болгарии», журналист красочно, во всех подробностях описал случившееся. Мы уже знаем, как все происходило, но некоторые дополнительные штрихи могут оказаться небезынтересными, в них, вполне возможно, и скрыт ключ, замыкающий крепкие двери, за которыми кроются особые области человеческой психики, где повелевают законы, отличные от законов окружающего нас физического мира.

«Сначала я ничего не чувствовал, — пишет журналист. — Потом начала вдруг кружиться голова, в глазах появился какой-то туман, ноги вдруг ослабели, захотелось присесть, меня качнуло, слабость разлилась по всему телу, я постепенно терял сознание. Неожиданно я четко увидел себя мальчишкой лет пяти, играющим в куличики в песочнице у нас на Кадашевской набережной, где я родился и жил до десяти лет. Я увидел, как со стороны реки ко мне идет человек в черном, как он протягивает ко мне руки и... Дальше ничего не помню. Нет, еще запомнил крик Джуны: «Он эпилептик!»

В разных источниках, в том числе и в художественной литературе, встречается эпизод, когда человек, обладающий особыми силами, переносит героя за тридевять земель. Подобный эпизод есть, например, в «Мастере и Маргарите». Воланд забрасывает директора Театра варьете Степана Богдановича Лиходеева в далекую Ялту. Кстати, кое-какие подробности — полная беспомощность взрослого человека, оказавшегося без сапог и в одном исподнем в курортном городе с песчаными пляжами (та же «песочница»), — указывают: здесь присутствуют мотивы детского сновидения. И сам Воланд схож с «человеком в черном» из видения журналиста. Такое действие доступно и магу, который свободно распоряжается и пространством, и временем. Журналист попал в прошлое, в свое детство.

И тем не менее внешние формы не способны скрыть, что действуют здесь силы именно подсознания. Журналист вернулся к детским воспоминаниям, он как бы трансформировался из взрослого в пятилетнего ребенка. Трансформации походили на эпилептический припадок.

Но вспомним еще одну книгу, где рассказывается как раз об

экспериментах человека со своим подсознанием. В повести Стивенсона о докторе Джекиле и мистере Хайде (сюжет которой, кстати, явился автору во сне) описаны схожие признаки трансформации. Доктор Джекил принимает таинственное лекарство, и вот он уже испытывает головокружение, теряет сознание, тело его меняется, и он превращается в человека много моложе себя, небольшого роста, с инфантильной психикой.

Воздействовав на пациента, Джуна включила механизм подобной трансформации, механизм, поднимающий решетки и выпускающий затаившееся в подсознании. Этот эксперимент, принесший подопытному несколько минут страданий, на самом деле замечательно вписался в программу научного симпозиума, явился украшением конгресса, изучающего вопросы бессознательного.

Джуна, разумеется, не желала своему пациенту зла. Она умело и быстро оказала ему нужную помощь. Весь покрытый потом, с изменившимся лицом, журналист пришел в себя. И не испытывал ни капли неприязни к врачевательнице, неосторожно приоткрывшей лазейку для обитателей его подсознания.

Незапланированный, но эффектный опыт имел чрезвычайно шумный успех среди участников конгресса. Именно тогда американские ученые всерьез заинтересовались способностями Джуны, и тут же, в дни конгресса, она стала участницей еще одного эксперимента, на сей раз строго научного и запланированного. Об этом эксперименте речь в следующей главе.

А сейчас, заканчивая рассказ о гостеприимной тбилисской осени 1979 года, надо добавить, что Стэнли Криппнер буквально на следующий день признал правильным и второй диагноз, поставленный ему Джуной. Левая нога у него болела прежде, но он просто не помнил о старой болезни.

Что было на засвеченной фотопленке?

Тбилисский конгресс по бессознательному памятен Джуне еще и потому, что в это самое время началось ее сотрудничество с американскими учеными. Перед ней были поставлены задачи очень интересные, а результаты, которых ожидали... Впрочем, о результатах следует сказать только одно — они превзошли все возможные ожидания.

Инициатива исходила вовсе не от американцев. Телевидение готовило фильм о Джуне и ее необычных способностях. А американские ученые были как раз специалистами по биоэнергетике. Вот их и пригласили выступить с необходимыми комментариями да заодно объяснить и сами проблемы биоэнергетики, чтобы телезрители поняли, что к чему.

Режиссер, работавший над фильмом, предложил: «Хорошо бы поставить какой-нибудь эксперимент. На экране это будет выглядеть эффектно, и в результате выиграют все — и ученые, получившие новые результаты, и зрители, как бы попавшие на несколько минут в научную лабораторию, где разрабатываются самые современные проблемы, и Джуна, продемонстрировавшая свои способности в присутствии широкой аудитории — телевизионных зрителей. Суть эксперимента и его условия пусть предложат американские гости».

Американцы Джеймс Хикман и Майкл Мэрфи с восторгом согласились поставить требуемый эксперимент. Они и сами были чрезвычайно заинтересованы в новых опытах по исследованию проблем, связанных с биоэнергетикой.

Внешне эксперимент обставили просто, выполнение его особой аппаратуры не требовало. Аппаратура вообще была не нужна. Все наглядно, доступно и, главное, очевидно. Тем не менее научный эксперимент, поставленный американскими учеными, в котором участвовала Джуна, больше напоминал выступление циркового иллюзиониста. Минимум атрибутов, максимальный внешний эффект.

Требовалась фотопленка и шесть черных конвертов, которые обычно используются фотографами. Кассета с фотопленкой была принесена.

Чувствительность пленки высокая — двести единиц, как раз то, что нужно, чтобы к условиям эксперимента не было потом никаких претензий. Принесли и конверты из плотной тяжелой бумаги. Теперь самое сложное, но для профессионального фотографа легко выполнимое. От непроявленной фотопленки отрезали несколько равных кусков и положили каждый в конверт

по два куска длиной двадцать сантиметров каждый. Конверты аккуратно закрыты, их разделили на две группы, по три конверта, и положили в другие конверты. На сей раз большие и белые. Один конверт — рабочий материал, другой конверт — материал контрольный.

Теперь дело за Джуной. Будь это в цирке, команда униформистов выстроилась бы сейчас в две шеренги, свет погас, лишь один яркий прожектор выхватывал бы из тьмы площадку, на которой происходит действие. Тишина, разрываемая барабанной дробью. А потом бравурный взрыв оркестра. Туш. Литавры. Эксперимент завершен. Иллюзионист раскланивается.

Тут все было иначе. Молчаливые американцы внимательно наблюдают за ходом эксперимента, стрекочут кинокамеры, запечатлевая происходящее до малейших подробностей. Но что, собственно, запечатлевать?

Джуна подержала плотный запечатанный конверт между ладонями не больше минуты. Затем протянула конверт американским ученым. Ее участие в эксперименте закончено. Теперь дело за американскими учеными.

Они заберут конверты с аккуратными пометками «Обработанные» и «Необработанные» к себе в Америку. И уже там проявят куски фотопленки. Все двенадцать, по два в каждом черном конверте.

Так и было. В Америке пленку со всеми надлежащими предосторожностями проявили. И что же? Фантастика? Явь? Нет, явь, превосходящая самую смелую фантастику.

«Обработанные» Джуной куски фотопленки были не просто засвечены. На них запечатлелись красные, белые, розовые, синие и голубые пятна. И в центре каждого кадра яркая световая вспышка, напоминающая солнечную.

Это выглядело так. Пленка, а на ней кружки: белые центр, от него отходят словно лучи, а вокруг белого пятна — красные, синие, розовые. И так почти по всей пленке.

Оказывается, пленка, использованная для опыта, имела три уровня восприятия света. При слабом световом воздействии она получает голубую или синюю окраску. Сильное световое воздействие фиксируется пленкой в виде красного цвета. А белый цвет говорит об очень мощном источнике освещения. «В некоторых местах, — рассказывали потом американцы, — пленка освещена так, словно ее вскрывали при ярком свете. Просто взяли и вскрыли, а не воздействовали руками на непроницаемые для света плотные бумажные конверты». Ученые зафиксировали два варианта засветки: на некоторых участках были цветовые пятна, а некоторые засвечены сплошь.

А что же контрольные куски пленки? Они были темны! Абсолютно темны! На них запечатлена беспросветная темнота.

Когда, теперь уже в Москве, куда перебралась к тому времени Джуна, американские ученые подробно рассказывали ей о результатах эксперимента, один из присутствующих при разговоре русских ученых задал вопрос:

— А был ли эксперимент полностью корректным?

И, услышав удивленные возгласы американцев, пояснил свою мысль:

— Ни на малую толику не сомневаюсь, что сам эксперимент поставлен точно, с соблюдением всех необходимых условий. Но ведь конверты потом перевозили в другую страну! Вам пришлось пройти обязательный таможенный контроль. Не могло ли что-нибудь случиться именно на этом этапе?

Американцы ответили:

— Оба белых конверта, в которых были запечатаны по три черных конверта с отрезками фотопленки, хранились вместе. Произойди что-нибудь, пострадало бы содержимое всех конвертов. Но вы знаете, что контрольные образцы так и остались незасвеченными, в отличие от образцов, обработанных Джуной.

Аргумент признали убедительным.

В общем разговоре прозвучали слова, на которые следует обратить особое внимание: «...Не все люди обладают способностями, присущими Джуне. И лишь немногие из них могут эти способности ярко и убедительно продемонстрировать. Джуна все делает наилучшим образом и тем самым привлекает к проблеме внимание других людей... Джуна особенно ценна в том смысле, что ее возможности можно измерить. Для работы с ней годятся даже приборы, которые уже есть. Она — бесценный объект для изучения...»

Слова американца очень важны для понимания некоторых эпизодов биографии Джуны, о которых пойдет речь дальше. Да, Джуну порой использовали как объект для исследований. Использовали те же американцы. Использовали и советские ученые, хотя это вовсе не афишировалось, а исследования были полузакрытыми: Джуна работала над своими научными проблемами, попутно изучая резервы своих способностей, а в это время кто-то изучал ее феномен, решая задачи, вовсе не связанные с диагностикой и лечением заболеваний. Знала ли о том Джуна? Вполне вероятно, догадывалась. А некоторые новейшие публикации косвенно подтверждают, что она и попросту была в курсе этих исследований, где выступала не субъектом, а объектом.

Но что запечатлелось на засвеченной фотопленке? Что это за

сияние? Что это за пятна, похожие на изображение пылающего солнца? Ученые, по-видимому, оставили подобные вопросы без ответа. Для них достаточно знать — фотопленка зафиксировала излучение, порождаемое руками Джуны. Значит, биополе существует. Поставленный американцами эксперимент — лишнее тому доказательство.

Но пятна имеют разный характер, разную степень интенсивности, наконец, разную форму. Одни в виде круга, а другие — сплошная белизна.

Мое толкование причин этого явления может показаться ученым наивным либо шарлатанским, однако любой человек вправе иметь собственное мнение.

В данном эксперименте руки Джуны выступали ретранслятором биополя, присущего ее телу. А недаром практически во всех развитых мистических учениях человека сопоставляют со Вселенной. Говоря языком сравнений, на фотопленке зафиксировано фотографическое изображение вселенной тела Джуны. Возможна и более сложная аналогия. Если в микрокосме (человеке) отражен макрокосм (Вселенная), почему бы в человеке — или его преображенном образе — не попытаться разглядеть, кроме общего подобия, подобие отдельных частей макрокосма?

А если на фотопленке запечатлено сияние множества солнц «микровселенной» Джуны, солнц, окруженных солнечными протуберанцами? Сплошная же белизна, заливая фотопленку в некоторых местах, не свидетельствует ли о том, что какое-то из множества солнц «микровселенной» приблизилось почти вплотную, заливая все невыносимо ярким светом?

При таком понимании отношений человека и мира делается понятным, что углубление в себя сродни погружению во Вселенную. Ясновидец вглядывается не в даль, подкручивая окуляры биноклей и подзорных труб. Он вглядывается в подсознание, сосредоточиваясь, напрягая силы, сам и мир, и прибор для отражения внешнего мира, и прибор для разглядывания этого отражения.

Рассказанное здесь способно пролить дополнительный свет на события, изложенные в главе «Глаз деревянного коня». А для мага, которым и является Джуна, особые отношения со Вселенной есть обязательное условие его существования, так сказать, родовая черта.

В тени семи холмов

Таинственный телефонный звонок

Отъезд из Тбилиси был внезапным, и даже Джуна с ее талантами провидицы не могла предугадать, что ей придется покинуть гостеприимный город, ставший для нее родным.

Она еще не ведала, что молва о ней, а главное, о ее необыкновенном даре дошла до Москвы. Про Джуну узнали самые высокопоставленные люди.

И вот неожиданный междугородный звонок. В трубке звучит женский голос, но голос не какой-нибудь секретарши или референта, а голос человека, который чувствует за собой большую власть и потому говорит веско, понимая, что слова его будут подкреплены его положением. Голос поинтересовался: «Может ли Джуна вылечить Леонида Ильича Брежнева?»

Джуна не только опешила от резко поставленного вопроса, она попросту ничего не ведала о брежневской болезни. Что, собственно, требуется лечить? Ей намекнули, когда придет пора, Джуне все подробно объяснят.

Джуна, может быть, и позабыла бы о загадочном звонке, тем более никаких известий из столицы не поступало. Но ох уж эти телефонистки! Любят они быть в курсе чужих дел, а потому не держат язык за зубами, рассказывают подругам о том, что слышали, а те рассказывают своим подругам. Так слухи расходятся по городу. И весь Тбилиси шумел: Джуну вызывают лечить Брежнева.

И вот другой звонок, не междугородный, но сделанный по телефону, номер которого вызывал во многих трепетное благоговение. Звонил сам Председатель Совета Министров Грузии. Он был очень любезен и непреклонен — на сборы времени почти нет. Поступил приказ свыше. Надо лететь в Москву. Правительственная машина придет к определенному часу. С собой захватить самое необходимое...

Слухи распространяются быстро, даже если телефонистка и не в курсе дела. Но по тревожным разговорам по телефону друзья узнали о том, что Джуна срочно уезжает. Они стали собираться у нее в квартире. А вскоре каким-то образом об отъезде Джуны узнали и ее соседи по двору.

Когда на другой день правительственная машина подкатила к подъезду, людская толпа окружила ее. Всем хотелось получить ответ на вопрос: куда увозят Джуну? И едва она вышла из подъезда с сыном на руках, в толпе запричитали и даже заплакали. Но время пришло. Она улыбнулась этим милым и добрым людям, понимая, что обратно сюда уже не вернется.

Спустя годы Джуна вспоминала об этом отъезде так. Брежневу нужно было вылечить челюстные связки, что-то с ними случилось. Потом выяснилось — произошел разрыв. «Словом, когда я сказала, что готова помочь, мне дали сутки на сборы. А у меня Вахо полтора годика. Но кто бы стал меня слушать? Приказ!..» Взять можно только сына. А муж, что он мог сделать, тем более любви не было, по крайней мере со стороны Джуны. Джуна говорит о его поведении тогда: «Он отдал меня. Как коммунист не мог не подчиниться. Родина требует! Я улетела без него — с маленькой сумкой и маленьким сыном».

Прибывшую в аэропорт машину окружила милиция. Джуне помогли выйти, сказали, что билеты уже куплены и пора идти на посадку. Ни на какие вопросы Джуны ее провожатые не отвечали. Или отделывалась фразами, что все обойдется хорошо.

Ребенку во время полета стало плохо. Сама Джуна плакала. Да и все эти неожиданности, недоговорки, внезапные решения не нравились ей, вселяли в нее тревогу.

В московском аэропорту ее встретили. Прямо на взлетную полосу подкатила правительственная машина. Встречающий сказал, что их уже ждут. И действительно, их отвезли в гостиницу «Москва» и устроили в одном из лучших номеров.

Вдруг в номере появились люди, знакомые

Джуне еще по Тбилиси. Один из них, высоко - поставленный чиновник, связанный с медициной, утешил ее, сказал, что ничего страшного не происходит. Просто она должна помочь.

А вскоре машина уже везла ее к председателю Госплана СССР Н.К. Байбакову, человеку, сыгравшему огромную роль в жизнь Джуны. Он защищал ее, помогал, если была нужда, советовал. Дружеская связь была так крепка, что Джуна называла его своим «вторым отцом». Он помог ей устроиться, потом поспособствовал, чтобы ее приняли на работу в поликлинику Госплана. Его стараниями получены валюта, на которую закупалось нужное оборудование, и помещение, где позднее разместилась лаборатория Института радиотехники и электроники Академии наук СССР.

Джуна сделалась дворцовым медиком. Она лечила не только Брежнева, она лечила членов его семьи, Суслова, Громыко, Гришина, Промыслова и их родных и близких. Многих лечила Джуна. Казалось бы, при таких высоких связях она защищена от любых неожиданностей. Казалось.

Выстрелы, слежка и яд

Джуна оказалась в очень сложном положении. С одной стороны, лояльность, даже одобрение самых высоких людей государства, с другой — непризнание ее методов крупными медицинскими чиновниками. Парадоксально, однако факт. Медицинские свети- да считали: если кто-то из высокопоставленных особ желает лечиться у Джуны, это их личное дело. Но признать ее метод лечения — значит пилить сук, на котором сидишь. Пусть лечебные сеансы ее проходят удачно и больные выздоравливают, в данном случае на первый план выходят принципы, а человеческое здоровье — дело десятое. Да и какие принципы? Не принципы лечения, как таковые, а принципы мировоззренческие.

Нельзя официально признать существующим бесконтактный массаж, это противоречит материалистическому мировоззрению. Феномен, говорите? Свое веское слово должны сказать сначала физики. А вдруг она никакая и не врачевательница, вдруг обыкновенная шарлатанка? Цыганский гипноз известен испокон веков. Короче, надо все взвесить, обдумать, выверить — для пользы науки. Можно даже уточнить: для пользы материалистической науки. А пока — не признавать и ни в коем случае не позволять практиковать.

Но Джуна продолжала бороться. Она использовала главный недостаток официальной медицины — бюрократическая система чрезвычайно неповоротлива, косность ее общеизвестна. Запрещают на высшем уровне, можно попробовать на уровне, казалось бы, самом низшем — в районных поликлиниках. Там работает множество добрых, отзывчивых людей, самоотверженно влюбленных в медицину, желающих одного — помочь больным. И эти люди вправду оказали Джуне поддержку. Более того, они хотели научиться методу, который предлагала Джуна. И они учились у нее дома, прилежно приходили на занятия, словно образцовые ученики.

Одновременно Джуна пыталась пробиться и в научные учреждения. Ей самой было необходимо изучить особенности тех сил, какими ее наделили свыше природа или боги. Серия опытов, проведенных в 1-м мединституте, разумеется, проведенных полуофициально, дали блестящие результаты.

Медики, которые сейчас выступали в качестве подопытных, убедились: бесконтактный контакт — это реальность. Не касаясь участника опыта, на расстоянии, только воздействуя своим биополем, Джуна смогла повысить частоту пульса с 60 ударов до

150 ударов в минуту. Победа!

И едва ли не счастье испытала она, когда в Институте рефлексотерапии ей позволили произвести опыты, контролируя их течение при помощи японского термовизора, чрезвычайно редкого и дорогого прибора.

Опыты эти окружала атмосфера таинственности. И не потому, что эти люди играли в секретность. Узнай о таких опытах высокое медицинское начальство, расплата была бы неминуемой, многие лишились бы своей работы.

И вот эти люди, преодолевшие страх, рисковавшие ради подлинной, а не выдуманной «бумажной» науки, собрались в лаборатории у термовизора. Сложный прибор, к которому был присоединен и редкий в те годы видеомагнитофон, должен был определить, как тепловое поле Джуны воздействует на тепловое поле больного.

На первом из серии снимков кисть пациента не видна. Этот человек был ранен во время войны и потому не владел кистью.

Джуна делает несколько движений, воздействуя на кисть пациента.

Новый снимок. Очертания кисти чуть-чуть обозначились. Это свидетельствует о том, что сосуды пораженного органа постепенно наполняются кровью.

Еще серия движений. Новый снимок. Рука видна яснее!

Пассы Джуны. Снимок. Пассы. Снимок.

Температура руки повысилась, и это изменение зафиксировал точный прибор. Однако и хитрая японская техника едва не спасовала перед силами Джуны: ее биополе имело куда более широкий спектр, чем воспринимал новейший японский термовизор.

Победа? Но — окрашенная крепкой горечью. Когда назавтра Джуна едва ли не прилетела в институт, чтобы встретиться с новыми друзьями, поговорить о поставленных опытах, обсудить новые, ее не пустили. Вахтер сказал, что никого нет, народ на субботнике.

И все же существует в мире справедливость, как существуют и порядочные люди. Несколько человек, присутствовавших при уникальных опытах, умудрились оформить документы и передать под большим секретом Джуне (только бы не пронюхало начальство!). Теперь результаты опытов существовали и закрепленные на бумаге. Официально.

А тайная борьба продолжалась. Высокий покровитель Джуны Н. К. Байбаков сказал по телефону — ее приглашают для встречи с медицинскими светилами.

Из многочасовой беседы, проходившей в здании на Солянке,

стало ясно — присутствующих больше всего интересуют вопросы, связанные с лечением головного мозга. И Джуна с радостью согласилась участвовать в экспериментах.

Теперь Джуна каждый день приходила в Институт неврологии и там работала с больными, у которых были зафиксированы нарушения кровообращения головного мозга. Большинство больных — с нарушением психики, считавшиеся неизлечимыми.

Комната, где работала Джуна, была совершенно пустой, приборы спрятаны в соседнем помещении, об их наличии больные не знали, а Джуну не поставили в известность, какие приборы участвуют в эксперименте.

Представители института смотрели за ходом лечения. Больные после проведенных сеансов отвечали на специально составленные тесты, а в самом конце задавали вопросы самой Джуне. Вопросы были донельзя глупыми, но ответы тщательно фиксировались. Например, ее спрашивали, танцевала ли и пела ли она в детстве. Ну разумеется, кто в детстве не танцует и не поет. Ее держали едва ли не за сумасшедшую.

Однако вопросы вопросами, а лечение проходило успешно, притом медики, что помоложе, внимательно наблюдали за действиями Джуны и — еще одна победа! — просили ознакомить с ее методикой, чтобы применять ее, работая с другими пациентами.

Джуна знала, что больные, с которыми она проводит сеансы, чувствуют резкое улучшение, но, когда она интересовалась, где тот или иной пациент, институтское начальство отвечало — ему стало хуже, его отстранили от участия в опытах. Стороной она узнавала, что больные, напротив, чувствуют себя хорошо, что они уже выписались.

Маг нуждается в защите

Магическое соперничество — непременный атрибут мифов о маге. Нам, людям, далеким от всех этих проблем, волшебников, обаятелей, ведунов, магов, напоминание о каком-то поединке магов или о противоборстве с целью помериться силами может показаться невозможной экзотикой, чем- то если и существовавшим некогда, то оставшемся там, в прошлом, в каком-нибудь недосягаемом средневековье.

Между тем такой поединок возможен и в наше время. И Джуна, попав в Москву, внезапно была вовлечена в такой поединок, стала одним из его главных участников. Те, кто противостоял ей, не были наделены силами особой природы, какими наделена свыше Джуна, но и они кое-что умели, но то была черная магия.

Началось с того, что весной 1981 года Джуну как бы ненароком, между делом, навестил Г. В. Морозов, директор Института судебной психиатрии имени Сербского. Что это за лечебное заведение, людям постарше объяснять не надо. Но тот, кто помоложе, вряд ли знает, что в этом институте не только изучали проблемы, связанные с судебной психиатрией, но и работали по особой программе, цель которой — борьба с инакомыслящими.

Посетитель был не один, с ним вместе появился помощник всем известного «серого кардинала» М. А. Суслова, ведавшего в ЦК КПСС вопросами идеологии. Именно второй гость и начал разговор голосом многозначительным, в котором звучала и нотка таинственности. Он сообщил Джуне, что высшими властями принято решение, как он выразился, «провести строгие научные исследования». Исследования эти касаются способностей Джуны. Необходимо выяснить природу ее дара. А для того чтобы исследование прошло по полной программе и на высокой научной основе, ей необходимо проводить эту работу в институте имени Сербского. Там прекрасные научные лаборатории, великолепные специалисты, накоплен уникальный, не имеющий аналогов в мировой практике опыт.

Что же, сказанное им было по-своему справедливо. В институте имени Сербского действительно отлично поставлены научные исследования, специалисты, работающие там, высоко квалифицированы в своей области науки, а опыт, накопленный в стенах института, и вправду был уникальным. Во многих странах стараются бороться с политическими противниками, но такой жестокой борьбы, таких изощренных методов не применяли,

вероятно, нигде. Ученые пользовались выгодами, предоставляемыми политической конъюнктурой. Тот, кто для властей предержащих был политическим противником, для ученых выступал как идеальный полигон для исследования разных способов воздействия на человеческую психику.

К слову сказать, вопросы собственно судебной психиатрии, которые и призван был в первую очередь решать этот институт, тоже не оставались в стороне — специалисты там действительно были высокого класса. Если бы не они, многие, в том числе самые чудовищные преступления, не были бы раскрыты, а преступники не понесли бы наказания, которого они заслуживали.

Высокопоставленный гость Джуны, указав на Морозова, сказал, что тот поставлен в известность и курс исследований пройдет по полной программе. Способности Джуны — вещь чрезвычайно интересная и важная, изучать их следует досконально, во всем объеме. Польза от таких исследований будет всем.

Джуна слушала обращенные к ней слова, и страх сковывал ее. Она-то знала об этом институте, знала и о том, что, кроме уголовных преступников, проходивших судебно-медицинскую экспертизу, чтобы можно было установить степень их вменяемости, что неизбежно должно отразиться на мере наказания, в институте проходили психологическую обработку так называемые диссиденты: деятели правозащитного движения, просто несогласные с политическим режимом.

Испуг Джуны был понятен. Под предлогом изучения ее способностей ее попытаются использовать в работе института, связанной с обработкой деятелей политической оппозиции. О том, что будет, если она откажется, Джуна даже боялась помыслить.

Она попыталась скрыть смятение, хлопоча по дому, угощая гостей. А страшный гость внимательно смотрел на нее, словно изучая. Его интересовала реакция Джуны. Согласится сотрудничать с властями или откажется под любым более-менее благовидным предлогом?

Наконец гость полюбопытствовал, обрадовалась ли Джуна такому неожиданному, но очень перспективному предложению? «Конечно», — ответила она. А в голове вертелась только одна мысль: как же уязвима ее позиция! Сама бы она выдержала все, даже самое страшное, но осталась бы непреклонна. Но у нее есть маленький сын. Они способны на что угодно, лишь бы добиться своего. Или отомстить.

Гость все еще говорил, Джуна уже перебирала возможные варианты. Отказаться наотрез она не могла. Таким образом она

не только навсегда закроет себе дорогу в медицину, но и утратит уважение сына, который, когда вырастет, наверняка узнает, что к чему. Обязана она чтить и память отца, ведь именно он подсказал ей мысль отдать себя лечению людей. Решение, принятое ею, было в высшей степени наивно и одновременно смело. Джуна напишет завещание и упросит брата, который именно в эти дни по стечению обстоятельств находится в Москве, взять ее маленького сына в Урмию. Она не представляла, вернее, боялась представить, что при желании ребенка отыщут где угодно, была бы поставлена такая задача свыше.

Джуна о том не думала, теперь она хотела выиграть время, чтобы осуществить свой план. Она изобразила смущение и попросила: «Нельзя ли отложить посещение института всего на несколько дней? Я разберусь с накопившимися делами, закончу курс лечения своих пациентов и буду готова».

Высокопоставленный гость кивнул. Он был согласен. Почему бы не пойти навстречу такой милой и такой сговорчивой женщине? Между тем напряженная атмосфера, возникшая в доме с появлением этих неожиданных гостей, чуть разрядилась. Да и гости стали вести себя несколько по-иному. Выполнив приказ начальства, они теперь весело улыбались, пробовали приготовленные Джуной блюда, хвалили ее кулинарные способности.

В конце концов о жестком сроке появления Джуны в стенах института перестали вспоминать. Она согласна, а несколько дней не играют роли. Им казалось, они прекрасно выполнили свою миссию. Добились согласия, и Джуна ничего не заподозрила.

Но как же они ошибались! Как были непроницательны! Они не заметили даже страшную тревогу, тенью легшую на лицо Джуны. Под разными предлогами она оставляла гостей, заходила в комнату сына. Вот кто почувствовал все. Он обнимал мать и крепко прижимался к ней. Он чувствовал надвигающуюся опасность.

Тем не менее Джуна выиграла нужное время, а щедрая к ней судьба дала ей не два-три дня. У Джуны была целая неделя. Но временная отсрочка еще не спасение. Джуна внутренним взором видела — две огромные силы борются за нее и одна из сил — непроглядно черная — имеет шансы на победу.

Джуна прощалась с дорогими ей людьми. Защиты и помощи искать не у кого. И вдруг она неожиданно вспомнила о Н. К. Байбакове. Джуна отправилась к нему.

В этом доме для очень высокого начальства, где жил, кстати, и Л. И. Брежнев, ее знали. Консьержка и охранник не мешали войти, а, напротив, поздоровались с гостьей — Джуну видели

здесь не впервые.

Байбаков был в одиночестве. Он приветливо встретил Джуну, весело шутил. Предложил попить чаю. И вот тогда-то и поинтересовался, что, собственно, случилось.

Джуна рассказывала, хозяин слушал, и настроение его менялось. Он все более мрачнел.

Некоторое время он что-то молча обдумывал, а потом решительно заявил: «Ходить в институт Сербского ни в коем случае нельзя. Джуна отвечает не только за свою собственную жизнь. В первую очередь она отвечает за жизнь своего ребенка. Она вольна отказаться». Он внезапно замолчал. Потом закончил: «Нет, сделать с ней они ничего не посмеют (кто такие эти «они», оставалось только догадываться). У Джуны есть верные друзья. И он, и тот, кто попросил ее приехать в Москву, чтобы поправить ему здоровье».

Говорят, что счастливцы легки на помине. И будто в подтверждение справедливости этих слов зазвонил телефон правительственной связи. Байбаков, не ожидавший такого совпадения, даже вздрогнул. А может, совпадениями ведают какие-то высшие силы?

Хозяин взял трубку и поздоровался, обращаясь к невидимому собеседнику на том конце провода. Выслушивая слова, произнесенные в ответ, хозяин взглянул на Джуну — говорить или не говорить Брежневу о ее горестях? «Нет!» — Джуна выдохнула это слово.

И все-таки Байбаков сказал своему всемогущему собеседнику: «Джуну пригласили в институт Сербского для особой программы исследований».

По тому, как он выслушивал ответную реплику, и по его словам, произнесенным как бы в подтверждение сказанному Брежневым, но на самом деле пытаясь направить мысль собеседника в нужное русло, Джуна в общих чертах поняла, что говорят там, на другом конце провода. Позднее выяснилось, что Брежнев сказал Байбакову, что тот отвечает за Джуну, даже волос не может упасть с ее головы.

Потом они некоторое время молчали. Они понимали друг друга, понимали, как Джуна поступит в данной ситуации. Несмотря на запреты, она бы все равно пошла в этот страшный институт. И потому Байбакову пришлось заручиться поддержкой первого человека в государстве, но одновременно, будто в ходе особой интеллектуальной игры, помочь Брежневу свыкнуться с мыслью, что Джуна должна пойти.

А Джуна ощущала свой поход в институт как именно поход за правое дело. Она должна одолеть противников, которые несут

людям зло.

Ночь прошла без сна. Джуна думала, вспоминала, мысленно прощаясь с сыном, подводя итог прожитой жизни.

Утром ее ожидала машина. И близкие, и сын чувствовали что-то и по ее настроению, и по тому, как страстно и нежно целует она их, обнимает, словно прощаясь навсегда. Брату она успела шепнуть: «Если меня задержат в институте более чем на два дня, ты должен вскрыть конверт, где лежит бумага со всеми необходимыми распоряжениями».

Когда Джуна садилась в машину, она уже ничего не боялась.

В проходной у нее отобрали сумочку и паспорт. Сопровождали ее два крепких молодых человека, облаченных в штатское платье. Пояснили — так надо, хоть и тюремный, но все-таки сумасшедший дом.

Везде расставлены часовые. В коридоре неживой, слепящий свет.

Ожидали ее десятка два людей. Белые халаты надеты и плотно запахнуты. Кое-кого из присутствующих Джуна знала в лицо или понаслышке. Все мрачны. Только один молодой светловолосый человек улыбается. По фигуре, по тому, как сидит на нем халат, ясно, что он не медик. Джуна подумала: вдруг это человек, который должен сыграть роль ее ангела-хранителя?

Но мысль эта сразу же была оттеснена другими.

Эксперименты, эксперименты. Когда выдается маленький перерыв, Джуна курит, пытаясь осознать сделанное, проанализировать, не было ли какого сбоя. А опыты носили самый разный характер. Например, ей предложили изменить характер кардиограммы человека. Джуна начала работу. Прибор подтвердил — кардиограмма изменилась.

И снова из помещения в помещение. В одной из комнат ей показали на лежащую на кушетке женщину. И приказ — установить диагноз.

Джуна принимает на расстоянии сигналы, выбирает из них нужную информацию и ставит диагноз — рана в левой затылочной части. Собеседник пытается ее сбить, переспрашивает, уточняет. И вдруг в разговор вступает присутствующая здесь же дама, облаченная в белый халат: «Каким предметом нанесено ранение?» Джуна взорвалась: «Я не на следствии, на такие вопросы отвечать не буду».

А затем ее проводили в темную комнату, закрыли тяжелую свинцовую дверь. И оставили в одиночестве.

Время летит или течет? Сколько она вообще здесь просидела, до тех пор пока дверь не открыли и она не услышала слово «все»?

В кабинете директора института Снежневский, особого рода

светило судебной психиатрии, страшный и злой человек, светловолосый парень, которого Джуна заметила еще раньше, и сам хозяин.

Директор говорит такое, что Джуна не может поверить собственным ушам, она и не думала, что дело обстоит столь серьезно.

Проводились исследования, в ходе которых пытались определить, нормальна она или нет. Оказалось — к огорчению кое-каких недоброжелателей, — она психически здорова.

Сказав это, директор института начинает рассыпаться в комплиментах. Ничего подобного он никогда не видел. Ее феномен следует изучать при помощи превосходной аппаратуры, которой оборудован его институт.

Но вдруг раздаются слова Снежневского, безобидный вид которых не может скрыть страшного смысла, в них вложенного. «Согласны вести совместные исследования?» — спрашивает он.

И, услышав ответ, без всякой обиды, голосом, лишенным интонаций, добавляет: «Я сразу понял, что вы догадались, зачем вас сюда позвали. Когда вы Сказали, что не подследственная».

Домой, скорее домой.

Светловолосый молодой человек предлагает отвезти ее на машине. «Проведите меня мимо часовых, — просит Джуна. — Дальше я сама...»

Сумочка, паспорт. Она на воле. И вдруг провал. Как сомнамбула бродила она по Садовому кольцу, и, когда прикуривала сигарету, шарф на ней неожиданно вспыхнул. Два иракца, оказавшихся поблизости, еле смогли сбить пламя. Потом один из них отвез ее домой. Они стали друзьями.

Джуна увидела стоящих рядом с ее постелью плачущих родственников. Что такое? Оказывается, она спит беспробудно вот уже третьи сутки.

Неужели все это лишь страшный сон? Нет, не сон. О том, что это действительность, которая бывает страшнее сна, напомнили события, происшедшие много позже.

Кто учил врачевать Авиценну?

И все-таки странная, не вполне поддающаяся логическому анализу запредельная связь Джуны с кинематографом, вернее, с искусствами, манипулирующими тенями, вызывающими их на экран и навсегда приковывающими к кинопленке, существует.

Есть она и на приземленном, бытовом, прагматическом уровне. Например, сейчас, когда значение необыкновенных способностей Джуны оценено по достоинству, когда у нее есть широкая лечебная практика, ни один проведенный ею лечебный сеанс, ни одна манипуляция, даже малейшее движение, не обходится без того, чтобы его не зафиксировали на видеопленке. И потом, когда приходит время или у самой Джуны возникают разного рода вопросы и сомнения, видеокассета снимается с полки и на телевизионном экране движение за движением, жест за жестом, секунда за секундой повторяется прошлое, которое не ушло, а задержано. Теперь навсегда. Для будущего. И для настоящего.

Джуна критически смотрит пробегающие кадры, просит прокрутить пленку чуть-чуть вперед, возвращает запись назад. А иногда и вообще просматривает по десять раз один-единственный заинтересовавший ее эпизод. Но тут присутствует производственная необходимость. Это — работа, какой бы странной она ни казалась на первый взгляд непосвященному.

Но существует связь иного рода. Будто предчувствия Джуны исполнились. Она и впрямь снималась в кино, исполняла несколько интересных и сложных ролей. И зависимость между искусством вызывания теней, присущим магам, и кинематографом в очередной раз подтвердилась. Атмосфера кинематографа, съемок порождала неожиданные чудеса. Джуна испытывала прозрения, она видела скрытое и предсказывала судьбы.

Так было, например, на съемках фильма «Юность гения». Фильм посвящен знаменитому ученому Авиценне и рассказывает о первых его шагах в науке. Кто бы мог сыграть наставника врачевателя? Лучшего претендента не найти. Узбекский кинорежиссер Эльер Ишмухамедов пригласил Джуну попробовать себя в качестве актрисы. Она должна была играть ассирийку Юну, искушенную в искусстве врачевания (созвучие с именем актрисы вовсе не случайно).

В сценарии был такой эпизод: Юна демонстрирует Авиценне приемы диагностики и лечения при помощи рук. Умелые и оборотистые киношники использовали для съемок древнюю

мечеть Даг-Бид, расположенную недалеко от Самарканда. В мечети построили необходимые декорации, и она превратилась в лечебницу. В массовых сценах участвовали обитатели местного дома инвалидов.

Для того чтобы эпизод на экране производил как можно более сильное впечатление, режиссер собирался подыскать самый колоритный типаж. Но у Джуны было иное мнение. Она попросила самой выбрать партнера для этого эпизода. И пусть это будет человек, страдающий реальным недугом, не слишком сильным, но действительным. Как-то еще будет с фильмом, а человеку можно помочь прямо сейчас. И Джуна повернулась в сторону массовки.

Рука ее тут же уловила нужный сигнал. Джуна спросила у присутствующих:

— Этот человек глух?

Присутствующие были удивлены, однако подтвердили: «Этот восьмидесятилетний старик давно почти ничего не слышит. Оглох лет двадцать назад».

«Предупредите его, пусть он не слишком удивляется. Я его попробую вылечить», — сказала Джуна.

Изумленные доброхоты закричали на все голоса прямо в тугие уши старику. Тот, вероятно, все же что-то расслышал из этого страшного ора и теперь не ведал, насмехаются над ним или говорят правду.

Джуна попыталась все объяснить присутствующим. У старика нет органических нарушений. Нужно попытаться активизировать кровообращение, и слух, вполне возможно, вернется.

Она стала манипулировать руками, вложив кончики указательных пальцев в уши старика. Сигнал. Еще сигнал. Еще.

И старик стал слышать!

Чудо или простой лечебный сеанс происходили в эту священную пятницу в пределах древней мечети? Присутствующие восприняли это как чудо. Кто аплодировал, кто молился.

Это было уже не кино. Это было подлинное исцеление, подобное древним исцелениям, что совершали маги. Наложение рук, подобно описанным в старинных книгах. И страждущий исцелился!

Потрясены были и кинематографисты, и участники массовки, и режиссер. Он снял весь эпизод. Прекрасная сцена, достойное украшение фильма. Так и действовали прежде врачеватели.

Но решал не режиссер, судьбу фильма решали совсем другие люди, порою неизмеримо далекие от искусства. Основное возражение на первый взгляд абсурдное и тем не менее чрезвычайно действенное и опасное: разве можно

пропагандировать методы, не одобренные Академией медицинских наук? Авиценна — великий врач, а кто его наставляет? Какая-то загадочная целительница! Нет-нет, помилуйте, никто не возражает ни против удачно сделанной сценаристом роли, ни против исполнительницы! Но только измените занятие вашей героини. Никаких целительниц... Ратуете за экзотику? Сделайте вашу Юну ясновидящей.

Результат очевиден — превосходный эпизод в картину не вошел.

А как были бы потрясены кинематографические начальники, если бы узнали, что их предложение, им самим казавшееся фантастическим, в действительности недалеко от истины. Джуна в очередной раз продемонстрировала и эту сторону своего дарования. Тут же, на съемках, которые продолжались.

Теперь многие из тех, кто присутствовал при исцелении больного или только слышал о том от очевидцев, смотрели на Джуну со страхом и благоговением! Рассказы о происшедшем передавались из уст в уста, обрастая по дороге дополнительными подробностями.

И было чему удивиться не только участвовавшим в массовке старикам из дома престарелых, но и людям образованным, достаточно повидавшим и, казалось бы, не предрасположенным к удивлению. Так удивлялся Батыр Закиров, народный артист и певец, сопровождавший Джуну в мавзолей Гури-Эмир, где находится надгробие Тамерлана, сделанное из нефрита.

Для магов нет ни мертвых, ни чужих культур. Есть разные миры, разнесенные по временам и пространствам, забытые в прошлом или заброшенные в будущее. Маг преодолевает время и расстояние. Он с равным уважением относится к культуре других народов (если, разумеется, нет причины для раздора, вражды). И то, что в святом для множества людей месте Джуна сняла обувь и ходила по камням, охранявшим прошлое, босая, не было пренебрежения. Напротив, в этом жесте концентрировалось глубокое преклонение перед теми, кто был погребен в мавзолее. А нашел там последнее пристанище не один Тамерлан, хотя поначалу Джуна ощутила лишь его присутствие.

Она сказала сопровождающему, что чувствует руками странные сигналы. Само прошлое беседовало с ней. И спутник был поражен тем, что она почувствовала, где расположено захоронение, — Тамерлан погребен очень глубоко.

И это не все. В подземном зале, куда они потом проникли, Джуна опять ощутила сигналы прошлого. «Мертвых двое, — сказала она. — Им тяжко рядом друг с другом. Притом один мертвец хром, а у другого что-то с шеей».

В могиле рядом лежали хромец Тамерлан и великий Улугбек, его внук. Его убил фанатик, отрубив ему голову.

Ясновидящая снова оказалась права.

А съемки продолжались, и теперь люди убедились, что Джуна способна не только вслушиваться в прошлое, она способна заглядывать в будущее, прочитывая наперед людские судьбы.

Роль повзрослевшего Авиценны играл сын Батыра Закирова — Бахтияр. Перед самым началом съемок, где он должен был скакать на лошади, Джуна почувствовала неладное. Огромная волна тревоги накатила на нее.

Могла произойти трагедия. Следовало что-то делать, а съемку начнут с минуты на минуту. Актеры одеты в соответствующие костюмы и тщательно загримированы, ассистенты режиссера и осветители застыли на своих местах, оператор прильнул к визиру кинокамеры. Сейчас раздастся сигнал, щелкнет хлопушка и...

Джуна подошла к актеру и тихо, но очень серьезно сказала ему: «Нельзя сегодня сниматься». И такое убеждение слышалось в ее голосе, что актер послушался. Он уступил свое место дублеру.

Хлопушка щелкнула, кинокамера заработала. Конь, на котором теперь сидел каскадер, рванулся вперед и вдруг обо что-то споткнулся, упал. Каскадер неподвижно застыл на земле.

Не пять и даже не десять минут прошли, пока Джуна смогла вывести его из шока.

Позднее каскадер рассказал, как обстояло дело. Вылетев из седла, он увидел самым краем глаза, почти догадался, что сейчас ударится со всего размаха головой об огромной камень. Но, на его счастье, одна нога осталась в стремени. Каскадер успел нырнуть под конское брюхо. И получил удар копытом в грудь, от которого потерял сознание.

Не сразу понял каскадер смысл слов Джуны, которая благодарила его, — ведь он спас чужую жизнь. «А как же моя жизнь? — горько спросил каскадер. — Разве она ничего не стоит? Или моя жизнь дешевле жизни актера, которому помогала ясновидящая?»

«Провидеть судьбу и влиять на судьбы — две различные вещи, — ответила Джуна. — И если первое подвластно мне, второе, увы, я сделать не в силах». Она видела, что у актера не было никаких шансов справиться с грядущей опасностью, а вот у каскадера такой шанс был.

Что могла, Джуна сделала. Она предсказала надвигающуюся беду, использовав свой дар предсказателя, и, как врачевательница, вернула к жизни пострадавшего каскадера.

Собеседник понял ее объяснение. Понял и принял. Ибо

потом, на просмотре фильма «Юность гения», который проходил в Центральном Доме работников искусств в 1983 году, он вышел на сцену и рассказал о случившемся, обращаясь к залу. А Джуна использовала случай на киносъемках в рассказе «Я знаю — ты спасешь меня!», опубликованном журналом «Искатель».

Фильм получил приз Всесоюзного кинофестиваля, но в фильмографической справке, где среди прочих актеров указана и Джуна Давиташвили, ни слова не сказано об удивительных событиях, разыгравшихся на съемках фильма. Как не сказано и о том, что резонатором для этих, не вполне обычных, событий послужили и древние строения, и сама земля, своей памятью простирающаяся в прошлое, и загадочное свойство кинематографа, по сути схожего с искусством некромантии, вызывания мертвых из могил, манипуляций тенями, никак не находящими успокоения.

Глаз деревянного коня

Из фильма в фильм, из книги в книгу и даже из комикса в комикс переходит фигура чудаковатого ученого, профессора, то и дело теряющего собственную шляпу и зонтик. Ему некогда, он занят. Он ищет не зонт и не шляпу, он ищет истину.

Порою (к сожалению, все чаще и чаще) фигура эта становится зловещей. Профессор уже не обыкновенный добрый чудак, он безумец, ради своей проклятой науки готовый истребить весь мир. Уже не истина ему нужна, его захватывает сам процесс поиска, переливание из пробирки в пробирку, подогревание на реторте, соединение разнородных веществ. И найденный в трудах «философский камень» ему теперь ни к чему. Он выбросит его, как ненужную вещь, на свалку. Процесс, один процесс занимает безумца.

Или перед нами все тот же профессор, лишь сменивший поле деятельности. Теперь перед ним не пробирки, а застеленный белоснежной клеенкой операционный стол. В руке у профессора скальпель, зонд, хирургическая пила. Он конструирует новую породу людей. Или делает трепанацию головы, вторгается в мозг, пытаясь докопаться до того, где в человеке скрывается человеческое. Режет, пилит, отбрасывает куски живого мяса и откромсанные кости, стирает со лба, забрызганного каплями крови, крупные капли пота и снова берется за прежнее.

Если от прошлых культур людям остались в наследство вечные образы Прометея и Дон Кихота, Гамлета и даже Швейка, как символ современной эпохи в пантеон войдет безумный профессор, конструирующий сверхбомбу или сверхчеловека.

И эти рассуждения вполне справедливы. Давно замечено: самые поразительные открытия делаются в сфере, работающей на так называемую оборону (на самом деле имеется в виду наступление). Открытое в других, не связанных с обороной областях и представляющее маломальский интерес тут же засекречивается и отдается под надзор военных.

Другое дело, что военные разработки, по сути и двигающие современную науку, постепенно устаревая или утрачивая гриф секретности, отдаются на общую пользу человечеству. Но перед тем человечество, как правило, успевает очень сильно пострадать от открытия безумных (или только рассеянных) ученых, так мило теряющих шляпу и зонтик. Да и столь милые атрибуты выглядят в данном контексте лишь зловещими аллегориями. Вспомним, например, что кибернетика началась с разработки систем противовоздушной обороны — железного зонтика,

прикрывающего государственные пространства.

Все перечисленное не стоит забывать, когда дело касается научных разработок, особенно разработок, подходящих под определение «парапсихология». Какая связь, спросит читатель, между войной и астрологией? Или между войной и телепатией? Или между войной и ясновидением?

Связь? Настолько прямая, что может послужить эталоном, скажем, для школьной линейки. Только ли в древности полководцы внимательно прислушивались к толкованиям астрологов, выбирая удобный день для выступления? Астрологические разработки чрезвычайно интересовали Гитлера, и 22 июня 1941 года, ставшее страшным символом для нашей страны, выбрано им по стратегическим причинам высшего, нематериального толка.

Вы еще упомянули телепатию? Но о действенном средстве для чтения и, главное, для внушения мыслей мечтает едва ли не каждый потенциальный завоеватель мирового господства. Хороший телепат опаснее ядерной бомбы любого количества мегатонн. Он действует избирательно, целенаправленно, ему не нужны технические приспособления, от него трудно укрыться в бетонном бункере с автономной системой жизнеобеспечения.

Кажется, было упомянуто и ясновидение? Что ж, и тут не помешает конкретный пример. Не станем удаляться в глубь истории, ибо нам предстоит нырнуть на другую глубину. Итак, 1977 год. Сенсационная находка, сделанная в Атлантическом океане американским исследовательским кораблем «Гломар Челленджер». Обнаружена затонувшая советская подводная лодка, причем так глубоко, что никакие технические средства поиска применить было попросту невозможно, они не работают на таких расстояниях.

Американцы были не просто обрадованы, они испытали потрясение, ибо на борту затонувшего судна найден секретный код советского Военно-Морского Флота и многочисленное новое оборудование для атомных подводных лодок.

Острота ситуации заключается в том, что потерянное судно никак не могли найти представители советских военно-морских сил. Казалось, оно потеряно безвозвратно.

Каким же образом нашли подлодку американцы? Ни процесс поисков, ни сама находка отнюдь не афишировались. Однако есть сведения: основную роль в поисках сыграл Инго Свенн, американец, наделенный даром ясновидения. Он указал место, где лежало затонувшее судно. Прочее было делом высокоразвитой американской техники.

Подобное вступление не случайно. Ранее упоминалось о

попытках использовать способности Джуны не для лечения больных и не для предсказания отдельных судеб. Глухой намек на эксперименты особого рода есть и в недавнем интервью Джуны, опубликованном в 43-м номере газеты «Собеседник» за 1998 год.

«Отъезд в Москву поставил крест на моей научной работе в Тбилиси. Со мной же тогда и физики возились, и медики. Мы занимались по спецпрограмме с грифом «Совершенно секретно»... » О работах с таким грифом люди обязаны молчать долгое время. Сколько лет или десятилетий — зависит от задач, решаемых в ходе экспериментов и о степени посвященности в суть проблемы. И необязательно Джуна недоговаривает, она могла и не знать про конкретное назначение таких исследований. Ее могли использовать в качестве объекта для экспериментов.

Объектом, пусть своеобразным, служила она и в эксперименте, предложенном ей американскими учеными-биофизиками Расселом и Элизабет Тарг в октябре 1984 года.

Для начала американцы высказали следующую гипотезу: Джуна обладает уникальной способностью проводить бесконтактный массаж. Это значит, что она без помощи каких бы то ни было средств связи (по крайней мере, обычных) может принимать информацию на расстоянии.

Джуна подтвердила догадку американцев, она способна принимать сенсорные сигналы с различных планет.

Тут и было сделано предложение участвовать в эксперименте, где используются разнообразные способности (слово «парапсихология» не прозвучало, однако как бы подразумевалось, когда были упомянуты дальновидение, телепатия и предсказание будущего, соединенные в своеобразное целое условиями опыта).

По условиям Джуне следовало описать один из американских городов, куда шесть часов спустя после начала эксперимента должна попасть знакомая американских ученых Кейт Харари. Маршрут и его конечная точка заранее не назначались.

Эксперимент ставился в квартире Джуны, расположенной на Арбате, и, разумеется, в США. Приборов для такого рода опытов у американцев не было (существуют ли они вообще, неизвестно). Все происходящее в квартире

Джуны фиксировалось при помощи кинокамер, фотоаппаратов и видеокамер. Академия наук СССР о готовящемся эксперименте знала и не препятствовала ему.

Джуна поначалу отказывалась, но после недолгих, однако бурных уговоров американцев согласилась.

В Америке похожие эксперименты уже проводились. Более десяти лет до начала этого эксперимента там изучались возможности людей описать предметы, события или местности,

удаленные в пространстве. Но дистанционное видение — это одно, а сеанс, проведенный через океан, — совершенно иное. Нужно не просто увидеть, но и предугадать, предузнать.

Как вспоминает Джуна, покуда американцы суетились, настраивая аппаратуру и заканчивая последние приготовления, она глубоко погрузилась в себя и, в поддержку перед трудным заданием, вызвала образ покойного отца. Отец поддержал ее, улыбнулся и сказал слова ободрения.

Теперь Джуна отрешилась от всего окружающего. Она была предельно собрана и сосредоточена. Карандаш в руке, листы бумаги.

Молчание. Только монотонное жужжание кинокамер, словно в большую металлическую коробку собрали пойманных на летнем лугу бабочек, шмелей, стрекоз.

Ей ничего не мешало. Джуна вглядывалась в подсознание.

Затем она заговорила, одновременно рисуя на листах бумаги то, что видела таинственным внутренним взором.

Она говорила, что видит небольшую площадку, а в центре площадки находится что-то круглое.

Дорожки разбегаются от площадки в разные стороны.

Кинокамеры продолжали напряженно жужжать, словно, хотя за окнами квартиры стоял московский октябрь, здесь, в самой квартире, еще царствовало знойное, душное лето.

Джуна видела небольшие дома, увенчанные остроконечными крышами. На что это похоже? Она подбирала слова... Дома походили на исторический памятник или на дачное место.

И снова, будто подтверждая сравнение, жужжали кинокамеры. Стрекозы, шмели, жуки просились на волю, им мешала железная оболочка. Впрочем, сами они были только механикой, не более того.

Джуна описывала соединенные между собой очень схожие здания.

Потом она увидела зеленый круг и рядом с ним светящийся щит.

И наконец, мелкие детали увиденного внутренним взором.

Профиль животного, глаз и острые уши.

И какие-то белые кушетка с диваном.

Все. Джуна замолчала. Замолчали кинокамеры и фотоаппараты. За окном был московский октябрь. Желтые листья облетали и шуршали на тротуарах.

Но эксперимент, длившийся много часов, пока не закончился. Хотя ужин с американцами удался, чувствовалось общее напряжение, ведь эксперимент ничего не стоит, когда не проверены его результаты. А проверка еще впереди.

У американцев были приготовлены шесть пронумерованных и запечатанных конвертов с вложенными в них открытками видов Сан- Франциско. А другая участница эксперимента, Кейт Харари, еще спала в своем американском далеке. И ее пробуждения дожидались шесть совершенно таких же конвертов.

Утром она проснулась. За ее действиями наблюдали специальные свидетели. Используя «генератор случайных чисел» (такие используются в лотерее), Кейт выбрала конверт с номером 4. Вскрыла его и взглянула на открытку. Вот сюда-то ей и придется отправиться сейчас.

Когда она вернулась, ей уже звонили из Москвы. Американские ученые торопились узнать, куда выпало отправиться Кейт. Ах, «генератор случайных чисел» подсказал ей взять конверт с номером 4!

Конверт с таким номером тут же был вскрыт в Москве... Цветная открытка, а на ней — детская карусель. Разрозненные кусочки мозаики тут же сложились в единую картинку. Все объяснилось. Ну разумеется! Площадка с круглым в центре. Глаз деревянного коня. Его острые уши. А на заднем плане остроконечные крыши старых зданий. Застройка такая плотная, что кажется, здания соединены между собой.

Заключая рассказ об эксперименте, предоставим слово Джуне, ибо у меня особое мнение на сей счет. «Эксперимент этот проводили не шарлатаны, — говорит она, — а серьезные физики-теоретики, пытающиеся объяснить поразительные явления человеческой психики. Арбитром же эксперимента выступала директор программ парапсихологии университета Джона Ф. Кеннеди Мэри Кей Райт-Малер. Она и выставляла потом мне оценки по восьмибалльной системе. 0 — низшая оценка, выставлялась, когда не было никаких совпадений видения с реальностью. 8 — когда было «хорошее совпадение, с правильной аналитической информацией о характеристиках, названием или описанием функций». Восьмерки я удостоилась 18 раз из 33, то есть много больше половины. Столь же успешно прошел и второй эксперимент».

Джуну веселит, что кроме опубликованного в журнале научного отчета об эксперименте американцы выпустили и видеофильм. На продаже кассет американцы хорошо заработали. Джуне даже видеокассета не досталась, пришлось потом откуда-то переписывать. Зато ей прислали ксерокопию журнальной статьи.

Вероятно, такая скаредность смешна. Я о другом.

Вот и мелькнуло слово «парапсихология» применительно к этому эксперименту. И, учитывая год, когда он проводился, и

некоторые условия его, думаю, подоплека его не так проста. Я далек от мысли, что американские ученые обязательно были агентами ЦРУ и выполняли особое засекреченное спецзадание. Такого рода представление об американцах мало чем отличается от представления о сумасшедшем ученом в окружении колб с кипящим радием — это тоже образ из комикса.

Эксперимент мог иметь иную цель: по ходу научных опытов исследовать действительные способности человека и состояние парапсихологии в СССР, в частности, возможности Джуны, о которых множились слухи. Иным способом изучить ее возможности не могли: ведь за границу Джуну тогда не выпускали.

На особые размышления наводит описание открытки, выбранной для опознания. Какая-то карусель. Деревянная лошадка. Старые дома невдалеке. Дело не в трудности опознания подобных объектов, а как раз в их особой неосознанной узнаваемости, так сказать, «культурной архетипичности».

Деревянная лошадь и каменные стены. Это ли не Троянский конь и гомеровская история? Может быть, кое-что зная о Джуне, а заодно исследуя ее психику, американцы хотели обратиться именно к архаическим пластам ее сознания? Своеобразную шутку предположить трудно: американцы, даже самые образованные, знают классику в адаптациях и пересказах. Они не владеют материалом настолько, чтобы над ним шутить.

Ладно, пусть вопрос останется вопросом. Пусть и в маленькой деревянной лошадке с детской карусели скрывается некая тайна.

Я, Царица Евгения Джуна

Лес, где солнце не видно сквозь ветви

Как предугадывают поэты чужую судьбу! Пишут о себе, а получается, что в стихах зашифрована не только их собственная судьба, но и судьбы других людей. Или у поэтов есть что-то общее с прорицателями и ясновидцами? Есть, несомненно есть.

Поэты и прорицатели — два разделившихся рукава одной реки. И те и другие говорят обиняками, намеками, сравнениями. И те и другие равно свободно заглядывают и в прошлое, и в будущее, используя в качестве магического зеркала свою душу и свое подсознание.

Они бы не разделились, так и продолжали бы прорицатели облекать увиденное в поэтическую форму, так бы и пророчили поэты, складывая строки, подыскивая звучные рифмы. Они разделились по единственной причине, хотя очень важной.

Причина эта таится не в прошлом и не в будущем. Причина эта — отношение к настоящему. Для кого-то необходимость быть услышанным, немедленно понятым пересиливает прочие необходимости. Для других важнее иное.

Если попытаться объяснить, чем различаются пророки и поэты в нескольких словах, следует сказать так: для поэта главное — высказаться, для пророка — сказать. И потому их пути разошлись. Поэты рвутся в политику. Они хотят повелевать, отдавать приказы, которым тут же будут подчиняться. Пророки политики сторонятся. Предсказание — не приказ, желающий прислушаться прислушается, а противящийся... Его поджидает судьба, которую он мог бы попробовать изменить и которую не изменил, ибо не прислушался к высказанному пророком.

И все же поэту легко простить его жажду сиюминутного успеха, странную для человека, переполненного великими силами, суетность, простить за его стихи, где сказано о тебе самом. Особенно это потрясает, когда стихи написаны много веков назад, а звучат будто вылились на бумагу вчера:

Земную жизнь пройдя до половины...

У Джуны было все именно так, как рассказывал Данте. Не зря она, часто вспоминая 1985 год, называет его переломным. Ей тридцать пять лет — этот возраст, утверждают исследователи, и называет великий итальянец серединой жизни. Ее обступил лес грехов и заблуждений, обступил и разрастается, переплетаясь ветвями, затмевая чистое небо. Однако Джуна не в силах вырваться из колючих объятий окружившего ее леса.

Еще наступит время, она поднимется на холм добродетели, еще воссияет благословенное солнце с чистого небосвода. Но

когда? Когда? Сколько дней или сколько лет до момента ее торжества, ее освобождения? И в чем-то правы поэты, говоря, помимо отвлеченных истин, и о насущном, современном. Сколь прав был Данте, поместивший своих реальных политических противников в одном из кругов своего Ада.

А противники и недоброжелатели Джуны напрямую были связаны с политикой, пусть она сама от политики была очень далека. Пророки, маги не существуют сиюминутным. Тем не менее они живут во времени. Маг волен защищаться, взмыть в небеса, нырнуть в глубину вод, эмигрировать в прошлое или укрыться в будущем. Сам он спасется и при том потеряет важную родовую черту — маг обязан творить чудеса, обязан пророчить, помогать людям. Кем он будет в прошлом? Жалким беглецом. Кем он станет в будущем? Шпионом, соглядатаем, выведывающим, вызнающим. И для чего нужны его знания о будущем, если он не может вернуться в настоящее, чтобы принести людям добытые сведения?

Маг — не поэт, а связан с современностью столь же крепко. Между тем Джуну будто вычеркнули из существования, ее словно не было.

С пророком, несущим людям слово, боролись при помощи наиболее действенного оружия — молчания.

О ней писали журналисты, обсуждали ее необыкновенные способности, старались подобрать исчерпывающее объяснение, которое не противоречило (или не слишком противоречило бы) узаконенному в качестве единственно возможного толкования мира материализму. И вдруг ни строки...

Стали появляться статьи, где рассказывалось о каких-то неназванных, едва ли не безымянных экстрасенсах, этаких шарлатанах, обманывающих доверчивый люд. Труженикам пера приходилось проявлять недюжинные старание и фантазию, чтобы выдумать невесть что, бросить тень, опорочить. Сметывали «на живую нитку», торопились. На их беду, они не имели доступа к старым книгам, а то не нужно было бы ничего изобретать, хватило бы готовых цитат: «Фокусники и мнимые лекари. Это те, которые для того, чтобы излечить все болезни и язвы человеческие и животные, также используют определенные заклинания либо бумажки с надписями, которые они называют «амулетами» или «заклинаниями», подвешивая их вокруг шеи или какой-либо другой части тела». Чем плоха цитата? Да заодно указать — умные люди предупреждали об опасности еще в 1591 году!

Впрочем, и здесь таился некий подвох. Стоит признать, что экстрасенсы и врачеватели существуют сотни лет, не отобьешься

от вопросов. А почему обманщики и ловкачи преодолели время?

Почему продолжают свою неправедную деятельность? Верно, что-то в них есть!

«Это все обман! — вещали встревоженные журналисты. — И Бермудский треугольник, заглатывающий корабли и самолеты, и филиппинские хилеры, делающие операции без инструментов, голыми руками, и лох-несское чудище, которое и в озере-то Лох-Несс не сможет уместиться».

Обман, шарлатанство, россказни.

Когда журналистам все же приходилось называть фамилии (кривословить следует так, чтобы не вызвать у читателей полного неприятия), говорили о Джуне, зато как говорили! Теперь и представить странно, что ее способности причисляли к неким «аномальным явлениям», к которым относился и знаменитый Бермудский треугольник.

Джуна держалась. Замалчивание — пусть. Клевета — и ее можно пережить, выступить с опровержением все равно не позволят. Лишь бы оставалась возможность работать. Остальное в руках судьбы.

И возможность работы отняли. Институты и клиники, в которых Джуна проводила эксперименты, наглядно доказывая действенность своего метода лечения, отказали ей в сотрудничестве. Отказ, как правило, не мотивировали, отмалчивались, отделывались короткими дежурными фразами.

Оставался институт, где работала Джуна. Оставались задуманные и ждущие воплощения опыты. И, словно понимая (или чувствуя, или как там назвать это необычайную связь), в наиболее трудные минуты рядом с Джуной оказывался отец. Она ощущала его незримое присутствие, иногда видела его руки.

В один из важнейших для нее моментов — важнейших, ибо ей тогда надо было продемонстрировать свои способности и убедить наблюдателей, что ее метод лечения не шарлатанство, а перспективный путь, по которому пойдет медицина будущего, — он помог ей, показал необходимые движения рук.

Стол, на нем препарированная крыса, сердце не бьется. А возле стола Джуна, чуть подальше наблюдатели, ждущие... Чего? Кто ведает, что больше бы устроило присутствующих — полная неудача, блестящая победа над смертью? Или они ждали фокусов, пассов иллюзиониста, изящно обставленного обмана — кто, даже на дух не переносящий цирк, не любит двух главных цирковых фигур — клоуна и фокусника? А когда искусство иллюзиониста и клоунада соединяются в одном лице, тем более любопытно.

Они стояли и ждали, ученые, исповедующие методы точных наук, физики, математики. Вряд ли они испытывали неприязнь к

странной врачевательнице, затеявшей странный эксперимент. Просто перед ними была чужачка. Этакая фантазерка, вторгающаяся без инструментов и приборов в святая святых. В совершенное создание природы? В нерушимую череду жизни и смерти? Нет, подобное бы простили, посчитали необдуманной авантюрой. Она вторгалась в храм науки, где постигают природу с помощью техники, основываясь на ее же, природы, вечных законах — физике, химии, физиологии.

А Джуна не имела времени рассуждать и бояться. Любое промедление будет расценено как провал. Руки ее раскрылись над мертвым телом, куда следует вернуть жизнь. И вдруг рядом она увидела другие руки, столь похожие на ее собственные, знакомые ей, как свои. Руки отца.

Пассы. Еще пассы. Джуна повторяла движения, которые, кроме нее, не видел никто из присутствующих. Отец показывал, что следует делать. Их руки трудились вместе.

Мертвое сердце вздрогнуло. Раз, другой. Стало биться. Смерть отступила.

Это была победа. Молчаливые и, кажется, безразличные дотоле наблюдатели радовались, обнимали, хвалили. Джуна выиграла двойной поединок — со смертью и с людьми. Но ведь она была не одна. Ее поддержал отец. Джуна не слышала, что ей говорят, она мысленно благодарила отца.

Испытание выдержано. Она теперь своя в научно-исследовательском институте, в экспериментальной лаборатории. Здесь ее постоянное рабочее место, здесь она по праву носит звание старшего научного сотрудника.

Работа, товарищи, знакомые, сослуживцы. Широкий круг общения. Дом всегда открыт для гостей. Зарплата ученого, научного сотрудника, даже и «старшего», мала, но она любит приветить, напоить чаем, накормить проголодавшегося.

Кажется, размеренная, наполненная работой жизнь может продолжаться долго. И неожиданно все рушится. «Аномальное явление», — заклеймили ее. И не в частном разговоре. Таково мнение уважаемой, популярной у читателей «Литературной газеты».

Снова молчание. На сей раз — молчание родного института, товарищей, сослуживцев. Некоторое время ей еще разрешали работать (о том, чтобы встать на защиту, выступить публично с опровержениями, и речи быть не могло). И внезапный приказ об увольнении. На дворе 29 марта 1985 года. Вечных защитников и ходатаев Н. К. Байбакова и Г. И. Марчука нет в Москве.

Сначала ей предлагали уйти по собственному желанию, намекали — так лучше всем. Заявление Джуны начиналось со

слов: «Прошу уволить по Вашему желанию... »

И словно опустились на окнах тяжелые пыльные шторы, отгородившие от мира. Непроглядная темнота. Вязкая тишина. Ни возможностей для работы, ни перспектив куда-либо устроиться. Без денег. С маленьким сыном.

Отвлечемся, взглянем на ситуацию со стороны. Неужто приказ об увольнении, сочиненный сотрудником отдела кадров по звонку некоего безвестного чиновника, ставил такие уж непреодолимые преграды? В конце концов, предлагали нейтральную, благообразную формулировку — собственное желание работника, статья КЗоТа такая-то. Разумеется, канцелярские дебри, стискивающие пространство, подобно заколдованному лесу, протягивающие к человеку страшные искореженные ветки, — опасность почти непреодолимая.

Какая бы запись ни украсила трудовую книжку, при поступлении человека на новую работу очередной кадровик обязательно звонил туда, где человек работал прежде, узнавал подоплеку ухода. И разные служебные характеристики оставались простыми бумажками. Характеристики характеристиками, да дело не в них. Но это касается обычного среднего человека. Джуна — особый случай. У нее были высокие покровители и защитники, а если они отсутствовали в данный момент, то спустя неделю, большее — месяц они опять сядут за стол в служебном кабинете и перед ними окажется телефон. Только сними трубку с рычага и набери нужный номер.

И все-таки Джуна понимала, что почти обречена, и выразила свое понимание во фразе официального заявления: «По Вашему желанию». Слишком большие силы боролись против нее. В первую очередь против выступало время, исторические обстоятельства. За увольнением Джуны и вылившейся на нее с газетных страниц клеветой стояла большая политика, государственный расчет, международные отношения.

Стоит вспомнить позабытый за давностью лет эпизод из внешней политики. В 1975 году СССР выступал за прекращение исследований в области новых видов вооружений. Эксперты считают, что в первую очередь подразумевалось парапсихологическое оружие. Конечно, слова остаются словами, строжайше засекреченные разработки в этой области продолжают вести и СССР, и США. И приглашение посетить институт имени Сербского, вероятнее всего, связано с этими разработками, знала о том Джуна или нет.

Она хотела врачевать, а не участвовать в убийстве. Что же, ее дело, решили те безвестные и безликие люди, которые по долгу службы интересовались совершенно противоположным. После

отказа от сотрудничества (а иначе ее поведение в институте имени Сербского не истолкуешь) они опять решили — право выбора, как себя вести, остается за ней. Однако никто, в том числе она сама, не способен помешать им оставить за собой последнее слово. Не хочет быть участником исследования, будет его объектом. Пусть экспериментирует, пусть врачует, оживляет крыс и лечит людей, за ней станут наблюдать. Джуна будет изучать себя, они будут изучать ее. Чем больше экспериментов, чем опыты разнообразнее, тем лучше.

Лечит Л. И. Брежнева и прочих высокопоставленных чиновников — ее личное дело. А вот являться объектом секретного, замаскированного исследования — дело государственное.

Несомненно, ее соглядатаи и исследователи были умными людьми. Они извлекли урок из долгого опыта замысловатой русской истории. В этом смысле и Малюта Скуратов, и Иван Грозный (прозванный Васильевичем за свою жестокость, как серьезно утверждала одна западная энциклопедия), и Петр I были для них тоже объектами исследования, но с другой целью.

Выяснилось: подноготная правда, вырванная из человека пытками, сродни оговору. Слаб человек. Слаб духовно — солжет, лишь бы прожить лишнюю минуту. Слаб физически — умрет, лишь бы прекратить собственные страдания.

Человеку надобно дать свободу, если не свободу передвижения и волеизъявления, то свободу для самореализации. Сталинские научные и производственные «шарашки» — закономерный этап в процессе этого познания человеческой сути. Работающий человек почти свободен, точнее, свободу ему заменяет работа. Простоял целый день у чертежной доски и еще недоволен, что пора спать. А ведь зона кругом, вертухаи, собаки, прожектора. И кстати, а сильно бы отличалась его жизнь на воле? Чертежная доска с утра и до глубокой ночи — это, простите, свобода?

То же и Джуна. Насильно заставить ее участвовать в экспериментах нельзя. Ничего, главное — держать ее поблизости и внимательно смотреть за каждым движением. Не следить за ней, учиться у нее. Так, вероятно, они считали.

Но умер А. И. Брежнев, наступил период, именуемый привычно «междуцарствием». Приход нового начальника открывает период перестановок. А начальники менялись быстро. Интерес к врачевательнице, одаренной даром предвидения, явно ослабел.

Напомню, приказ об увольнении Джуны из института датирован 29 марта 1985 года. Совсем недавно, 10 марта 1985

года, умер долго перед тем болевший К. У. Черненко. 11 марта Генеральным секретарем ЦК КПСС становится

М. С. Горбачев. Куда повернет страна, никто не ведал. И напоследок еще одна дата, значение которой станет ясно чуть позже. 14 октября уволен с должности защитник и покровитель Джуны председатель Госплана Н. К. Байбаков.

Компетентным ведомствам стало не до проблем ясновидения, разобраться бы с тем, что происходит сейчас. Но и предоставлять Джуне полную свободу, по мнению тех же заинтересованных таинственных наблюдателей, было нельзя. Во-первых, как еще повернутся дела, а во- вторых, внутренние проблемы и чересполосица, вполне возможно, привлекут к ней внимание другой любопытствующей стороны — в США вопросы парапсихологии продолжали напряженно изучать.

То, что Джуна представляет интерес для иностранцев, было видно невооруженным глазом. Сначала скромный эксперимент, поставленный во время тбилисского конгресса по бессознательному в 1979 году. Затем более сложный и чрезвычайно продуктивный по собранным материалам эксперимент 1984 года.

Разрешение на такой эксперимент, данное Академией наук, могло означать самые разные вещи. Собирались ли проверить американцев: продолжают они разрабатывать вопросы парапсихологии и в каком аспекте? Или проверяли Джуну — пойдет она на контакт с иностранцами, как станет с ними сотрудничать? Да и задаром доставшаяся информация вещь отнюдь не лишняя.

На каждый вопрос получен полновесный ответ. Американцы изучают проблемы ясновидения и дальновидения. Джуна ради *науки* согласна сотрудничать и с иностранцами. Требовались оргвыводы.

Заниматься с ней персонально в тогдашних смутных условиях было некогда. Не заниматься — нельзя. Поступили опять-таки умно и профессионально. Джуна, уволенная из института и не нашедшая другой работы (а в том, чтобы поиски ее оказались напрасными, ей поспособствуют), становится частным лицом. А научных интересов — и это как бы подразумевается — у частного лица, если оно не занимается теоретическими проблемами, быть не может.

Эксперименты, проводимые с иностранцами на дому, легко пресечь, подобрав или благовидный предлог, или соответствующую статью законодательства. Общественного статуса у Джуны в то время не было никакого, вступиться за нее некому. Да и кто вступится за человека, способности которого

причислены к «аномальным явлениям» и не доказаны научными методами?

Рассчитано превосходно.

Разгадка детской головоломки о том, кто остался на трубе

О царившей неразберихе в разных ведомствах, отразившейся, в свою очередь, и на поступках, и на системе мышления компетентных органов, говорит и такой факт. На то, чтобы упомянуть человека в негативном контексте в газете, являющейся одним из основных печатных изданий страны, нужны особые санкции и распоряжения. Главный редактор тогдашней «Литературной газеты» А. Б. Чаковский был человеком чрезвычайно осмотрительным, инициативы не проявлял, потому и управлял газетой долго и по-своему успешно.

Но хотя особое распоряжение существовало, одновременно в «Литературной России», постоянном спутнике и «подчиненном» «Литературной газеты», готовилась подборка стихотворений Джуны.

Во врезке, предваряющей публикацию, значилось, что Джуна работает старшим научным сотрудником Института радиотехники и электроники Академии наук СССР. Подборка благополучно вышла 9 марта 1985 года, а ровно через 20 дней, 29 марта, Джуну уволили из института.

Почему Джуна, прежде писавшая стихи только в детстве, как пишут в детстве почти все, слагая неумелые слова и столь же неумелые строки и восхищаясь особым созвучием и ладом своих творений, вдруг снова почувствовала желание сочинять стихи, понять нетрудно.

Уже говорилось, что поэты и пророки имеют общее происхождение, различаются они общественным поведением. Но грань, разделяющая их, тонка. Случаются моменты (особенно когда тому способствуют жизненные обстоятельства), чувства накалены, и пророк изменяет своей привычке. Потрясенный, возмущенный или взволнованный, он хочет уже не сказать, а высказаться (то бишь высказать себя). Из-под его пера выходят не рифмованные пророчества, как у Нострадамуса, а лирические стихи, пронизанные страстью и болью. Медитация (размышление) уступает место суггестии (внушению).

Здесь, кстати, объяснение обычно не замечаемого парадокса пушкинского «Пророка». Герой стихотворения пережил страшную боль, получив взамен великий дар всеведения.

...Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул...

Все точно в этом описании, все, кроме одного — концовки. Жечь глаголом сердца людей — дело не для пророка; по крайней мере, не для пророка современного. Впрочем, кто знает биографии того же Нострадамуса, Эдгара Кейси или Вольфа Мессинга, согласится, что концовка пушкинского стихотворения для описания их деяний не подходит. Пророк вещает, убеждать — занятие оратора или поэта.

Сказанное справедливо и для стихов *Джуны.* Глубокое личное переживание несправедливости заставило ее снова слагать стихи. Сами же стихи ее (да и проза) аллегоричны, притчеобразны. В них надо вчитываться, их следует расшифровывать. В ее стихах на языке образов изложены догадки и прозрения, и потому они заведомо не должны баловать читателя сладким созвучием рифм, укачивать плавным размером. Стихи Джуны интеллектуальны.

Тогда же она в стихах искала выхода переполнявшим чувствам, искала спасения из безвыходности бытия.

А были и безвыходность, и безвыездность. Как и следовало предположить, за границу ее не выпускали. Иностранцы приглашали выступить с лекциями, рассказать подробно о методе лечения, который она разработала. Она радовалась любому предложению, собирала необходимые документы, но повторялось одно и то же. Собраны характеристики, справки, все мелкие и мельчайшие бумажки, необходимые для выезда за границу. На самом последнем этапе Джуне не давали никакого ответа. Ни да ни нет. И это при том, что многие обещали содействие и помощь.

Не говорили, что является причиной регулярных отказов. Лишь многозначительно намекали на какие-то высокие

инстанции. Какие? Опять молчание.

Казалось, при ее связях, при том, что она лечила многих партийных деятелей высокого ранга, она могла бы добиться если не разрешения на поездку, то внятного ответа. Ответили лишь однажды, причем этот ответ выглядел как утонченное издевательство или шутка.

«Джуна — национальное достояние, — сказал ей знакомый чиновник, регулярно приезжавший на оздоровительные сеансы. — Нельзя рисковать. А если что случится?»

Признание его легко воспринять и как подтверждение гипотезы, высказанной в предыдущей главе. Впрочем, в России всегда не ведали, что делать с национальным достоянием.

Что касается Джуны, кто взял бы на себя смелость разрешить ей отъезд? Она представляла и стратегическую ценность. Вдруг останется там? Вдруг ее похитят? Устранят?

Оставаться за границей она и в помыслах не имела. Хотела выступать с лекциями, работать. Но выгодней оказывалось держать ее здесь. Всегда под рукой. Лечит, омолаживает.

Иногда пытались ее учить уму-разуму. Звучала пустопорожняя риторика, тоже похожая на издевательство. «Зачем тебе издавать книгу в ФРГ, — спрашивал высокий знакомый, — не патриотично». Но книга в ФРГ все-таки вышла.

Так с чем безуспешно боролась Джуна в тот тяжкий для нее период? и почему ее борьба оказывалась безрезультатной? Она боролась с советским бюрократизмом? Да, с бюрократизмом. С тайными силами, оказавшимися сильней, чем самые высокопоставленные ее покровители, ибо они сильны и безличны, а потому неуязвимы? Да, и с тайными силами тоже.

Однако Джуна проигрывала поединок с многочисленными противниками по другой причине.

Против нее была мифология. Определенный мифологический канон, данницей которого она являлась. Не будь этого канона, Джуна не была тем, кем она является — магом. А если представить невозможное (только представить, чисто умозрительно), что она этот канон разрушила, это означало бы саморазрушение, она утратила бы свои магические свойства.

Вспомним, среди десяти компонентов мифа о маге есть и такой: «Суд или преследование». Вот как трактует его Е. М. Батлер: «Этот элемент мифа может вытекать из магического соперничества и изменять расстановку сил. Герой побеждает в борьбе с магом-соперником, но в большинстве случаев подвергается суду, который определяет его судьбу». О магическом соперничестве рассказано в главе «Не дай мне бог сойти с ума». В институте имени Сербского, отказавшись от сотрудничества,

несущего людям зло, Джуна победила. Последствиями ее победы стало преследование ее и в конечном счете отстранение от работы (осуждение).

Джуна могла бороться с конкретными людьми, с противодействием бюрократического и государственного аппарата. И обязательно проигрывала. Победа ее парадоксально обернулась ее поражением. Миф не перебороть. Маг не в силах отказаться от своего призвания, не разрушая себя самого.

Джуна не отказалась. Она продолжала исцелять людей и предсказывать будущее. Вот всего два примера. Два, но каких выразительных!

Месяц понадобился Джуне, чтобы вылечить ребенка, девятилетнего сына журналиста и писателя Георгия Маларчука. Когда они вошли к ней в квартиру, вернее, отец с трудом ввел ребенка, казалось, дело безнадежно. Волочится нога, поражена и почти не двигается левая рука, едва поворачивается шея, координация движений серьезно нарушена.

Мальчику был поставлен диагноз — опухоль мозжечка, электронное исследование подтвердило правильность врачебного вывода. Что делать? У отца единственная надежда — помощь Джуны.

Внимательно исследовав мальчика, стараясь ни в коем случае не выдавать одолевавшее волнение, Джуна сказала отцу ребенка, что опухоли нет. Поврежден позвоночник, и еще у ребенка начальная стадия рассеянного склероза. Отец, скорее всего, не знал, как страшна именно эта, практически не поддающаяся лечению болезнь.

И вот началась борьба за жизнь ребенка. Лечебные сеансы. Пассы руками. И приказ: «А ну-ка подними обе руки!» И руки поднимаются. Победа. Ребенок спасен. А через месяц звонок отца. Счастливый голос в телефонной трубке, радости нет предела. Мальчик играет в футбол.

Так Джуна боролась. Боролась с противостоящими ей обстоятельствами. Боролась с болезнями людей. Она продолжала свое дело, пусть и неофициально. И при том понимала: обстоятельства ополчились против нее. Ее детище — медицинский метод бесконтактного лечения — не признан. О причинах непризнания Джуна догадывалась давно, со времени приезда в Москву.

Ни одна официальная наука не считала ее своей. И для физиков, и для медиков она была посторонней, если не шарлатанкой, то личностью в высшей степени сомнительной. Физикам заниматься с ней, изучать параметры, присущие ее необыкновенному дару, было неинтересно, ибо такого рода

работа казалась им бесперспективной. Они не видели конечной цели исследования, не видели потенциального применения полученных результатов. Для физики? Физика занимается совершенно иными вещами. Для медицины? Но медики подобных исследований не заказывали.

Более того, официальная медицина не верила в метод Джуны. Говорят, практические результаты проведенных ею лечебных сеансов превосходят все ожидания. Так ведь именно теоретически эта практика не обоснована, не объяснена, не исследована представителями точных наук. Круг накрепко замкнулся.

Даже человеку, наделенному недюжинным воображением, трудно представить состояние, в котором пребывала тогда Джуна, пережить чувства, ею испытываемые. Обида? Отчаяние? Не похоже на Джуну. Тревога? Скорее последнее. Она находилась не у дел, многочисленные посетители, которые называли себя товарищами и друзьями Джуны и просиживали часами в ее уютной квартире, разом исчезли, словно их никогда не было. В правительственных верхах — перестановки.

Чувство безысходности и тревоги обострили ее необъяснимые способности к предвидению. Тайные механизмы подсознания заработали. С

16 на 17 октября ее посетило странное видение. Началось все в 23 часа и закончилось в 1 час

17 минут. Время и обстоятельства, при которых возникло видение, так хорошо запомнились не только из-за того, что Джуна увидела страшные, чудовищные вещи и картины, которые впоследствии подтвердились жизнью. Рядом находились ее друзья Виктор Легентов, Александр Шереметьев, Алексей Самойлов и Владимир Чаракчан. Все происходило на их глазах.

Тревога, тяжкая, невыносимая, безысходная. Попавшийся под руку блокнот стал заполняться линиями, постепенно соединяющимися в единое целое. Прочерк, новый прочерк, ломаные линии, образующие какой-то странный пучок. Шариковая авторучка двигалась по белому листу, и постепенно возникала фигура, охваченная пламенем, «не то женщины, не то богини», по определению самой Джуны. «Если богиня, — тревожная мысль пыталась найти зацепку для успокоения, — тогда не охвачена пламенем, а исторгает его?» Огромная тревога не покидала.

И как свидетельство о том, что рисунок не прихоть художника, не разминка для его мастеровитой руки, а свидетельство о важном, пока непрочитываемом, возникали стихи. Пророчество облекалось и в наглядные, и в словесные образы, оставаясь пророчеством, значит, зашифрованным

посланием, которое следует прочитать, истолковать, ужаснуться.

Как быстро машина мчалась, Как лес был приветлив, ласков, Кто знал, что дорога эта —

Не в сказку, а прочь из сказки. Что ожидания холод

Подрежет надежде крылья,

Кто ведал, что сказка может Вдруг стать черно-белой былью.

Слова «лес», «машина», «сказка» не давали возможности отнести эти стихотворные строки в область лирической поэзии. «Крылья», «надежда»... Нет, это не лирика. Жесткое сочетание «черно-белая» относится не к цветовой гамме, оно из разряда смысловых, символических. Черное и белое — это свет и мрак, вспышка и темнота. Определение «черно-белое» можно отнести к фотографии или к кино (а ведь кино сродни вызыванию призраков). Сотворение призраков походит на кино или фотографию — при взрыве атомной бомбы в Хиросиме от людей остались только белые тени, отпечатывавшиеся на камнях, словно негативы фотографий.

Вслед за рисунком на белом блокнотном листе стали одна за другой возникать формулы, значения которых были неведомо Джуне. Наиболее частые сочетания АС, АС-4, RAD. Что это в сочетании с нарисованной рядом «розой ветров»? Чудовищная роза-мутант. Что воздействовало на нее, если она неравномерно вспухла на северо-западе и юго-востоке? Крыло какой беды ее коснулось? Пока неведомо.

Джуна погружалась все глубже в себя, но казалось, что она погружается в странные граненые шахты, напоминающие граненые стаканы. Шахт было четыре, и сигналы самой большой опасности исходили со стороны четвертой шахты. Сетка, огненные шары. Женщины, чьи рты были разорваны криком, а лица искажены болью и страданием. Бегущие солдаты.

Новая война? Джуну часто спрашивали и сейчас спрашивают, будет ли война? Она не берет на себя смелости делать предсказания в этой области, но обязательно пытается успокоить задавшего страшный вопрос: «Войны не будет». Джуна отступает от роли прорицателя. Но понимает: в причудливой череде причин и следствий и случайный сдвиг может отразиться в будущем. Испуг человека, страх спроецируются на его поступки, поступки повлияют на действия других. Потому, если нет четкого знания или это знание ничего уже не изменит, лучше сказать человеку хорошее, обнадежить его, чем пугать или оставлять в неведении, которое пугает иногда сильнее реальной угрозы.

Итак, представшее Джуне на новую войну не походило. Загадочные, нетолкуемые детали: кресло, белое покрывало, человеческая голова, лишенная волос, гладкая словно шар.

Потом она увидела саблю с черной рукоятью, лежащую на постели. Этот образ прочитать несложно. В сказках и легендах часто встречается сцена: влюбленные друг в друга юноша и девушка или подчиненные жестким обстоятельствам муж и жена, ложась в постель, кладут между собой саблю, чтобы остаться чистыми, оградить себя от плотской любви. Сейчас символ означал разрушение привычных домашних связей, разрыв супружеских уз. Сабля перегораживала любовное ложе, сама любовь по неизвестным причинам оказывалась под запретом, ей что-то мешало.

А вот женщина, которую окружила толпа людей с обожженными лицами. На женщине огромные очки, за ними серые глаза.

В формулах, заполнивших блокнотный лист, преобладает сочетание АС. Что оно значит, также неизвестно. Но беда грядет, страшная, неизбывная беда. «Из-под земли извергнется какая-то масса», — сказала Джуна присутствующим при внезапном сеансе предсказания друзьям.

Нет, ни на следующее утро, ни через день, ни даже через месяц ничего похожего не случилось. А 26 апреля следующего, 1986 года произошел взрыв на Чернобыльской атомной электростанции. Официально о нем объявили лишь 28 апреля. Власти скрывали не только размеры самой трагедии (которые в полном объеме были попросту неизвестны), скрывали сам факт взрыва.

Джуна почувствовала грядущую беду еще до страшных событий. Но и она не в силах была прочитать явившиеся ей образы и картины, интерпретировать их. Лишь после взрыва она поняла: механизм предвидения диктовал ей не «АС», он диктовал «АЭС». Следовало буквенные обозначения перевести в звуки. Разгадывать предсказания — наука не менее сложная, чем сложное искусство предсказывать. Это походит на разгадывание детской головоломки, которая очень подходит к данному случаю.

А, И, Б Сидели на трубе. А — упало, Б — пропало, Кто остался на трубе?

Атомный реактор четвертого блока, из которого, словно из адской трубы, извергались клубы страшного пламени и радиоактивная гарь. Все порушилось, все пропали. Кто же остался, в конце концов? Последствия аварии сказываются до сих пор. Будут они сказываться еще десятилетия. Страшные цветы-мутанты уже растут на этой бедной земле, многоголовые и многоногие животные бродят там.

Предсказание не было прочитано. Да и кто бы поверил Джуне, догадайся она о смысле увиденного внутренним взором?

Пророкам и провидцам не верят. И низвергаются государства, гибнут люди. Напрасно вещая Кассандра выкрикивала ужасное предсказание: «Вижу великую Трою поверженной в прах!» Ее слушали и не услышали. Троя смешалась с прахом земным. И если жители Трои не верили, что она когда-нибудь падет, люди будущего не верили, что Троя когда-то существовала.

Обретает в этом мире только тот, кто верит и умеет читать символы, в которых зашифровано знание. Генрих Шлиман поверил, прочитал древние сказания, как читают исторический документ, и обнаружил развалины великого некогда города.

«Друзей моих прекрасные черты»

Для названия главы, посвященной много - численным и верным друзьям Джуны, а также людям, с которыми она общалась и с которыми связана глубокой душевной приязнью, недаром взята строчка из стихотворения Беллы Ахмадулиной. Дружба ее с Джуной достойна отдельного рассказа, но именно Ахмадулиной принадлежат слова, которые лучше научных статей и монографий определяют сущность героини этой книги.

«Мне кажется, Джуна есть привет нам от чего-то, что не вполне можем понять, но тем не менее чему мы вполне можем довериться, — пишет поэтесса. — Ну а, собственно, почему мы, человеки, должны так не доверять собственным способностям? У нас есть много чудес, у нас есть Пушкин, у нас есть Цветаева; и Джуна — еще одно доказательство того, что сфера человеческого мозга, вообще человеческих дарований и всего нашего устройства, все-таки находится в области какой-то дымки и тайны. И, может быть, не нужно каким-либо грубым способом пробовать проникнуть в происхождение этого тумана. Просто будем радоваться тому, что ее талант есть, потому что всегда, пока, в крайнем случае, я живу на белом свете, я считаю лучшей своей удачей разглядеть в другом человеке дар. Это всегда — талант другого человека есть дар свыше этому человеку и через этого человека — нам. И вот мне кажется, что надо принять этот дар в доверчивые и признательные ладони и любить Джуну».

Можно с полной определенностью сказать, хотя судьба не слишком баловала Джуну, тем не менее она — счастливый человек. На ее жизненном пути встретилось много хороших, интересных людей. Некоторые появлялись ненадолго и уходили, оставив о себе неизгладимую память. Так было, например, с Владимиром Высоцким. Джуна вспоминает встречу с ним в июле 1980 года. Талантливый, яркий, обаятельный, душа сразу распахивалась навстречу ему. Тем горше было Джуне видеть, что он живет и работает, не щадя себя, сжигая остатки здоровья. Джуна уговаривала его ненадолго остановиться, чуть-чуть повременить, не пить хоть несколько дней. Он не внял искреннему совету, а иначе как советом ему Джуна помочь не могла.

Как не могла она помочь и кинорежиссеру Андрею Тарковскому, с которым познакомилась, а вскоре и подружилась после своего переезда в Москву. Говорить о высокоодаренных людях, что их духовная организация тоньше, а потому и уязвимей, чем у других, — банально. Но в случае с Тарковским

такое, пусть и банальное, утверждение более чем справедливо.

Человек, чья творческая судьба была осложнена историческими обстоятельствами, кому каждая картина давалась ценой собственной крови (он словно перекачивал жизненную энергию, дарованную ему природой, в свои фильмы, отчего кадры обретали почти реальную ощутимость, а режиссер таял, истончался, превращаясь в призрак, в тень). Он остро переживал любое затруднение на съемочной площадке, любую накладку, случившуюся во время съемок, любое резкое слово, произнесенное в свой адрес. Те, кто с ним работал, рассказывали: порой создавалось впечатление, будто он весь закручивается пружиной, которая звенит, готовая вот-вот лопнуть.

Страшная болезнь, поразившая его, — последствие этих нервных перегрузок. Джуна своими глазами провидицы и врачевательницы рано распознала болезнь и старалась сдерживать ее, устраивала длительные лечебные сеансы. Когда Тарковский уехал, она уже не могла ему помочь. Да и судьба эмигранта, жизнь вдали от родины сжигали остатки сил. Верно сказал старый поэт: «Горек чужой хлеб, и круты чужие лестницы». Тарковский, при всей его мировой славе, был лишь эмигрантом, невозвращенцем. Он хотел работать, работать активно, постоянно. Обстоятельства оказались сильнее.

Тарковский не умел выступать в роли просителя, он считал, что заслужил свободу работы, свободу выбора, но кинопроизводство связано с крупными денежными вложениями. Нет денег — нет кино. За границей он снял только два фильма, названия которых говорят сами за себя — «Жертвоприношение» и «Ностальгия». В «Жертвоприношении» Тарковский предлагал Джуне сыграть роль колдуньи Марии.

Последняя весточка от Тарковского — открытка, подписанная не полным именем, а инициалами. Там есть такие слова: «Твоя фотография всегда у меня в спальне. Когда ложусь спать, я молюсь, и мне кажется, что ты мне помогаешь». Осталась только память о друге и фильмы, в которых Джуна слышит отголоски их долгих и доверительных бесед, споров об искусстве, о тайнах Вселенной, об истории.

Джуна считает, что человек способен прожить несколько жизней. Но даже если так, страшно пережить своих друзей. А в случае Джуны страшно и то, что она способна читать чужие судьбы. Тяжело знать будущее и молчать о своем знании, чувствовать невозможность помочь, что-либо изменить. Не всех уводили болезни, кому-то просто пришел срок, записанный на небесах. Но уже и то хорошо, что с людьми и старше себя не разминулся, встретился на этой земле.

Очень теплые, дружественные отношения связывали Джуну и Аркадия Исааковича Райкина. На костылях, страдающий от вторичной подагры, с сердечными болями — таким предстал он перед Джуной. Уже после первого сеанса артист почувствовал облегчение, а когда лечебный курс закончился, он прекрасно себя чувствовал, боли в сердце исчезли. Порою он бывал у Джуны и перед важной премьерой, она вливала в артиста бодрость, укрепляла силы. Райкин испытывал искреннюю благодарность, человек воспитанный и тонкий, он не скрывал своего восхищения перед талантом Джуны.

Нет уже многих из тех, кто бывал у Джуны в гостях, весело смеялся, пил чай, вел интереснейшие беседы в ее радушном и уютном доме. Нет Андрея Тарковского, Аркадия Райкина, Сергея Бондарчука, Роберта Рождественского. Стоит их помянуть добрыми словами...

Крепкие дружеские отношения связывали ее с Игорем Тальковым. Джуна сочувствовала его непростой судьбе: «Я дружила с Игорем Тальковым, помогала ему, выручала, иногда давала деньги на жизнь, новую гитару купила перед самой гибелью, — вспоминает она. И признается: — После ухода Игоря я стала другой».

Но, к счастью, большинство из тех, кто собирался в этом замечательном доме, согретом присутствием хозяйки, живы и благополучно здравствуют. Маргарита Терехова, Эммануил Виторган, Олег Янковский, Наталья Андрейченко, Элем Климов, Зоя Богуславская и множество, множество других известных имен. Художники, музыканты, писатели и поэты, актеры. Они тянутся к Джуне, преклоняясь перед ее способностями, а главное, покоренные обаянием ее неповторимой личности. Недаром Станислав Садальский, отвечая на анкету журналистов, назвал ее самой привлекательной женщиной.

Беседуя с друзьями, Джуна не прекращает свою работу. Поднимает настроение, восстанавливает силы не только словами, шуткой, интересным рассказом. Она использует свою неповторимую силу целительницы, незаметно воздействует, врачует.

Иногда, перед ответственным выступлением, спектаклем, перед серьезным мероприятием, где требуется полная самоотдача, друзья просят Джуну помочь, «поколдовать» над ними. Именно во время одного такого сеанса врачевания Евгений Евтушенко посоветовал Джуне написать книгу о себе. Так появилась ее первая книга.

Попробовать себя в прозе уговорил ее другой человек, близкий друг Джуны драматург Виктор Легентов. Он с большим

интересом и участием отнесся к ее стихам, даже кое-что редактировал, а услышав легенды и притчи, которые с удовольствием рассказывала Джуна в дружеском кругу, надоумил их записать, поскольку на бумаге они приобретут новые свойства. Когда фантастических рассказов и притч накопилось достаточно, тот же Легентов подсказал, как лучше композиционно выстроить написанное. И проза Джуны получила свое признание.

Друзьям-музыкантам приглянулись ее стихи. Песни на слова Джуны писали Давид Тухманов, Игорь Матвиенко, Владимир Мигуля, Александр Рогачев, Михаил Муромов, Александр Нагаев.

Джуна щедро делится знаниями, силами, энергией с друзьями, и ей отвечают тем же. Когда она вдруг почувствовала тягу к живописи (видения, предзнаменования переполняют ее и требуют выхода и в прозе, и в стихотворениях, и в картинах), друзья, профессиональные художники, тут же предложили свою помощь.

Начинать пришлось с нуля. Но ученица оказалась, на удивление, способной и трудолюбивой, а учителя были терпеливы и высокопрофессиональны. Обращаться с красками, кистями, холстами и подрамниками Джуну учили Илья Клейнер, Андрей Кадочников, Игорь Дикалов, Виктор Грушеван, Наталия Галей и Штефан Унгуряну. Преподанные уроки пошли на пользу, хотя Джуна есть Джуна, она все делает на собственный лад. Впрочем, своеобразие и ценится по преимуществу в искусстве. Петр Шапиро показал Джуне приемы, как работают над скульптурой, но она отдает предпочтение живописи. Ее влекут острые столкновения красок, сложные композиционные построения. Она привыкла видеть мир в цвете, а не в объемах и формах.

Кстати, и в искусстве Джуна порой выступает в роли объекта изучения, на сей раз живописного. Два ее портрета исполнил Илья Глазунов. А с живописным портретом, над которым трудился Рафаэл Караев, связана забавная, отчасти поучительная история.

Художник продемонстрировал Джуне готовую картину. Живопись была профессиональна, иному зрителю портрет показался бы безупречным. Однако Джуна заметила мягко, хотя и решительно: «Руки не удались». Кому, как не ей, знать собственные руки, изученные, кажется, досконально.

Поначалу художник испытал смущение, затем стал задавать вопросы. Завязалось серьезное обсуждение. Джуна возражала, предлагала какие-то новые повороты темы. Кончилось тем, что руки они писали вместе, — по-видимому, уникальный случай в истории живописи, чтобы модель участвовала в создании

картины наравне с живописцем. И в завершение автор портрета настоял, чтобы на холсте значились сразу две подписи. Так и подписана картина, встречающая гостей в прихожей: «Рафаэл Караев» и «Джуна».

Обращение к живописи для Джуны вовсе не случайность. В живописи чрезвычайно силен мистический элемент. Сколько написано сочинений о том, как оживают картины, вспомним хотя бы уайльдовский роман «Портрет Дориана Грея» или «Портрет» Гоголя. И недаром самые разные религии — от примитивных до высокоразвитых — запрещают рисовать портреты людей.

Живопись в этом смысле сродни поэзии, а не скульптуре (которая Джуну не привлекает). Живописная работа несет отпечаток еще не изученных сил. Внимательно вглядевшись в портрет человека, можно при наличии способностей к тому прочитать его судьбу, в жанровой картине обнаружить зашифрованное предсказание (о котором мог даже и не догадываться живописец). Или догадаться с опозданием, когда ничего не поправить.

Вот пример предсказания, сделанного Джуной, однако предсказания, облеченного в живописную форму вместо формы словесной.

Туго натянут на подрамник и загрунтован холст. Кисти торчат из банок, наполненных олифой, разбросаны там и сям, так же как обрывки тряпок, которыми пользуются художники для вытирания кистей. Краски пахнут свежо, и запах немного кружит голову, от него делается легко на душе, и странная беспричинная радость разливается в душе. Кто хоть раз прикасался кистью к холсту, собственноручно разводил краски или хотя бы присутствовал при работе художника, поймет, о чем речь.

Джуна рисовала. Композиция картины выстраивалась сама, по какому-то наитию. Облако возникло там, где надлежало быть небесам, парусник, на котором не было видно никого из команды, появился чуть в стороне от центра картины. Теперь художница быстрыми мазками стала изображать берег. И вдруг из разрозненных мазков краски выступило чье-то лицо, которое казалось знакомым. Джуна спросила своего друга, который с интересом следил за ее работой: «Взгляни, кто это?»

Собеседник назвал имя их общего товарища. И подтвердил — его профиль.

И тут же, без вмешательства извне, будто повинуясь какой-то мистической силе, картина изменилась. Вернее, она осталась прежней — краски, композиция, сюжет. Изменилось прочтение нарисованного. Облако представилось облаком смерти, оно доминировало на холсте, ему подчинялись и парусник, и берег, в

котором странно отразилось лицо друга. Джуна в ужасе бросила кисть.

Поздно, поздно! Должное свершится, свершилось. На следующий день Джуна узнала, что человек, чье лицо возникло на ее картине из случайных мазков, неожиданно и скоропостижно умер.

Итак, предсказание в стихах и предсказание в картинах. В духовном мире Джуны поэзия и живопись связаны особо. Видение чернобыльской трагедии пришло и в виде строчек, требующих расшифровки, и в виде букв, складывающихся в слова, и в виде рисунка, сделанного на листе подвернувшегося под руку блокнота.

Вот еще одно предсказание и еще один вариант связи словесного и живописного в мире Джуны. На сей раз сюжет картины, так и оставшейся неоконченной, заимствован из притчи «Русалка». В придуманной Джуной истории рассказывается о девушке, погибшей в море. Ее возлюбленный остался на берегу, а она не вернулась к нему.

На холсте переливался не высохшими покуда красками старинный корабль. По замыслу живописца, другой корабль должен был плыть навстречу ему. И опять неожиданное видение. Море было нарисовано с самого начала. Ничего в нем не было. Джуна хотела сосредоточить внимание зрителей на кораблях, вода служила только лишь фоном... Но из воды на глазах художника проступает лицо мертвого человека.

Тело мигом объял испуг. Она больше не хотела смертей. Довольно мистических превращений. Кистью, по свежей краске, Джуна закрасила изображение. Все. Нет ни корабля, ни моря. Есть беспорядочные и бесформенные мазки.

Теплоход «Адмирал Нахимов» столкнулся с сухогрузом. Об этом она узнала наутро. Погибли люди. Джуна уверена: не остановись она вовремя, допиши картину до конца, жертв было бы намного больше.

Возможно, она права. Мистическая связь между событием и живописным изображением, разумеется, существует. Кто знает, вдруг эта связь двухсторонняя и при определенных условиях художник, сам того не желая, уже будет не медиумом, принимающим сигнал, а генератором сигнала?

Существует связь и между словесным и живописным изображениями. Выбери Джуна сюжет чисто живописный — те же старинные корабли, то же море, — может быть, таинственная цепь соответствий не замкнулась бы. Но за вполне нейтральным изображением стояла записанная словами история, история с печальной концовкой. Семантика живописной работы

усложнилась, соотношение красок и форм подкрепилось прозаическим сюжетом. А вдруг незаконченная картина послужила ретранслятором для сюжета притчи? В таком случае Джуна, несомненно, права: законченная картина обладала бы способностью к ретрансляции во много раз большей.

Сами картины она строит особым способом: «Те, кто обладает сенсорной чувствительностью, легко обнаруживают сигналы, идущие от моих картин. Я распределяю на них энергию так, чтобы источниками сигналов стали основные композиционные точки. Так легче человеку, и не обладающему высокой чувствительностью, получать сигналы, которые я ему посылаю. А в них, поверьте мне, содержится и никогда не иссякает целебная энергия». Следовательно, к живописному сообщению и к сообщению чисто сюжетному добавляется сообщение энергетическое.

Пусть художник руководствовался самыми благими намерениями. В определенных ситуациях энергия его картин может трансформироваться, включаться в потоки других энергий, усиливая их, или по чужому энергетическому потоку проецировать сюжет картины в разные точки пространства и времени.

Тем более живописная практика Джуны далека от привычных стандартов. Бывали случаи, когда в творческом порыве она вкладывала в очередную картину энергию с избытком. Однажды, пытаясь дать выход накопившимся эмоциям, она взялась за новую работу. В те времена Джуна не пользовалась кистями или мастихином, а втирала краски в холст кончиками пальцев. Труд был настолько напряженным, что у нее даже к концу сеанса разболелась голова.

Навестивший ее в этот день друг попросту испугался — картина была перенасыщена энергией, от нее било током. Но подлинный ужас испытал он, заглянув на кухню. Излучение оказалось таким сильным, что стаканы, стоявшие на кухонном столе, полопались.

Но все же эта глава посвящена не живописным работами Джуны, а ее друзьям. И потому, используя удобный случай, вернемся к рассказу о них. Хотя и следующий эпизод из жизни Джуны кое-что добавляет к пониманию ее живописи.

Друг Джуны художник Виктор Грушеван очень переживал, ожидая того момента, когда станет отцом. Жена его лежала в больнице на сохранении, а он, томясь одиночеством, просиживал в мастерской Джуны, наблюдая за ее работой. В ту ночь Джуна писала картину, на которой изображался ребенок в лотосе в окружении моря и гор.

Гость собрался уходить, сославшись на поздний час. И в ответ услышал резкое предостережение хозяйки мастерской: чтобы ребенок родился здоровым, картину обязательно надо закончить сегодня.

— Врачи сказали, что надо ждать еще две недели, — возразил гость.

— Не через две недели, а в нынешнюю ночь! — Джуна была непреклонна.

Последний мазок. Картина закончена. Гость ушел, когда на улице уже светало.

А днем телефонный звонок. У Виктора родился сын, и счастливый отец приглашал Джуну стать крестной ребенка.

Забавный эпизод. Приятные ожидания, хорошие люди, занимающиеся интересными делами. Не хочется вспоминать ни о чем плохом, темном. Но жизнь Джуны была совсем не безмятежной, и в трудные периоды на помощь ей приходили друзья. Помогли они пережить и страшный «мертвый сезон».

Однако закончить эту главу, названную строчкой из стихотворения Беллы Ахмадулиной, хочется рассказом, где Ахмадулина оказалась одним из действующих лиц. Хотя сначала следует сделать маленькое отступление.

Джуна была в прекрасных отношениях с Ираклием Андрониковым, всеобщим любимцем, обаятельным человеком, затейливым рассказчиком. Перед тем как сделаться верным товарищем Джуны, он был ее очередным пациентом. Человек немолодой, Андроников болел болезнью Паркинсона в столь сильной форме, что даже не мог сидеть на стуле. Эту тяжелую и мучительную болезнь Джуна вылечила за несколько сеансов.

Пользовался чудодейственными способностями Джуны и Леонид Леонов. Как-то они одновременно оказались у Джуны. Она совершала лечебные пассы и по ходу дела рассказывала любопытный сон, который недавно видела. Во сне женщина, облеченная в черное платье, подарила Джуне пояс, украшенный четырьмя камнями.

Слушатели смеялись и мило подтрунивали над рассказчицей. Однако едва замолк смех, в гости к Джуне пришла Белла Ахмадулина. Она была одета в черное платье, ибо всегда отдавала предпочтение чистым цветам — белому и черному. Просидев некоторое время, Ахмадулина стала прощаться. И вдруг протянула Джуне пояс, украшенный четырьмя топазами. «Вот, возьмите на память!»

Присутствующие при этом Леонов и Андроников были потрясены. Камни Джуна бережно хранит до сих пор.

Булла папы римского и Мальтийский крест

О днях рождения Джуны ходят легенды. Говорят, собирается такое количество гостей возле того места, где происходит праздник, что попросту не пройти. Гости идут сплошной чередой. Нет, Джуна не так богата, чтобы устраивать пышные приемы. Праздник для нее устраивают ее друзья. А друзей у Джуны великое множество.

И подарки, которые делают ей в этот праздник, под стать самой имениннице — они отличаются оригинальностью. Дарят что-то небывалое, странное, экзотическое. То, чего больше нет ни у кого (в крайнем случае необыкновенную редкость). На сорок восьмой юбилей, например, ее возвели в чин генералиссимуса казачьих войск.

В нынешнем году подарки были чуть скромнее. Посол Ирака наградил именинницу по случаю 30-й годовщины иракской революции медалью от имени Саддама Хусейна и личным приглашением посетить Ирак с официальным визитом. От себя лично посол подарил кольцо с бриллиантовой ветвью (такое кольцо следует носить на большом пальце руки).

Военные моряки прислали медаль адмирала Кузнецова, а глава итальянского отделения Мальтийского ордена Золотой Крест рыцаря.

Сколько у нее теперь этих почетных наград и званий? Простое перечисление займет несколько строк.

Орден «Дружбы народов», ассирийский религиозный орден Международной академии альтернативных наук «Богиня Б АО», чилийский орден организации «Здравоохранение за мир», итальянский «Золотой лев святого Марка», всемирная медаль ООН «За укрепление мира», орден «Королевских медиков» Шри-Ланки, военный орден рыцарей Мальты «Святого Джона Иерусалимского», военный орден «Дама чести». А еще орден имени Альберта Швейцера, орден Святого Михаила, орден Святого Валентина, орден Святого Иоанна Иерусалимского, орден «Южный крест», орден рыцаря-командора Большого Мальтийского креста, орден рыцаря Мальтийского креста I, II и III степеней, орден Серебряного орла, орден Мира и Справедливости, орден «За заслуги в медицине».

А медали! Золотая медаль Комитета защиты мира, медаль «За боевые заслуги», золотая медаль ВДНХ, медаль имени Николы Теслы, золотая медаль «За гуманизм».

Золотая звезда «Женщина мира» (США)! А булла папы римского!

Уверен, что перечислил не все.

А титулы, звания, должности!

Академик Российской народной академии, президент Международной ассоциации традиционной и альтернативной медицины, президент Международного общественного фонда «Джуна», президент Международной академии альтернативных наук «Джуна», вице-канцлер Открытого университета комплиментарной медицины Дипломатической академии мира ЮНЕСКО при ООН, член Австралийской академии акупунктуры и рефлексотерапии, президент Ассоциации ассирийцев России, почетный генерал- полковник медицинской службы, Великая княгиня, глава регентского Совета Российского дворянского общества «Новая элита России», президент Международной ассоциации ассирийцев России «Ларос».

А почетные дипломы! А множество запатентованных изобретений! А стихи и проза, опубликованные в разных журналах, песни. И книги, научные и художественные: «Слушаю свои руки», «Бесконтактный массаж», «Элементы живого космоса», «Песни Джуны», «Поэзия и живопись».

Однако стоит прервать перечисление, чтобы не превратить эту главу в статью из справочника «Кто есть кто».

Кажется, годы борьбы за свое призвание, годы замалчивания и гонений ушли в прошлое безвозвратно. И все же следует поставить вопрос по-иному.

Да, наступило время признания. Но не есть ли это одно из самых тяжелых испытаний, выпавших на долю Джуны? Испытание не славой, не успехом. Испытание самой собой. И не присутствуем ли мы при последней, решающей сцене, непременной в мифе о магах? Эта сцена может носить жертвенный или ритуальный характер, как подчеркивает Е. М. Батлер. Но подарки, звания и чествования и являются принадлежностью подобного ритуала.

Что есть маг, отмеченный международными званиями и дипломами? «Волхвы не боятся могучих владык, и княжеский дар им не нужен», — с детства мы помним эти слова. Но когда мы заучивали их наизусть, сидя за школьной партой, мы не ведали, что маги существуют в действительности, живут в мире где-то поблизости от нас.

Вспомним историю с заграничным паспортом, выданным Джуне после многолетних запретов на выезд. Этот паспорт — особый, таких паспортов на счет. В нем на первой странице написано: «Президент общества дипломатических представительств Всемирной Организации Орбис обращается ко всем дипломатам, консулам, гражданским и военным

представителям с просьбой оказывать максимальное внимание предъявителю этого паспорта и использовать все легальные возможности, а также исключение из правил для того, чтобы предельно помочь выполнению его миссии без всяких препятствий».

Кто в силах помочь магу преодолеть границы, магу, свободно путешествующему по Вселенной, заходящему в сны, по собственному соизволению проникающему в будущее и прошлое? К чести Джуны, она не пользуется льготами, предоставляемыми замечательным документом. Она хранит в себе независимость мага, охраняет магический статус от посягательств внешнего, ритуализованного мира, в какие бы приятные формы эти посягательства ни рядились.

Манифест ассирийской царицы

«Царица Ассирийского народа Евгения Бит-Саргис-Серегина-Давиташвили-Джуна,

Глава Регентского Совета Российского Дворянского Общества «Новая Элита России»

Я, Евгения Бит-Саргис-Серегина-Давиташвили-Джуна, по волеизъявлению Ассирийских Общин всего мира принимаю на себя титул Царицы Ассирийского народа во имя добра, любви и согласия между Народами планеты!

В этот знаменательный день я возношу Горячую молитву о процветании народов мира.

И призываю Глав всех государств и конфессий к миру, сотрудничеству, взаимопониманию на благо всех народов земли.

Евгения Джуна

Москва 18.10.97 года».

Такого государства нет на карте мира, да его и не может быть, ибо государство — это в первую очередь территория, пусть разорванная на клочки, пусть разбросанная на многие тысячи километров.

Без Джуны и государство бы это не существовало. Кто бы еще занял в нем царственный престол?

Значит, Джуна преодолела новое испытание, испытание общим признанием, званиями и наградами без числа. Если она способна вообразить такое государство без границ и таможен, государства без паспортов и прописки, значит, в ней живо то детское, без которого нельзя смотреть на мир широко открытыми чистыми глазами, без которого не проникнуть ни в прошлое, ни в будущее, без которого дар провидца не существует.

Первый официальный прием Царица нового государства провела в Центральном Доме журналиста. На приеме присутствовал и Цесаревич Вахтанг Викторович.

Царица была строга, но благосклонна.